Борис Маркус

МОСКОВСКИЕ КАРТИНКИ

1920-х - 1930-х г.г.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Борис Сергеевич Маркус родился в Москве в 1919 году. По окончании института был направлен на фронт. Участвовал в обороне Москвы, был тяжело ранен, с 1943 года и до конца войны воевал в Гвардейских минометных частях. От Сальских степей Ростовской области прошел по военным дорогам через Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию. Войну закончил в Австрии в звании гвардии майора.

После войны Борис Сергеевич Маркус работал архитектором. Занимался проблемами реконструкции центра Москвы, сохранения исторического города. С 1988 г. работает в Экспертно-консультативном общественном совете при Главном архитекторе г. Москвы. С 1998 по 2002 год — вице-президент Союза московских архитекторов (СМА). В настоящий момент — советник президента СМА. Заслуженный архитектор России.

Книга «Московские картинки 1920–30-х годов» интересна не только с литературной и исторической позиции, но и своим оформлением. Будучи прекрасным художником, Борис Сергеевич использовал в качестве иллюстраций собственные рисунки, сделанные с натуры или по воспоминаниям. Книга обращает на себя внимание искренней любовью автора к историческому центру старой Москвы.

- Борис Маркус
  - К читателю
  - Кудринская округа
    - Моя маленькая родина
    - «Кудринка»
    - Новинский бульвар
    - Трубниковский переулок, Собачья площадка, Большая Молчановка и переулки
    - Поварская и Большая Никитская улицы с переулками
    - Баррикадная улица
    - Дом, в котором я жил
    - Комментарии из конца 90-х годов XX века
  - Ушедшие в небытие
    - Фонарщики
    - Извозчики
    - Старьевщик
    - Шарманщик
    - Трубочист

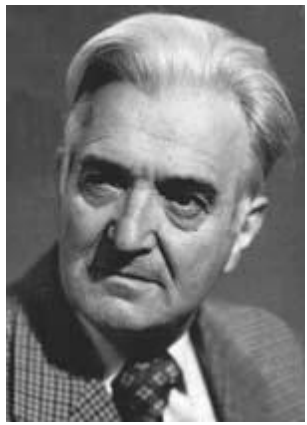
- Чистильщик сапог
- Лотошники
- Точильщик ножей, ножниц
- Стекольщик
- Газетчики
- Беспризорные
- Китайские прачечные
- Общественные уборные
- Водозаборные колонки
- Ассенизаторы
- Комментарии из конца 90-х годов XX-го века

○ Московские были
- Большая кругосветка» («Букашка»)
- «Малая кругосветка» («Аннушка»)
- Некоторые другие маршруты
- Комментарии из конца 90-х годов XX века

○ Московские картинки
- Первая сельскохозяйственная выставка, первый парк культуры и отдыха
- Старые трамваи
- Первые такси
- Первые автобусы
- Первые троллейбусы
- Милиционеры, семафоры и светофоры
- Пожарные едут!
- Похоронная процессия
- Дальние и пригородные поезда
- Первые электрички
- Мостовые и тротуары
- Берега и наводнения
- Кино — немое, звуковое и цветное
- Радио
- Примусы, керосинки и чугунные утюги
- Галоши и боты
- «Торгсины» и «Люксы»
- Прощание с Лениным
- Как взрывали храм
- Дирижабль над Москвой
- Гибель самолета «Максим Горький»
- Встреча челюскинцев
- Демонстрации

Борис Маркус
Московские картинки 1920-х — 1930-х гг. (воспоминания)

К читателю



Предлагаемые небольшие очерки-воспоминания не претендуют на научный характер. Более того, так как память может что-нибудь и упустить, а может быть и несколько исказить, выхватив только отдельные, разрозненные факты и даты, возможно, достаточно субъективные оценки, хотел бы обратить внимание на то, что все это лишь некоторые осколки воспоминаний уже довольно немолодого человека, старающегося мысленно перенести себя в годы своего детства, в двадцатые годы, а, частично, в начало тридцатых. Временная дистанция, как видите, огромная, порядка шестидесяти — семидесяти лет. Многое помнится ярко, а что-то достаточно смутно. Но детские годы всегда и для всех остаются незабываемыми. Поэтому общий колорит сохраняется, что-то остается в памяти на всю жизнь. Конечно, некоторые детали выпали из памяти. Что ж, ничего не поделаешь. Важно, на мой взгляд, донести до современного читателя, особенно, до молодых людей, картинки ушедшей от нас, но не такой уж и старой Москвы. Ведь, если Москве сейчас 850 лет, то перенос воспоминаний на каких-нибудь семьдесят лет просто пустяк. Но как же все-таки изменился город за эти ничтожные семьдесят лет! Как изменились дома, как изменились улицы и переулки, площади и набережные Москвы-реки и Яузы! Как изменился городской транспорт. Сколько профессий ушло в безвозвратное прошлое. Для нынешней молодежи, да и не только для молодежи, просто незнакомы такие слова, как трубочист, старьевщик, шарманщик, холодный сапожник, стекольщик, точильщик, фонарщик, трамвай «Букашка», «Ванька-извозчик» и многие другие. А если и знакомы, то не в приложении к Москве. А какими были первые московские такси? А какими были первые автобусы и троллейбусы? А московские наводнения, а толкучки?

Ведь что-то совсем ушло в небытие, а что-то очень изменилось, стало совсем иным. Но ведь все это было, жило рядом с нами в годы нашего детства и воспринималось, как отдельные неотъемлемые стороны нашего быта.

Может быть, в моих рассказах что-то покажется читателю интересным, для кого-то приоткроется небольшая страничка прошлого его родной Москвы, может быть… И если это случится, то значит, цель, поставленная мною, будет достигнута. Спасибо.

Кудринская округа

Моя маленькая родина

Часто мне приходилось слышать, как по-разному люди определяют свою малую родину. Для кого-то это три березки, стоящие неподалеку от дома, для кого-то сам родной дом, для кого-то родные могилы, а для кого-то какое-то ему одному известное заветное место, где бывал сам с собой или с близким другом, где было только небо, солнце, ветер, он или они и больше ничего. У каждого свое. И живет это свое где-то внутри, и напоминает о себе только в каких-то крайних случаях, когда ни о чем больше не остается думать, как только о самом заветном. Нет, я не мог бы ограничить свое представление о своей малой родине только, скажем, домом, где провел детство, или двором нашего дома, или ближайшим к нему окружением. Нет, мои представления значительно шире. Они вбирают в себя не только ближайшее окружение, а целый большой район, в котором я жил, много улиц, по которым ходил вдоль и поперек, много домов, которые посещал, много, много, много всего, что сохранила память о детстве.

Память о детстве обладает какой-то особой притягательной силой. Все немного окрашивается в какие-то удивительно нежные тона и полутона, пронизывается каким-то особым светом, который высвечивает то одно явление, то другое. Это может быть и дом, и проходной двор, и маленькая церквушка, и школьный двор, и люди, в первую очередь, родители, и любимая воспитательница в детском саду, и любимые учителя в школе, и сама школа, и первые друзья, и первая любовь. Это целый мир, размещающийся в довольно большой округе вокруг дома, в котором я жил. Кажется, в этом мире не остается места для темных сторон, темных людей, темных событий. Почему-то остается только самое светлое, самое дорогое сердцу. Но что-то остается вне памяти, а что-то неумолимо напоминает о себе, что-то просто соприсутствует, а что-то остается настолько значительным, что определяет собой мой внутренний мир не только того времени, но и всей последующей жизни, мои ощущения всего, что меня окружало. Это и дома, и вещи, и, конечно же, люди. Люди, дорогие сердцу моему, люди, в большинстве своем уже ушедшие в мир иной, или исчезнувшие из моей жизни в силу разных причин — и хороших, и плохих, а может быть, просто никаких.

Итак, начинается рассказ о месте, где жил от рождения до совершеннолетия. О моей малой родине. Но пока все-таки почти только в чисто географическом или краеведческом плане. Место,

дом, окружение ближнее, окружение дальнее. В основном, личные внешние впечатления.

Все это должно в рассказе остаться таким, каким помнится. Не книжно, не с чужих слов, а только так, как прошло через меня, через мое сердце. Так, как сохранила память. О людях же лишь вскользь, кратко. Потому что не упомянуть о ком-то, кто именно жил в тех местах, что я описываю, просто невозможно. Но все-таки о людях должен быть другой рассказ. Не хочется очень уж перемешивать одно с другим, хотя, конечно, одно без другого не существовало. А все-таки…

Может возникнуть вопрос: а как же определились границы этого района? Трудно ответить. Они, конечно, размыты. Но, в основном, это ближайшее окружение Кудринской площади, обязательно включающее в себя и район Большой Никитской улицы, и Поварской, и Арбата, вплоть до Пречистенки и Остоженки, и Бронных улиц, и Баррикадной (бывшей Кудринской) с Конюшковской. В какой-то мере границы не заходят далеко за Бульварное кольцо, или не отходят от Садового. Но все это очень условно. Ведь не менее родными были

и другие места центра города — и около расположения моих детских садов — около первого на Большом Кисловском переулке, или второго вокруг «Метрополя», и в Замоскворечье, около Третьяковки, или в районе Таганки, куда переехал после сноса дома на Кудринке, или около Архитектурного института на Рождественке, в переулках Ивановской горки, где провел прекрасные дни молодости. Много дорогих мест в Москве моего детства и юности, но пока я беру только Кудринскую округу, как самую близкую и раннюю.

«Кудринка»

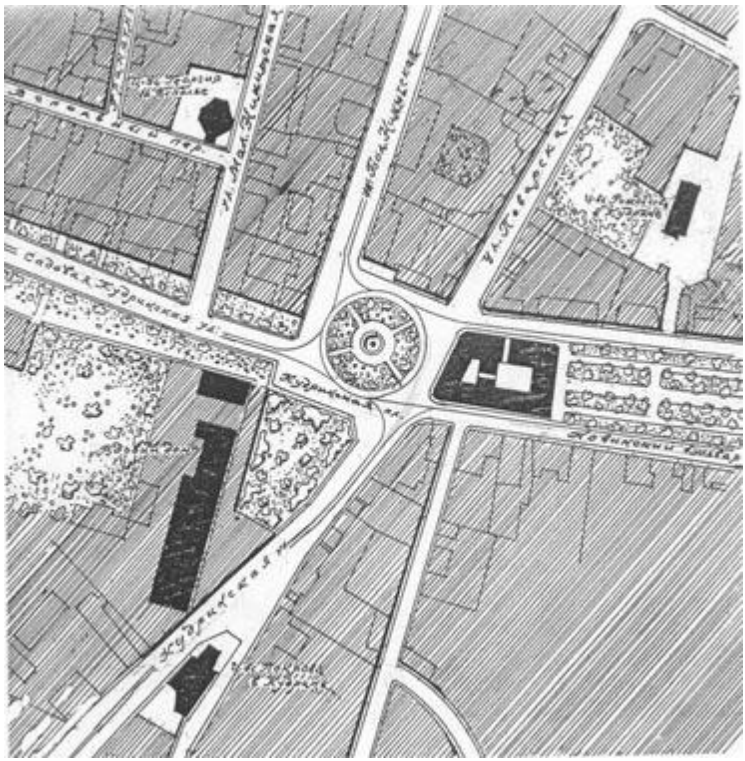
Меня часто тянет в мои давние знакомые края, в Москву моего детства. Вот и теперь я прихожу на Кудринскую площадь, но почти ничего не узнаю. В этом огромном, потерявшем человеческий масштаб, пространстве, кое-где еще проглядываются отдельные дома того времени, как отдельные остаточки прошлого. Именно, остаточки. Потому что главными на этом новом пространстве, конечно же, стали теперь и огромный новый высотный дом и такой чужой центру Москвы разбитый перед ним новый регулярный сквер. Появился не менее чужой старой Кудринке новый многоэтажный дом на углу Поварской, и, конечно же, площадь просто потерялась в совсем незнакомом огромном пространстве нового широченного проспекта, называемого по старому Новинским бульваром, от которого осталось только название. Одно время это название заменяли на «улицу Чайковского», но теперь вновь вернулись к Новинскому. Хотя самого бульвара здесь давно уже нет. И нет ни дома, в котором я жил, а ведь он когда-то был главным на старой Кудринке, ни сада перед Вдовьим домом, ни Баррикадной улицы, которая уступила свое место новому скверу, отодвинувшему ее к фасаду Вдовьего дома, ни, наконец, того небольшого круглого сквера, который был в центре площади. Осталась, правда, Садовая-Кудринская улица, но как же она изменилась! Где ее прославленные сады вдоль застройки? Где невысокие домики, формировавшие ее? Все ушло безвозвратно.

Короче, практически старой Кудринской площади, ставшей своеобразной жертвой репрессий 37-го года, нет и в помине, а то, что сейчас носит название Кудринской площади, просто является новообразованием, абсолютно не похожим на нашу «Кудринку» времен, предшествовавших великим реконструктивным сносам тридцатых годов и послевоенного строительства. Нет ее. Обидно страшно. Как будто попал в совсем другое место, в другой мир. Правда, остались кое-какие осколочки прошлого. И они, эти осколочки все-таки напоминают, что именно здесь была когда-то Кудринка.

И вот я стою на новой огромной площади на углу Большой Никитской и Садово-Кудринской улиц и стараюсь восстановить в памяти ту старую, милую сердцу мою Кудринку. Мешают, правда, сосредоточиться сплошные потоки автомашин, проносящихся в обе стороны по широкому новому Садовому кольцу, потерявшему и бульвары и сады. Главным тут стал транспорт, гулять тут просто невозможно. Человеку здесь просто трудно

приспособиться. Отовсюду его поджидают опасности. Транспорту тут тоже не просто. Пробки и простои.

А все-таки, давайте попробуем хоть мысленно вернуться в мир той площади. Ведь она была такая московская, такая человечная. А какой она была раньше, до моего знакомства с ней? Когда стала той, на которой я провел первые годы своей жизни?



То, что Кудринская площадь получила свое название от расположенного здесь когда-то при зарождении Москвы села Кудрино, я знал давно. Знал и про происхождение названий многих прилегающих к площади и Новинскому бульвару переулков. Все это уводило в глубь истории и было страшно интересно. Но сейчас останавливаться на этом не хотелось бы, так как сейчас передо мной стоит совсем другая задача. Меня больше интересовало, как выглядела площадь в первые годы советской власти, в годы моего детства, то есть в двадцатые-тридцатые годы нашего столетия. Площадь складывалась после сноса валов Земляного города постепенно, достаточно тактично меняя свою застройку, не нарушая, очевидно, общего характера ее. Она все время менялась. Особенно много изменений произошло, конечно, после пожара 1812 года, когда огромное количество деревянных, да и не только деревянных домов просто выгорело. Только очень

немногие здания тогда сохранились. После пожара восстановление шло достаточно быстро. Уже к началу двадцатых годов прошлого века вновь отстроились улицы. Появилась так называемая послепожарная застройка. Позднее стали возникать дома нового типа, вроде различных контор, банков, магазинов. То там, то тут возникали доходные дома, значительно превышающие по своей высоте окружающую застройку. Это происходило и на самой площади, это же происходило буквально на всех прилегающих улицах и переулках. Рядом со старыми одно-двухэтажными домами и домиками появились четырех, пяти и даже шестиэтажные дома. Одновременно появлялись и малоэтажные особняки совершенно иной архитектуры, которая, однако, сумела очень удачно сочетаться со старой застройкой. Повсюду можно было увидеть соседство совершенно разных по возрасту зданий. Например, на нашей площади Вдовий дом появился еще в конце XVIII века, но перестраивался и приобрел современный вид уже после пожара 1812 года. Дом, в котором жила наша семья, был построен на грани веков в 1901 году, примерно в то же время появился и угловой дом на Большой Никитской. Позднее в центре площади появился круглый сквер. Ведь первое время наш дом стоял перед совсем голой пустой площадью. Я наскочил в литературе на снимок площади до ее реконструкции. Сделал с него зарисовку. Вот она. Думаю, она дает более или менее ясное представление о первоначальном виде площади уже после строительства нашего дома. Скучная она, по-видимому, была, неблагоустроенная.

Постепенно она как-то сформировалась, устоялась. Казалось, что такой она была, такой существует и такой будет еще долгое время. Хотя была она очень разнохарактерной по архитектуре домов, стоящих на ней. Почему же архитектура такой разновременной застройки не резала глаз, почему площадь оставалась компактной, единой? Контрастов, по крайней мере, не чувствовалось. Почему?

Очевидно, здесь проявилась вечная закономерность эволюционного развития населенных мест. Новое как бы является естественным продолжением старого, соседнего, даже если несколько превосходит его по размерам. Оно не контрастирует, так как сомасштабно со сложившимся соседствующим старым, так как появилось, считаясь с ним. Масштаб, ритм, членения, строй — все это гармонично увязано и поэтому все это не создает контраста, не вызывает протеста. Так, в основном, происходило в процессе застройки нашей площади. Но если новое вмешивается в застройку, не считаясь с ней, то как бы прогрессивно и по своим функциям, и по конструктивным и архитектурным решениям оно,

это новое, не было, оно остается чуждым окружающей его среде, оно как бы разрушает ее, противоречит ей. Так повели себя многие доходные дома, появившиеся на московских улицах и переулках в конце прошлого, и особенно, в начале нашего века. Мы еще убедимся в этом, когда будем ходить по окружающим Кудринскую площадь улицам и переулкам. На самой же площади особо контрастных явлений я как-то не замечал.

Помимо внешнего вида застройки площади меня интересовало еще многое другое. Например, то, почему площадь после революции стала называться площадью Восстания. Я хотел знать, отчего в таком огромном городе, богатом своим героическим прошлым, так названа именно наша площадь. И мне рассказывали и о декабрьском восстании 1905 года, о боях на Пресне, о баррикадах, о дружинниках, которые именно здесь не пускали на Пресню карателей Семеновского полка, прибывшего из Петербурга. Мне рассказывали, что и в революции 1917 года на площади шли ожесточенные бои, что отсюда красногвардейцы шли против юнкеров на Арбат, на Кремль. Короче, мне объяснили, почему наша Кудринка стала называться таким воинственным именем. И мне представлялись эти бои, эти баррикады, орудия, дружинники, жандармы, казаки и семеновцы. Я старался представить себе, где были пушки, где баррикады, ведь недаром же бывшая Кудринская улица, идущая от нашей площади на Пресню, называется теперь Баррикадной. И даже кинотеатр тоже назван «Баррикады». Я даже гордился, что живу в таком героическом районе. Иногда пытался в рисунках передать эти воображаемые события. Жаль, что рисунков детства не сохранилось.

Итак, Кудринская площадь. Мы все время так ее и называли, потому что в обиходе новое название «Площадь Восстания» как-то в обиходе не очень привилось. Конечно, официально повсюду мы называли ее, как положено. И адрес наш почтовый был «Площадь Восстания, дом 1» и т. д. Но слово «Кудринка» было привычнее и милее, как трамваи «Букашка» и «Аннушка», как московские особнячки, как тихие улочки и кривые переулки. В моем окружении все продолжали называть ее Кудринкой. Это было названием не только площади, но и всей округи. Даже не названием, а скорее понятием. Как Арбат не только улица, а целая округа, некое понятие, впитавшее в себя большое окружение, как бы оно ни называлось.

Так вот, сама площадь, сама наша Кудринка, была очень небольшой, чуть больше ширины бульвара с его боковыми проездами. Она немного расширялась под углом в сторону Баррикадной улицы, около сада бывшего Вдовьего дома. Получалось нечто вроде трапеции. В центре площади был круглый сквер. Теперь на его место просто невозможно выйти: он находился в самом центре нынешних чудовищных транспортных потоков. А все-таки попробуем представить себе наш сквер. Я уже говорил, что был он примерно в ширину бульвара, или нашего дома, не больше. Вокруг него был очень узенький тротуар и обычная проезжая часть, по которой шли трамваи. Одни шли от Новинского бульвара к Садовой Кудринской улице, другие пересекали площадь от Баррикадной улицы к Большой Никитской. И, конечно, этим направлениям сопутствовали встречные, идущие в обратную сторону. Так они со всех сторон объезжали сквер, окружали его. А во все четыре стороны были ответвления на основные улицы.

На углах улиц были трамвайные остановки, а в местах, где трамваям надо было делать правые повороты, были устроены стрелки, переводящие рельсы, и поэтому тут все время дежурили стрелочницы. Они ломами переводили рельсы в нужное направление. А вообще-то между работой сидели, нахохлившись, на железных табуреточках неподалеку от своих стрелок. Автоматических же стрелок в то время еще не было. Так и запомнились эти вечно сгорбившиеся стрелочницы, сидевшие почему-то даже летом в пальто. Одно время трамвайные остановки были около сквера, одна против другой. Но это, наверное, оказалось не очень удобным, так как подходящие к занятой остановке трамваи останавливались и загораживали путь другим, идущим по другим линиям.

Конечно же, такое положение сквера на площади среди трамвайных линий не делало его очень привлекательным для прогулок. Тем более, что совсем рядом было прекрасное прогулочное место — Новинский бульвар. А кое-кто умел как-то проникать в огромный сад Вдовьего дома. Мест для прогулок и помимо нашего сквера было достаточно. Например, в

Шаляпинском саду, в садах прилегающих к кольцу владений. Сквер же практически был каким-то проходным островком при переходах от улицы к улице. На нем не задерживались, не засиживались, не встречалось и бабушек с детишками. Скамейки, правда, стояли. Изредка можно было увидеть, что кто-нибудь все-таки сидел на них, почитывая газету. А все-таки, при всем при том, это был наш сквер. И хочется о нем говорить только хорошее, уважительное.

Посреди него был круглый грубо облицованный бассейн фонтана, окруженный газоном с цветочными клумбами и узорами. В центре мелкого бассейна сначала одиноко торчала труба, из раструба которой била струя воды. Конечно, особой красоты это не представляло, да и струя была жидковата, поэтому позднее в центре соорудили невысокий белый пьедестал со скульптурой. Это был маленький пионер, прижимавший к сиденью то ли шарик, то ли мячик, из которого била струя воды. Но теперь уже не вверх, как раньше из трубы, а вперед. К сожалению, и эта струя была тонковатой. Скульптура «Пионер» была работы Жукова. Ничего особенного она не представляла собой. Так, одна из многих, появившихся в то время садовых скульптур, вроде «Девушек с веслом», «Бегунов», «Дискоболов», «Футболистов», «Часовых» и им подобным.

Помню, мы вышли как-то на сквер погулять. Наш папа Сережа, сестра Ира, я и братишка Володя. Я тогда был еще совсем небольшим, а уж о Володьке и говорить не приходилось. Так, если ему было от силы годика два, то мне, значит, целых шесть. Такая у нас с ним разница в годах. Только еще начиналась весна. Все мы были в пальто. У папы на голове шляпа с полями, у нас вязаные шапочки. У Ирины и Володи они были совсем приличными, а у меня какой-то нелепый большой берет. Вроде блина. Темно-синий с белыми полосками. Не нравился он мне, но приходилось подчиняться.

Так вот, вышли мы в сквер, а там как раз находился фотограф. Он назывался «холодный», что означало бродячий или уличный. Возможно, что и вышли-то мы в сквер из-за того, что решили сняться у фотографа. Папа сел на скамейку, мы устроились возле него, а фотограф установил перед нами свою треногу с большим деревянным аппаратом. Примерялся и готовился он страшно долго. Он снял с задней стенки аппарата большую деревянную коробку-кассету, что-то с ней делал под огромным черным платком. Потом, закрывшись этим платком, долго возился под ним, вертел какие-то ручки. Потом он то выдвигал объектив, то задвигал. Примеривался, проверял. Наконец, он, настроив, очевидно, свой фотоаппарат, вылез из-под

платка.

Он сменил матовое стекло на кассету и снова накрылся платком. Вскоре из-под платка высунулась его рука, он пощелкал пальцами в воздухе, прокричал нам, чтобы мы не шевелились и смотрели на объектив, из которого должна, якобы, вылететь птичка. Тоже мне, на дурачков каких-то напал. Ну, я-то, разумеется, прекрасно знал, что никакой птички не будет, а все-таки, затаив дыхание, ждал чего-то особенного, необыкновенного. Чуда ждал какого-то.

Наконец, после слов «Спокойно, снимаю!», фотограф снял с объектива крышку и, прочертив ею круг в воздухе, водрузил на место. Потом он еще немного поколдовал над чем-то под платком и, наконец, выдал нам мокрую фотографию. Она до сих пор хранится у нас. Жалко, что на ней невозможно рассмотреть поподробнее саму площадь, окружение сквера. Но и на том спасибо. Хоть какая-то память о том времени…

Итак, сама площадь была небольшой с более или менее одинаковыми по высоте и по характеру двух-трехэтажными домами. Только наш дом, стоявший в торце Новинского бульвара, был большим пятиэтажным, очень массивным, но все-таки неплохо увязывающимся с окружающими его домами.

Да, он был главным на площади, и все окружение подчинялось ему. Справедливости ради, должен сказать, что, кое-кто полупрезрительно называл наш дом «сундуком». Но я был с этим не согласен. Конечно же, он был крупнее других и тем самым становился главным. Как камень на перстне выделяется, но не противоречит. Так, почему же все же «сундук»?

Однажды я забрался с приятелями на крышу нашего дома. До чего же это здорово! Аж дух захватывает. Кажется, что ты выше всех в городе, что он просто расстилается перед тобой. А если подумать, то всего-то пять этажей плюс крыша. Не так уж и высоко. Но вокруг застройка ниже нашего дома, и кажется, что ты находишься где-то в самом поднебесье.

Мы стояли прямо над площадью, и она вся казалась значительно меньше, чем при обзоре с земли. Лежит перед тобой трапеция, от углов которой отходят разные улицы. Прямо передо мной широкая Садовая-Кудринская. Она начинается, как большой широкий проспект с садами по бокам. Но он уходит прямым на очень небольшое расстояние. Где-то у Спиридоновки он сворачивает вправо. Ведь кольцо все-таки. Вправо от площади отходят под углом друг к другу Поварская и Большая Никитская. Влево — Кудринская улица (Баррикадная). Дома не очень-то высокие. Больше двух-трехэтажные. Иногда попадаются и четырехэтажные. Все это утопает в зелени. Тут и сады Садового кольца, тут и озелененные дворы, тут и огромный сад Вдовьего дома, вливающийся где-то за Грузинской улицей в море зелени Зоопарка. То там, то тут из зелени и среди крыш застройки возникают купола и шпили церквей. Вон слева гордо возвышается острый шпиль церкви Покрова на Кудрине. Это почти около

Зоопарка. А прямо перед нами тоже очень высокий и красивый шпиль колокольни церкви Георгия на Всполье.

Он выше шпиля Покрова и, по-моему, красивее, стройнее. Теперь нет ни той, ни другой церкви. Их снесли в начале тридцатых. Место церкви Покрова заняла боковая часть высотного здания, что стоит на площади Восстания, с небольшим башенным завершением

А на месте церкви Георгия, на углу Малой Никитской и Вспольного (бывшего Георгиевского) переулка, выросло огромное здание «Дома звукозаписи», абсолютно исказившее окружающую обстановку, Я не хочу сказать, что дом этот был каким-то уродливым. Нет, он как раз выглядел сам по себе вполне прилично, и мог бы достойно встать в строй домов новой застройки. Но здесь, в окружении сохранившейся еще с прошлого века малоэтажной застройки, он выглядит явно чужим, инородным. А жаль. За Георгием на Всполье видны и более далекие колокольни. Это уже где-то в районе Спиридоновки, Козихинского переулка и Малой Бронной улицы. Теперь их всех тоже нет. Снесли в тридцатых.

Правее нашей площади, в районе Никитских ворот, видны небольшая шатровая колокольня и массивный шарообразный купол храма «Большого Вознесенья», стоящего между Никитскими улицами — Большой и Малой. Купол храма царит над окружающими его невысокими домами и купами зеленых крон. Если же повернуться совсем вправо, то становятся видны купола двух церквей на Поварской. Это церкви: одна — «Бориса и Глеба», а другая — «Ржевской Божьей матери». У «Бориса и Глеба» на стройной колокольне высится тонкий шпиль. А «Ржевская» низкая, приземистая. И шпиля на ее колокольне нет. Совсем же вдали над крышами домов виднеется только самый верх шпиля другой церкви «Бориса и Глеба», что стоит возле Никитского

бульвара по оси Воздвиженки. В самом углу Арбатской площади. Дома ее здорово от нас загораживают. Даже купол не виден, только, вот, шпиль чуть торчит из-за крыш и зелени. А за ним проглядывается куполок многоярусной церкви «Воздвиженья Креста», что на Воздвиженке, и что дало название самой улице. Кремлевских башен, к сожалению, от нас не видно.

И все эти расстилающиеся передо мной островки крыш разновысоких домов, утопающих в зелени, создают незабываемое впечатление. Вот она, моя малая Родина, вот она, прямо передо мной! Я пытаюсь угадывать, где находятся знакомые мне дома. Вон там, чуть правее «Большого Вознесенья», рядом с небольшим куполочком церкви Федора Студита, находится наша школа, а чуть ближе на углу Столового и Ножевого переулков другая школа, где учится мой двоюродный брат Волик. Дальше, рядом с арбатским «Борисом и Глебом» строится высоченное здание второго небоскреба Москвы — «Моссельпрома». В целых 7 этажей, да еще с четырех или пятиэтажной башней над ними! А слева от нашей площади, правее церкви Покрова, расстилается огромный ковер зелени — Зоопарк. Этот ковер переваливается через Большую Грузинскую улицу и сливается с садом Вдовьего дома. В глубине этого сада прямо передо мной, почти у самых садов Садовой-Кудринской, возвышается яйцеобразный купол нового здания Планетария. Его только что построили. Я там уже один раз был. Удивительно занятный этот Планетарий. Подумать только — именно у нас, около нашей площади, построено такое интереснейшее здание, в котором установлена специальная вертящаяся машина с двумя огромными шарами по бокам. В шарах тысячи отверстий для лампочек. И каждая лампа — звезда или планета. И все это проецируется на свод купола. Возникает огромное звездное небо. Чудо необыкновенное! Тут же можно не только все небо увидеть, но и проследить пути всех планет и созвездий! Увидеть и солнечное и лунное затмения. Услышать лекцию о том, есть ли жизнь на Марсе или других планетах, узнать, что такое кометы, болиды и астероиды. Как это здорово, что Планетарий построили у нас рядом. Он занял часть сада Вдовьего дома. Другую часть сада занимает расширившийся Зоопарк, который будет называться Новым Зоопарком. Совсем, говорят, не похожим на старый. Здесь звери будут как бы на свободе. Для этого сооружается огромная гора, на огороженных площадках которой и будут жить разные звери. Хоть и за оградой со рвом, но все-таки не в клетках.

У Вдовьего дома кое-что от сада еще осталось, и сзади дома и спереди. Высокая решетка сада четко формирует границу площади. Высокая и тесно посаженная зелень только

подчеркивает это.

Дом страхового общества «Россия», о чем свидетельствовала большая надпись на картуше, украшавшем угол нашего дома, представлял собой типичный, входящий в первые годы нашего столетия в моду, доходный дом. Со всеми достоинствами и недостатками этого рода домов.

Стоял он в торце Новинского бульвара. Этаким прямоугольным островком. Узкой стороной выходил на площадь. И эта сторона была поэтому более украшена, чем остальные три. Кроме того, весь первый этаж ее занимали магазины. Вдоль длинных сторон пролегали проезды. Они были довольно узкими, и с нашей и с противоположной стороны. Между тротуарами проездов располагалась, как положено, проезжая часть, или мостовая. Именно, мостовая, мощенная булыжным камнем, как обычно для нецентральных улиц того времени. Ох, как громко цокали по камням своими подковами лошади извозчиков или ломовиков! Но всего хуже было с трамваями. Проезд-то был узким. Чтобы сохранить хоть какую-нибудь проезжую часть, пришлось трамвайную колею буквально прижать к нашему тротуару. А что еще можно было сделать? Трамвайные вагоны почти нависали над бордюрными камнями. Самым неприятным было то, что выходы из нашего и соседних подъездов были прямо на этот очень узкий тротуар. И, значит, на рельсы. И никаких оград перед подъездами не было. По тротуарам пройти можно было только вдвоем, или, в крайнем случае, втроем.

Получалась довольно опасная ситуация. Особенно зимой при гололеде. Да и шум трамвая под самыми окнами создавал не очень комфортную обстановку. Мы жили на втором этаже. Окна смотрели прямо на крыши проходящих мимо трамваев. Бесшумных трамваев тогда, разумеется, не было. Хотя и сейчас

они не очень-то бесшумны, но те, что были в двадцатых-тридцатых годах, просто были невыносимы. Гремели и скрипели под окнами отчаянно. И при этом еще непрерывно звенели, сигналили. Тогда это для транспорта не запрещалось. Вот они и звенели. На всех стыках рельсов, конечно, стучали. Но особенно неприятно было ранним утром, часов в пять, когда начиналось их движение. Они появлялись на нашей Кудринке откуда-то с Пресни или с Лесной и делали повороты или на нашу кольцевую линию, или на радиальную, огибая при этом сквер. И делали они эти повороты, страшно визжа колесами. Почему это не очень ощущалось днем, не знаю, но под утро они как будто бы не могли по-тихому поворачивать. И приходилось часто просыпаться от этого страшно пронзительного визга. Но мы как-то все-таки терпели. А что еще можно было поделать?

Одновременно для нас, ребят, было что-то очень забавное в том, что трамваи ходили прямо под нашими окнами. Представляете, какой удовольствие испытывали мы, дети, когда удавалось побрызгать из продырявленного мячика или просто из клизмочки-спринцовки прямо в открытые окна вагонов. Прямо на ничего не подозревавших пассажиров. Вот смеху-то было! Правда, вскоре нас засекли, и в квартиру пришла милиция. Бедные наши родители! Пришлось прекратить «забавы», больше похожие на хулиганство, чем на игру. Но, что было, то было.

На нашем проезде под окнами не было трамвайной остановки. Поэтому вагоны проносились прямо в сторону Смоленского рынка. А на противоположной стороне дома чуть сбоку от ворот двора одно время была остановка трамваев, идущих в обратную сторону, к Садовой Кудринской улице, к Триумфальным воротам и дальше по Садовому кольцу.

Против нашего дома на углу бульварного проезда и Поварской стоял трехэтажный дом. Дом, как дом. Ничего особенного. Его снесли и построили вместо него пятиэтажный, который сразу же внес дисгармонию в застройку. Ведь двухэтажные дома между Поварской и Большой Никитской сохранились. И улица стала здесь сразу же какой-то ужасно кособокой и некрасивой. Испортили угол.

А вот соседний с ним по проезду дом долгое время вызывал у меня какое-то чувство настороженности. Представляете, около крайнего подъезда красовалась маленькая табличка. Белая с красным кругом в центре и расходящимися во все стороны лучами. А в круге было написано: «Военный атташе Японии». Я не очень точно знал, что такое «военный атташе», тем более, японский. Мне объяснили, что это значит шпион. Как же это так? Шпион, и так запросто, даже с вывеской живет у нас под боком. Этого я просто не понимал. Меня успокоили: это, мол, официальный шпион при посольстве. Но разве от этого легче?

Напротив, на другом углу Поварской стоял крохотный двухэтажный дом в три окна по фасаду, выходящему на площадь. Угол, как и у противоположного дома, был закруглен. Этот домик и сейчас еще стоит на том же самом месте. Можете убедиться. Только раньше на углу у него была дверь в лавочку, а теперь ни двери, ни лавочки. Лавочка же была непростая. Теперь по Москве ищи-свищи, а такой не найдешь. А все дело в том, что лавочка эта называлась «Нефтелавкой». Позднее название упростили, сделали понятнее — «Керосин».

Ясно, что там продавалось. Керосин и разные там москательные товары. Теперь-то и названия такого у магазинов не встретишь — «Москательные товары», а тогда сплошь и рядом повсюду можно было наткнуться на такую торговлю, замененную теперь словом «Хозяйственные товары». Но керосин за ненадобностью уже не продают. А тогда все эти товары были страшно нужными для каждой хозяйки. Представить невозможно, как бы обходились они без керосина, без хозяйственных мелочей, без всяких там спичек, хозяйственного мыла, щеточек, ершиков или ежиков. Даже таких, как иголки для примусов, или фитили

для керосинок. Газ в Москве встречался редко, только в избранных домах. Массовое снабжение газом сделали только после войны, когда сооружен был к 800-летию Москвы газопровод Саратов-Москва.

Соседний на площади дом тоже был двухэтажным, и тоже все еще стоит на своем месте. Ничем он не примечателен. Только чуть подлиннее первого. Тот был в три окна, а этот имел целых пять. Ростом они были одинаковы. А вот следующий уже был поинтереснее и выделялся среди трех. Он стоял уже на углу Большой Никитской, был тоже двухэтажным, только чуть повыше первых двух. И стоял с некоторым отступом от линии застройки. Его второй этаж был выше первого, окна были длинные и очень отличались от окон соседних домов. Вообще высокий второй этаж делал и весь дом выше других. Обращали на себя внимание четыре трубы с красивыми дымниками над крышей и хорошо прорисованное слуховое окно чердака. Стоял себе этот дом стоял, и никто из нас даже не догадывался, что он такой знаменитый. И вдруг, как-то читая газету, я вычитал, что Чайковский жил в квартире одного из домов на Кудринской площади. И был даже снимок этого дома. Этого самого, о котором я только что говорил. Подумать только, сам Петр Ильич Чайковский. Композитор.

Правда, было немного обидно за Чайковского, что жил он в таком все-таки не очень-то престижном доме. В Москве в его время всякие фабриканты, купцы и вообще богатые люди, совсем не такие знаменитые, как Чайковский, имели и роскошные особняки, чуть ли не дворцы, и даже владели огромными доходными домами. Чайковскому же все это было не по средствам. А все-таки здорово, что рядом с нашим домом, на нашей площади жил сам Чайковский. Думаю, ему тоже наша Кудринская чем-то нравилась. Ведь именно здесь он искал квартиру. Странно, но памятной доски о Чайковском почему-то

на этом доме долгое время не было. Она появилась значительно позднее. И вообще, раз там жил сам Чайковский, то дом надо было не просто сохранять, но и не искажать. А так как охранной доски памятника истории и культуры на нем не было, то фасад, к сожалению, при различных ремонтах претерпел много изменений.

На другой стороне Большой Никитской улицы стояли невысокие трехэтажные дома. Без магазинов. Просто жилые, ничем не примечательные. В одном из них жила ученица нашей школы, только классом старше, Злата Преображенская. Мы с ней, как дети педагогов, по линии районного отдела народного образования в 1933 году ездили в экскурсию в Ленинград и на только что открывшийся Беломорско-Балтийский канал. В этой поездке и подружились.

Перед крайним домом в сторону Садовой-Кудринской улицы был огороженный невысокой решеткой сад. Впрочем, такие сады и садики были почти перед всеми домами этой и многих других Садовых улиц. На то они и называются «Садовыми». Сады стояли плотно друг к другу, только невысокими оградами отгораживались. Позднее эти ограды уничтожили, сады объединились таким образом в единые зеленые массивами, по середине которых проложили аллеи. Получились тоже бульвары, только не по середке улиц, как Новинский или Смоленский, а по обеим сторонам их. Так как уровень земли в садах был выше тротуаров, то при пробивке единых бульварных аллей пришлось сооружать невысокие лестницы с тротуара на аллею. И так в каждом квартале, после каждой улицы…

Напротив угловым участком у Кудринской (Баррикадной) и Садовой-Кудринской улиц располагался большой сад бывшего Вдовьего дома. Сам дом в эти годы стоял с большим отступом от Кудринской улицы, которая шла под углом к нему.

Он очень отличался от остальных. Пожалуй, это было самое красивое здание из примыкающих к площади. Даже значительно красивее нашего. Какой-то особой внутренней красотой. Он весь какой-то величественный, торжественный.

А непосредственно на Садовую-Кудринскую улицу выходил трехэтажный флигель своим боковым фасадом. Сам же дом стоял перпендикулярно к Садовому кольцу, несколько отступая от продолжения линии застройки Большой Никитской улицы. А Малая Никитская улица в своем продолжении проходила бы как раз вдоль заднего фасада дома…

Я никак не мог понять, почему такой важный дом называют «вдовьим». В нем что ли вдовы всякие жили? Потом мама мне рассказала, что этот дом был специально построен для вдов крупных государственных служащих или военных, долго служивших государю-императору. Не менее 10 лет. Значит, не всякая вдова удостаивалась такой заботы. А я-то думал… И еще мама сказала, что при войне с Наполеоном в этом доме был госпиталь, что при знаменитом пожаре дом пострадал и даже часть раненных в нем сгорела. Тогда много домов по всей Москве сгорело, и на нашей площади и вокруг стали после той Отечественной войны появляться уже новые, или, как их называли, послепожарные дома. Теперь в этом доме размещены какие-то медицинские учреждения. А сад перед ним уничтожили. Стал теперь он выходить прямо на передвинувшуюся сюда Баррикадную улицу. Совсем изменилось его положение. Раньше

до реконструкций конца пятидесятых годов ограда Вдовьего дома сворачивала от угла бокового флигеля, который стоял прямо на Садовой-Кудринской улице, под прямым углом к бывшей Баррикадной улице и поворачивала вдоль нее к Красной Пресне.

А у меня лично с этим местом связано одно очень неприятное воспоминание. Как-то мы с сестрой Ирой гуляли и оказались около ограды Вдовьего дома. Вдруг, откуда не возьмись, появилась какая-то старая цыганка и схватила меня за руку. Она цепко держала мою руку и тянула к себе, а Ира тянула в другую сторону к себе и что-то кричала. Ну а я, конечно, пытался вырваться, но делал это молча. Никто из прохожих почему-то не вмешался, не оттащил нас от этой страшной старухи. Может быть, народу было мало. Не помню. Помню только, как тащили меня в разные стороны, чуть руки не оторвали. И откуда у Иры силы взялись? А потом старуха все-таки отпустила меня и сразу же куда-то скрылась. Вот, какие дела случались! Если бы не Ира, быть бы мне у цыган в каком-нибудь таборе. С тех пор я все-таки побаивался цыган, обходил их стороной.

Несколько слов об изменениях в планировке этой части площади и Баррикадной улицы. Решетка сада Вдовьего дома заворачивала на Баррикадную, которая в те годы проходила совсем не там, где сейчас, когда уничтожили сад, а улица, оставаясь по названию Баррикадной, пошла теперь перед самым фасадом Вдовьего дома. И стала эта улица теперь как бы продолжением Большой Никитской, а от площади пошла уже не под углом, а прямо к Зоопарку и к улице Красная Пресня. Совсем все изменилось, и не в лучшую сторону. Ведь старая Баррикадная шла к Кудринской площади в направлении к Поварской. Она косо пересекала то место, где сейчас разбит большой сквер перед высотным домом.

Если же смотреть на нее с Поварской, то по оси оказывалась церковь Покрова в Кудрине с колокольней, увенчанной высоким позолоченным шпилем. Интересно и то, что на эту же колокольню была направлена ось и Большой Никитской улицы. Очень удачно в свое время строители церкви поставили ее. В это сказывалось градостроительное искусство зодчих того времени. Сейчас церкви нет. Поварская и Большая Никитская теперь смотрят на возвышение боковой части высотного дома, вернее, на ее башенку. Но это уже совсем не то.

Противоположная саду Вдовьего дома сторона Баррикадной улицы завершалась на углу с проездом на Новинский бульвар невысоким двухэтажным старым домом, короткой своей стороной смотрящим на наш дом. Угол его был срезан, что вполне соответствовало закругленному углу дома на Поварской улице.

Первый этаж имел прорезанные, очевидно, значительно позднее времени строительства дома, большие витринные окна. Непосредственно к углу примыкала ремонтная мастерская. Дальше по Баррикадной были парикмахерская и аптека. Этот дом имел очень затрапезный вид, весь какой-то обшарпанный, облезлый. Не красил улицу.

Итак, наш обход площади закончился. Теперь мне хотелось бы попросить вас пройтись вместе со мной на прилегающие к ней улицы и переулки, чтобы хоть одним глазком взглянуть на самое важное, что тогда привлекало меня в них. Почувствовать их особенности и занимательность. Я тогда почти не знал ни истории московских улиц, ни истории отдельных

примечательных домов, как знаю теперь, но мне не хочется сейчас рассказывать о том, что я почерпнул со временем в книгах, в путеводителях и справочниках. Пусть мой рассказ будет не полон, пусть будет без дат, авторов и всего прочего, чем хороши книги о московских улицах и домах. Пусть. Просто я хочу сейчас немного походить по ним и взглянуть на все это глазами мальчишки тех лет. Тем более, что нигде больше об этом узнать нельзя. Ведь это сугубо личные воспоминания и впечатления.

А, между прочим, я просто счастлив, что родился и жил не просто в Москве, а в самой, пожалуй, замечательной ее части. Этот район Москвы, примерно, от Тверской до Москвы-реки, между Садовым и Бульварным кольцами, очень интересен, насыщен замечательными домами, среди которых есть и памятники архитектуры, и памятники истории и культуры, а есть и просто самые рядовые. В этом плане он ничуть не уступает Арбату. Ведь он практически сливается с ним. Как Арбат не существует без, скажем, Пречистенки или Никитских улиц, без Кудринки и Никитских ворот, так и Кудринская округа неразрывно связана с Арбатом и прилегающими к нему переулками и улочками. И не только географически, или по-соседски. Тут более глубинные связи.

Новинский бульвар

Мой родной Новинский бульвар был, по-моему, самым лучшим из всех московских. По крайней мере, на нашем Садовом кольце, где их было не так уж и много: Новинский, Смоленский и Зубовский. Остальная часть большого Садового кольца бульваров не имела, но в большей своей части дома, выходящие на улицы, имели свои сады или садики. Недаром кольцо наше называлось Садовым. Новинский был мне ближе, роднее, я на нем вырос, на других же бывал. А это уже отличает одно от другого. Поэтому и считаю его самым-самым лучшим.

Как известно, бульвары наши размещались на месте бывших крепостных валов Земляного города, как и бульвары Бульварного кольца на месте стен Белого города. Это я давно уже знал. Все-таки мне не раз рассказывали разные интересные вещи из истории нашей Москвы. Я страшно любил такие рассказы. Да и книги о Москве всегда меня интересовали.

На пересечениях стен или валов с улицами-дорогами сооружались ворота. Но потом валы срыли, стены разобрали, разместив на их месте все эти наши бульвары или сады. А перекрестки остались. Ворота уничтожили, но образовавшиеся площади продолжали носить название ворот, напоминая о прошлом. Все это было очень давно. Новинский бульвар шел от Кудринской площади к Смоленской, на которую слева выходил Арбат, а направо можно было свернуть к Москве-реке, к Бородинскому мосту.

Бульвар прерывался проездом около Девятинского переулка и потом шел примерно до Дурновского переулка. С одного торца, на Кудринской площади он начинался нашим домом. Другой торец был свободным, выходящим на рыночную Смоленскую площадь. Там около самого Арбата тоже были дома посередке площади. Они стояли вперемежку — жилые с магазинами на первых этажах, как наш, и торговые — большие рыночные здания. Так было на Смоленской площади, так и на следующей за ней Сенной.

Сам бульвар был довольно широким, в три аллеи. Средняя, главная, была пошире двух боковых. Деревья были развесистыми, соединяющимися наверху своими ветками и образующие как бы огромные коридоры или даже тоннели. Зимой сквозь ветки можно было видеть небо. А летом — зеленый тоннель, осенью — желто-золотистый. И сквозь листву пробиваются кое-где кусочки голубого неба. Красота неописуемая.

Недалеко от Девятинского переулка во второй части бульвара средняя аллея заканчивалась открытой площадкой, в конце которой большой грудой были навалены огромные валуны. А может быть, это мне тогда просто казалось, что эти валуны рядом со мной, маленьким мальчиком, были такими громадными. Проходить дальше тут можно было только по боковым аллеям. Валуны навалены были не кое-как, а как-то особенно, художественно. Теперь бы я сказал, что всю эту кучу можно было бы считать своеобразной скульптурной композицией. Но мы тогда не любовались камнями, мы просто любили лазать по огромным камням, прыгать с них.

Особенно хорошо было играть на бульваре в казаков-разбойников. Правда, при этом мы часто убегали и в соседние дворы. Зимой же катались на санках, позднее и на лыжах. По бокам аллей образовывались огромные сугробы. В них тоже было

здорово валять друг друга. К концу прогулок были совсем мокрыми.

А как хорошо было лепить снежных баб. На спор, у кого будет лучше. И еще одна замечательная вещь была на бульваре зимой. Тут образовывались длинные-длинные ледяные дорожки-катки, значительно длиннее, чем на замерзших тротуарах улиц и переулков. Там, конечно, тоже можно было с огромным удовольствием катиться, скользить по узким ледяным тропинкам, но разве можно было их сравнить с нашими длинными бульварными. Просто никакого сравнения. И как же хочется иногда даже теперь так же лихо прокатиться.

Ранней весной, когда только-только начинал таять снег, когда сугробы становились ненадежными, пористыми, с большими проталинами, образующими необыкновенно красивые гроты и пещеры, когда стенки гротов превращались в тонкие прозрачные льдинки-пластинки, когда в каждой льдинке сверкало яркое солнце, наш бульвар преображался. Он весь сверкал. Он опьянял свой красотой.

В образовавшихся и быстро замерзавших лужах тоже сверкало солнце. Тысячи солнц слепили глаза. И сквозь стволы и ветки, почерневшие от влаги, проглядывало голубое небо, отчаянно светило солнце, под лучами которого льдинки таяли все быстрей и быстрей, чтобы к вечеру, когда солнце зайдет, снова превратиться в новые узорчатые пластинки, создавая новые причудливые гроты. Но пока были лужи, можно было с ума сойти от восторга. Ведь в лужах отражалось небо. Отражались окружающие деревья, отражались облака. И, заглядывая в лужи, как в зеркала, можно было потерять ощущение земли. Казалось, ты стоишь на самом ее краешке, что стоит сделать только один шаг вперед, и ты провалишься в глубочайшую пропасть, дном которого служит само небо.

И холодок пробегал по спине, и ноги чуть-чуть подрагивали в коленках. И страшновато и очень занятно. А когда все-таки сдвинешься с места, стараясь на ступать в лужи, чтобы не провалиться в небо, то приходится идти очень осторожно, только с клочка земли или со снежной кочки, с ледяного бугорка на другой такой же бугорок. Не дай бог, соскользнешь чуть в сторону. Тогда прощай, земля! Но оказаться неожиданно в луже все-таки приходится, нет-нет, а соскользнешь невзначай. И к радости великой убеждаешься, что никакой тут пропасти нет, что и по небу можно ходить. Только вот валенки мокнут и даже галоши не помогают, и шуба, так та совсем мокрая, а про варежки и говорить не приходится, но какое же это удовольствие разгребать сугробы, давать проходы скопившейся в сугробных пещерах воде, создавать каскады и ручьи. Конечно, мама будет ругаться, и придется перед сном пить горячее молоко. Но это ведь ничто по сравнению со счастьем, которое дарил нам бульвар. Только бы молоко было без соды. Терпеть не могу. А так, хоть сколько угодно. Молоко я люблю. Я даже как-то, шутя, выдумал фразу, будто бы не-кий знаменитый древний ученый сказал, что «молоко — это лучшее из всего, что выдумало человечество за все время своего существования». Представьте, встречались люди, верившие этому.

Вдоль бульвара стоят дома. Разные, отремонтированные, покрашенные и ободранные. Разноэтажные. От одного-двух до семи этажей Но многоэтажных меньше. Раз-два и обчелся. Новых домов мало. В основном стоят сохранившиеся еще старые невысокие и такие уютные дома и домики. Были и такие, о которых говорили — «домик крошечка в три окошечка». Маленькие особняки.

Напротив нашего дома, в проезде от угла Кудринского переулка стоит трехэтажный дом. Окна этажей были друг против друга, и этот дом закрывал нам небо, да и смотреть в окна напротив не очень-то приятно.

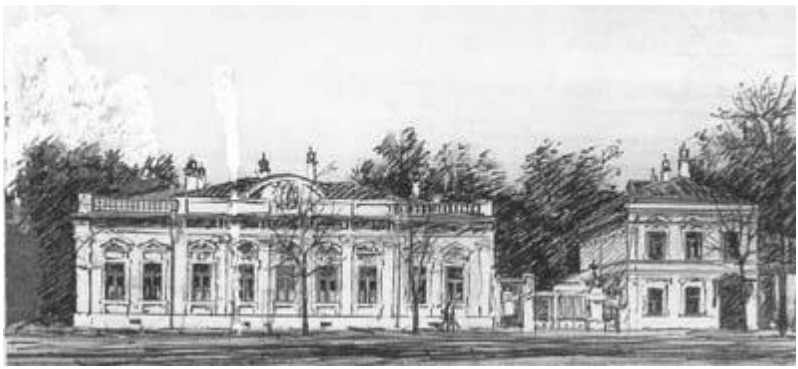
Приходится вешать на окна занавески, чтобы закрыться от любопытных глаз, но при этом терять какое-то количество света. А еще в том доме, как раз напротив наших окон, на третьем этаже жил парень из нашей школы. Звали его Жорка Кабачник. Так он, как увидит меня в окне, так и высунет язык, или кулаком погрозит. Странный был парень. Чего он грозил? Не любил я его. Верно, и он меня тоже[?]

Дальше вдоль бульвара идут небольшие одно- и двухэтажные домики. Они, или часть из них, принадлежали великому певцу Шаляпину, но жил он, конечно, только в одном из них. Какое к нему отношение имели соседние дома, не знаю, но почему-то все они среди нас назывались «шаляпинскими» О том, что здесь жил сам Шаляпин, взрослые говорили с гордостью, но иногда я замечал, что и с опаской. Почему? Ведь он же был самым великим артистом. Даже народным. Я как-то у кого-то в гостях слушал пластинку на граммофоне. Пел Шаляпин. Пел сначала про блоху. Очень смешно. А потом «Дубинушку». Громко пел. Жалко, что у нас нет граммофона. Так здорово подойти к огромной трубе и приблизить ухо к ней. Вроде, как собачка на картинке, что прилеплена сбоку граммофона.

Позже я узнал, что о Шаляпине стараются не говорить, потому что он уехал за границу и не вернулся. И этого ему простить наши власти не хотели. И даже лишили звания «народного артиста Республики». Но люди все равно любили слушать его песни, хотя бы и на граммофонных пластинках.

Песня есть песня.

За домиком Шаляпина и соседними с ним раскинулся огромный сад. Позже я узнал, что не весь сад принадлежал Шаляпину, а только та его часть, что была сразу за его домом и двором, где стоял простенький двухэтажный дом, тоже шаляпинский, но сдаваемый жильцам в наем. Но так как мы все домики перед садом называли «шаляпинскими», то и сад за ними как бы объединялся в один большой и, конечно, для нас был шаляпинским. В самом шаляпинском саду росли раньше яблони. Но теперь от них и следа нет — вырубили что ли. А росли они в самом конце сада, ближе к Конюшковской улице. Тут теперь пустырь и только отдельные деревья. Вообще сад запущен страшно. Никто, видно, за ним не ухаживает. Но для нас, для наших игр, все это не помеха. Главное, чтобы не выгоняли.



Позднее, примерно в 1927–28 годах в саду началась большая стройка. И вырос огромный дом. Длинный на ножках, с пристройкой, выходящей вперед и соединенной с самим домом остекленным переходом на уровне второго этажа. Окна у нового дома были по новой моде, как сплошные длинные ленты. А вот пристройка была почти без окон. Об этом доме много писали как о «доме нового быта».

Называли его «Домом Гинзбурга». Это потому, что спроектировал его архитектор Моисей Яковлевич Гинзбург. Но я взрослых газет тогда еще не читал. Что дом называется так по фамилии автора не знал. Слышал от старших, что это дом Наркомфина СССР. Что он необычный. Это был «дом нового быта», непохожий на все прежние дома, здесь сделаны особые квартиры, чтобы организовывать этот самый новый быт, квартиры здесь двухэтажные с внутренними лестницами на вторые этажи, где были спальни, в квартирах нет кухонь.

Я побывал как-то в этом доме у Ханы Лифшиц, которая училась в нашей школе. Она мне и показала все это. Сказала, что это делалось для того, чтобы освободить людей от таких забот, как приготовление обедов и ужинов. В новой жизни это не должно мешать человеку жить. Но кушать надо было, и для всех жильцов была создана общая кухня-столовая в той самой пристройке, о которой я уже говорил.

Здесь в этой столовой выдавались обеды на дом. А в квартирах все-таки готовили кое-что: завтраки или что-нибудь попроще. Вечерний чай или ужин, если возвращались откуда-нибудь поздно. Для этого имелись специальные ниши с электроплитками. Примусов там я не видел. Были при доме и другие разные придумки для облегчения быта — домовая прачечная, мастерские, клубная комната и многое другое.

Нам, кстати, вскоре посчастливилось пользоваться этой столовой. Мама работала заведующей детского сада как раз этого самого Наркомфина, и ей дали абонемент как раз в эту столовую. Туда надо было приходить с кастрюльками и получать на всю семью обед — первое, второе и третье. Мама даже купила такую особенную тройную кастрюлю с одной ручкой. На крышку нижней большой ставилась вторая, чуть поменьше, а на крышку второй ставилась третья и тоже с крышкой. На специальные шпинёчки надевалась общая ручка. Очень было удобно. Тем более, что за обедами чаще всего посылали меня. Но мы пользовались этой столовой не потому, что создавали новый быт, а просто взрослые приходили с работы очень поздно, и не всегда мама могла приготовить на всех обеды. И столовая нам очень помогала более или менее нормально питаться.

В одном из домов на нечетной стороне бульвара в тридцатых годах разместили Дом архитекторов. Так и было написано на большой вывеске под самой крышей — «Дом архитектора». Что там было, чем там занимались, в то время я не знал. По аналогии с Домом литераторов на Поварской, наверное, там был клуб архитекторов. Как предтеча будущего Центрального дома архитекторов, для которого освободили от французского посольства особняк в Гранатном переулке, расположенном

неподалеку от нашей Кудринской площади.

А вот с маленьким особнячком, что стоял в ряду таких же небольших домиков, про-изошло со временем что-то странное и непонятное. Мы знали, что здесь какое-то время жил сам писатель Грибоедов. Здесь, в доме своей матери, он провел детские и юношеские годы. Домик был неказистый, чуть покосившийся. Еще бы! Столько лет стоял, и все без ремонта. На бульвар он выходил узким торцом.

В простенке около окна укреплена большая темная доска, на которой в овале был барельефный портрет писателя Грибоедова. Ну и соответствующая, конечно, надпись, что он тут жил в такое-то время. Домик хоть и небольшой, но знаменитый. И вдруг его решили отремонтировать. Попросту сломали до основания и поставили вместо того деревянного новый, более высокий каменный оштукатуренный дом с большими окнами. Со-всем не похожий на прежний. До мелочей непохожий. Окна, карнизы. Мне это было непонятно, но говорят, что делали по проекту научной реставрации. Что-то непохоже.

Правда ли это, или нет, не знаю, но в моем сознании никакого привычного для меня «дома Грибоедова» уже нет. Этот новый, каменный, совсем чужой и даже неприятный. И конечно, не верится, что на месте снесенного воссоздан по законам научной реставрации тот именно дом, где жил Грибоедов.

Где-то в середине тридцатых годов на бульваре напротив «Дома Грибоедова» установили огромный гранитный валун. Мне,

мальчишке, он тогда показался очень большим. Неотесанный, грубый, с широким основанием и сужающийся кверху. На передней стороне этого валуна чуть выше середки отшлифовали неровную по краям полоску, в которую вписали глубоко врезанными буквами подпись-автограф Грибоедова. И ничего больше. На памятник это не похоже, но я уже слышал, что камень потому и поставили на это место, что именно здесь со временем будет сооружен настоящий памятник с фигурой самого Грибоедова.

А сейчас просто поставлен знак о будущем памятнике. Что ж, подождем, когда и на нашем бульваре появится настоящий памятник. А ведь, если бы Шаляпин не уехал, то, возможно, и ему на нашем бульваре поставили бы. Да и Чайковскому, а может быть, и жившему неподалеку Чехову? Вот было бы здорово! А то на Тверском сразу два — Пушкину и Тимирязеву, а на нашем было бы четыре.

Забегая немного вперед, скажу, что из-за сноса бульвара никакого памятника тут не по-ставили. Поставили его на Чистопрудном бульваре, основываясь на том, что Грибоедов какое-то время жил неподалеку от этого бульвара у своего друга Бегичева на Мясницкой, где, кстати, и писал свое «Горе от ума». А валун с автографом отволокли в соседний переулок и бросили просто так на обочине. Так и валяется он до сих пор, никому не нужный, никем не востребованный. Неслыханно!

Немного дальше, уже почти у самого Смоленского рынка был большой дом князя Щербатова. Так его все называли. Князя самого, конечно, уже не было, но дом остался. Был он большой с красивым двором, разбитым перед ним. Богатый был дом. Даже с концертным или танцевальным залом наверху. Строил его знаменитый армянский архитектор Таманян, только в то время фамилия его звучала по-русски — Таманов.

Говорят, что он получил за этот дом большую премию, как за лучший в Москве. А может, и врут. Кто знает? Говорят так, верно, потому что очень уж он в самом деле красив. На нашем бульваре, пожалуй, он, как и дом Гагарина («Книжная палата») архитектора

Бове, был самым лучшим. Мы очень гордились, что совсем рядом с нами находились такие замечательные дома, что жили здесь такие знаменитые люди.

Дома напротив по другую сторону бульвара были тоже не очень высокие, что создавало очень уравновешенную композицию всей улицы. Двух-трех, изредка четырехэтажные. С красивыми наличниками на окнах. Вообще почти все дома на бульваре красивые, нарядные. Но некоторые зачем-то сносили, чтобы построить на их месте новые дома, причем значительно менее красивые. Или просто унылые, никакие. Как нарочно.

На самом углу с Кречетниковским переулком в 30-е годы выстроили высокий новый дом. Все называли его «Домом полярников».

Потому, что там жили полярники, очень почетные в те времена люди. Этот дом был самым высоким среди других на бульваре. Многим он нравился. Говорили, что это пример нового социалистического жилья. Возможно, но все-таки он мне казался здесь каким-то чужим, случайным. Он как-то не вязался с соседними. А квартиры в нем в самом деле бы-ли неплохими Но ведь не только в одних квартирах дело. Хоть это, разумеется, очень важно.

И поэтому мне больше нравился другой соседний старый дом № 16, который назывался «Домом Плевако». Это по фамилии очень известного до революции адвоката Плевако. Сам дом находился в глубине большого двора-сада, или, как это называют специалисты, курдонёра, а к бульвару выходили своими торцами длинные боковые флигели. Окна большие. Много украшений на стенах, красивые наличники у окон. В одной из квартир этого флигеля жил мой одноклассник — Толя Сыченко. Я бывал у него. И комнаты высокие, светлые, и коридоры просторные. Но заселена квартира, как и многие, коммунально. То есть много в ней жильцов. При одной общей кухне, при одной уборной и ванной.

В глубине двора стоял дом, в котором жили две мои соученицы, — одна по школе, правда четырьмя классами младше, а другая по институту, — сестры Лена и Надя Шретер, внучки известного в свое время архитектора Шретера, дальние родственницы самого художника Нестерова. Леночка поступала со мной вместе на первый курс института, и мы до конца обучения все время были в одной группе. Леночку все очень любили. Позднее она оказалась в той же архитектурной мастерской «Моспроекта-2», где работал и я. Ее сестра Надюша была моложе Лены на несколько лет, она училась вместе с моим Володькой в нашей школе, и я знал ее еще маленькой пионеркой. Очень славная девочка. После окончания нашего института через какое-то время она тоже оказалась в той же мастерской. Так вот, эти сестры жили во дворе «Дома Плевако». Я бывал у них. Часто проходил через их двор на Трубниковский переулок.

За рядом невысоких домов, расположенных недалеко от нашего дома, вдруг подходишь к самому, наверное, красивому дому Новинского бульвара. Да и не только в районе бульвара он был знаменит. Пожалуй, в Москве не так уж много домов, равных ему. Я говорю о «доме Гагарина», как его называли до революции.

Теперь тут размещена книжная палата. Потому и называют этот дом «Книжной палатой». Он стоит немного в глубине сада за узорчатой чугунной оградой на каменном основании и с каменными арочными калитками. Сам он одноэтажный, но с высоким первым этажом, имеющим крупные окна, украшенные наличниками. В центральной его части есть два симметричных выступа с двумя мощными колоннами в каждом. Между выступами возвышается мезонин, или просто второй этаж, который выходит к бульвару широким торцом с огромным полукруглым, богато украшенным окном. Под окном проходит широкая полоса, украшенная барельефным орнаментом. По обеим сторонам окна на стене располагаются летящие женские фигуры. Ангелы, или что-нибудь вроде этого. Как уж их назвать, не знаю. За оградой видна невысокая зелень — кустарники, совсем не закрывающие фасад дома. Я не знал, но мне кто-то сказал, что дом этот вовсе не каменный, как я думал, а деревянный, покрытый штукатуркой и всякими украшениями «под каменные». А какая разница — каменный он или деревянный? Лишь бы был красивый. А он и был красивым. Только остается дискуссионным вопрос, надо ли деревянное здание делать «под каменное», или, наоборот, каменное здание «под деревянное». А такое в истории архитектуры нередко встречается.

К сожалению, об этом доме приходится говорить теперь в прошедшем времени. Он пал жертвой фашистского налета в первые же бомбежки Москвы во время Отечественной войны. Бывает же так: все дома вокруг остались целыми, а именно в этот дом попала бомба или зажигалка, и он сгорел дотла. Ужасно жалко. Только ограда уцелела. Ее перенесли на Гранатный переулок и поставили перед особняком с колоннами. Архитектура примерно того же времени, но значительно ниже рангом.

Хотел бы обратить внимание на то, что в бытность тут Новинского бульвара, все эти не очень-то высокие особняки и малоэтажные дома удачно гармонировали между собой. Все соответствовало друг другу. Как будто бы так и было задумано, хотя некоторые дома возникли еще до создания бульваров, во времена, когда тут был земляной вал. И это не только на участке нашего бульвара. На всех бульварах. На Смоленском, на Зубовском. Вроде усадьбы Несвижской, что обращена была курдонёром на вал. Ведь построена она была еще до бульвара. А как появились бульвары, то таким домам и усадьбам даже стало лучше: все-таки не на задворках Земляного города оставались, а украшали собой пре-красные прогулочные бульвары. Совсем иное качество.

Так же неплохо себя чувствовали и небольшие дома и особняки на тех улицах Садового кольца, где не было бульваров, а были сады перед домами, где проезжая часть была посередине улицы. Все было достаточно гармонично. Конечно, жизнь развивающегося города требовала и реконструкции старых кварталов и застройки и строительства новых домов. Это естественно, но осуществлять эти дела нужно с умом, не вредя тому, что на-до сохранить. На практике же все происходило как раз наоборот.

Почти совсем напротив нашего дома находился проходной двор с бульварного проезда на Трубниковский переулок. В отличие от проходов через дворы, как у дома Плевако, этот двор представлял собой как бы своеобразный самостоятельный переулок, расширяющийся внутри квартала и поэтому становящийся двором. Площадью это место назвать было бы трудно. Площадь должна быть обстроена домами, а тут на это двор выходили своими задними фасадами дома, стоящие на Поварской, на Новинском бульваре, на Трубниковском переулке. Много было зелени. Проходы во двор были шире обычных въездов в московские дворы. И мощен он был, как явный проход с бульвара на переулок. В центре его, чуть сбоку, прижавшись к задам домов, выходящих на Поварскую, стояла небольшая церковка. Называлась она церковью Рождества Христова в Кудрине. Построена была в XVII веке в стрелецкой слободе на месте деревянной. Двор был при ней. По-тому и стал, наверное, проходным.

От церкви на Поварскую тоже был проход в промежутке между домами. Как раз напротив городской усадьбы Долгорукова, где размещен Союз писателей. Для меня этот двор имел особое значение. Не так двор, как эта самая церковка. Все дело в том, что в этой церкви меня в младенческом возрасте крестили, не спросив, однако, моего разрешения. Я бы не разрешил. И папа, и мама были против этого и не хотели крестить детей. Но со мной все произошло помимо их воли. Вообще-то говоря, был я в те годы очень дохленьким, постоянно простужался, часто болел воспалением легких и ангинами.

Родные не знали, что со мной делать. И вот однажды жена брата моего отца, тетя Валя, без всякого, как я уже сказал, разрешения моих родителей, вместе с дядей Ефимом, мужем двоюродной сестры отца, отнесли меня в эту церковь и окрестили. Я, конечно, не сопротивлялся, даже, наверное, ничего не соображал в то время. И ничего теперь не помню. Болеть я, конечно, после этого не перестал. Так что акция эта никакой видимой пользы мне не принесла. Мама даже смеялась: «Просто, наверное, Вале хотелось стать кумой Ефима». Не знаю, так ли это. Но ведь мама говорит! Значит, так.

Церковь Рождества Христова в Кудрине даже упоминается в романе Льва Толстого «Война и мир». Я еще не читал его, когда папа, получив по подписке очередной том Л. Н. Толстого, где был этот роман, позвал нас и прочитал то место, где рассказывалось, как выезжала из своего дома графская семья Ростовых, спасаясь от нашествия Наполеона. А ведь известно, что Толстой поместил Ростовых к нам на Поварскую, в один из ближайших к Кудринской площади домов. В усадьбу Долгоруковых. Так, в романе было сказано, как выезжающие из двора графского дома на улицу «в каретах, коляске и бричке все крестились на церковь, которая была напротив». А напротив ворот этой усадьбы как раз между домами и видна наша церквушка. Так она и попала в роман Толстого. Я даже немного загордился. Все-таки каким-то

образом и я имею к ней отношение. Не только Ростовы и Лев Толстой.

К сожалению, в конце 20-х годов, когда начали строить «Дом политкаторжан», то для расчистки площадки под него снесли и эту церквуху. Задняя часть клуба политкаторжан как раз пришлась на нее. И мало кто помнит, что на задах этого клуба во дворе находилась маленькая церквушка.

Трубниковский переулок, Собачья площадка, Большая Молчановка и переулки

До сих пор мимо задов бывшего Дома политкаторжан, или нынешнего Театра кино-актера можно проходить в Трубниковский переулок, идущий параллельно нашему бульвару. Переулок был узким по сравнению с просторным Садовым кольцом или с соседними улицами. Он был достаточно длинным, соединял нашу Поварскую улицу с Арбатом. Правда, он не доходил до самого Арбата, а после небольшой Спасопесковской площадки он переходил в короткий Спасопесковский переулок, который уже выходил на Арбат. Таким образом, он становился как бы крайним переулком бывшей Поварской слободы, прижатой к Садовому кольцу, вернее, к валам бывшего Земляного города. Слобода была довольно обширной, и мы еще сумеем посетить многие ее переулки, носящие исторические названия, связанные с профессиями ее прежних жителей. Трубниковский получил свое название, наверное, потому что здесь жили трубники, или трубочисты.

Прежде чем пройти, начиная с Трубниковского переулка, по остальным переулкам и улицам всей моей округи, хотелось бы высказать свои мысли, относящиеся как раз к этим самым переулкам. Я все время, и в далеком детстве и уже в зрелом возрасте, ощущал какое-то особое настроение, возникающее всякий раз, когда оказывался в маленьких и больших московских переулках и внутренних жилых улицах. Будь это в моей Кудринской округе или в районе Арбата, Пречистенки и Остоженки, Бронных улиц или Сретенки и Мясницкой, на Покровке или в Ивановских переулках, в Заяузье, или в Замоскворечье, все равно, всюду возникает какое-то особенное чувство слияния с окружением, пускай даже с чужим или с не очень знакомым. Все эти улочки и переулки, расположенные в межмагистральных пространствах, отделенные от них застройкой прилегающих к ним кварталов, отгороженные таким образом от лязга и грохота, от гудков и свистков транспорта, становятся какими-то оазисами тишины и покоя, которым пронизано все, начиная от домов, дворов и садиков, кончая поведением жителей этих московских районов. Даже ребятня, вечно озорная и шумная, здесь как-то незаметна. Она растворяется в глубинах дворов, она не так уж и часто высыпает на улицы или переулки, разве только, когда направляется по утрам в школы, а днем возвращается из

них. Здесь очень мало транспорта, лишь иногда патриархальную тишину нарушит цоканье лошадиных копыт проезжающего извозчика. Или заедет какая-нибудь случайная машина, прогремит подвода. А вообще-то это бывает очень редко. Да и прохожих не так уж и много. Ранним утром вместе со школьниками можно увидеть вереницы спешащих на службу взрослых людей, днем какая-нибудь бабуля ведет свое чадо или на бульвар, или в какой-нибудь парк, если надоело гулять в своем дворе или садике. Ватаги возвращающихся из школ ребят на время нарушают покой. Потом все опять успокаивается до вечера, когда служащие начинают приходить с работы. Но все это происходит более или менее постепенно, не шумящими толпами, все это как-то вписывается в спокойную жизнь переулков.

Я любил и люблю бродить по таким островкам старой Москвы. Здесь все, начиная от невысоких, в своей массе, домов, от высовывающихся из дворов и садов больших крон деревьев и кончая узорчатыми решетками оград или даже простыми деревянными заборами, все дышит покоем. И, находясь здесь, проходя по излюбленным своим вечным маршрутам, чувствуешь, как сам освобождаешься от только что пережитых волнений, будь то в школе или на работе, ощущаешь полное внутреннее освобождение, раскрепощенность. И тобой овладевает такая радость жизни, такая любовь к своему городу, ко всему, что тебя окружает. Вот такое чудесное свойство у старых московских переулков и улочек. Я подчеркиваю слово «старых», потому что ничего подобного не возникает в огромных просторах новых микрорайонов или жилых массивов. Очевидно, действует великий закон взаимопроникновения человека в среду и среды в человека. Для этого нужна сомасштабность, соизмеримость человека и среды. В старых московских переулках это свойство всегда существовало и сохранилось. Человек не чувствует тут себя букашкой, пигмеем, как это неизбежно получается в окружении чуждой ему громады застройки. И пусть он даже живет в одной из ячеек этой громады, все равно он не может ощущать своей слитности с ней. Он мошка, былинка. А дома — монстры, массивы, состоящие из небольших ячеек жилья, куда человек забирается, отстраняясь от давящего на него гуляющего пространства, от давящих на него громад домов. Какое уж тут слияние!

В старых районах и кварталах Москвы сохранилось единство среды и человека. И хочет он того или нет, но здесь он находится не в противостоянии среде, а во взаимном слиянии. Ну, чем это не «улицетерапия», или «архитектуротерапия» вроде «трудотерапии? Тут сама архитектурная среда лечит человека. А

это дорогого стоит.

А замечали ли вы когда-нибудь, как по-разному светятся окна домов по вечерам в старых и новых районах? Если не замечали, то попробую сказать о своих впечатлениях. Представьте, что вы идете по малому переулку, на который спускается вечерняя мгла. Особенно это ощущается зимними вечерами. Синие сумерки, тусклые огни уличных фонарей, блекнущие, пропадающие в темноте тени, возникающие на время около этих фонарей. Вдруг на темнеющий заснеженный тротуар, на огораживающие его сугробы падает желтоватое пятно света, выпавшего из окошек домика наружу. Свет этот теплый, приветливый, мягкий. Невольно поворачиваешь голову в сторону этого окна, но ничего, кроме занавесок и незамысловатых абажуров над ними, не видишь. Да и не надо. Зачем заглядывать в чужую жизнь? Ведь тебе не это нужно. Просто ты как бы отвечаешь своим взглядом на привет, посланный тебе из этих окошек. И идешь дальше, согретый этим незамысловатым светом. И так всю дорогу. Свет за светом, пятна на снегу за пятнами, приветы за приветами. Как же это хорошо!

А разве тысячи светящихся окон на стенах многоэтажных домов в новых районах, ведут себя так? Ничего подобного. По вечерам, когда в квартирах домов собрались обитатели, зажигаются почти все окна во многих одинаковых домах, выходящих на внутриквартальное пространство. Их много, они светят разным светом, в зависимости от цвета абажура или люстры. Они на верхних этажах даже не отгорожены занавесками. Но они не обращаются к вам, проходящему по квартальному пространству. Они чужды вам. Они равнодушны. Они просто выглядят одинаковыми светящимися квадратиками на огромной плоскости стены. А рядом начинается другая такая же плоскость со светящимися квадратными отверстиями. И дальше, и дальше. И все одинаково, и все равнодушно. И никакого привета не посылают они вам из своего типового объёмчика, из своей типовой ячейки. Ну ничего общего с уютным светом окон в старой Москве.

А теперь вернемся к нашему путешествию по переулкам и улочкам моей кудринской округи. Мы пройдем с вами по Трубниковскому переулку до Спаспесковской площадки, взглянем, проходя, на Карманицкий, Дурновский и Кречетниковский переулки, свернем на знаменитую Собачью площадку, выйдем потом к Большой и Малой Молчановкам, к Большому Ржевскому переулку и, наконец, придем на Поварскую. Потом пройдем по переулкам между Поварской и Большой Никитской улицами, то есть по Малому Ржевскому, Хлебному,

Скатертному, Столовому и Ножовому (названия-то какие!), Медвежьему и Мерзляковскому, чтобы выйти на Большую Никитскую. Наш маршрут потом пройдет по кварталам между Никитскими улицами и Малой Бронной, а значит, по Спиридоновке, Вспольному и Гранатному переулкам, выйдет на Патриаршие пруды и свернет к Садовой-Кудринской улице, чтобы по ней пройти на Баррикадную улицу и вернуться к Кудринской площади. Вот такой вояж нам предстоит. Мы пройдем по этим переулкам и улицам, увидим, как они выглядят, чем привлекательны. Мы увидим некоторые дома, стоящие на них, но не будем останавливаться, чтобы узнать, кто и когда строил их, кто и когда жил в них. Это сделают с успехом путеводители. Мы лишь остановимся на некоторых, которые как-то отличают этот переулок от другого, которые чем-то запоминаются. Ну и, конечно, если будем проходить мимо домов, памятных мне тем, что в них жили мои друзья или соученики, то не упомянуть об этом было бы просто неприличным. Ведь мой район дорог мне не только домами, улицами и переулками. Прежде всего он дорог тем, что здесь я жил, здесь учился, здесь приобрел друзей. Как же не упомянуть об этом. Ведь любое поселение, любой район, любой квартал дорог не только постройками и уникальными зданиями. Он до-рог и людьми, населяющими его.

И еще я хочу пройти по всем этим местам и посмотреть на них глазами того времени, когда я там жил в двадцатых и тридцатых годах, рассказать о том, как они выглядели тогда, чтобы потом порассуждать, а что же произошло после тех 20–30-х годов, когда прошло почти шесть десятков лет бурной жизни Москвы. Что же стало? Лучше или хуже? Или все осталось без изменений? И это не простое любопытство. Мне как архитектору, градостроителю очень важно сделать этот качественный анализ, чтобы отдать себе отчет о той деятельности, которую градостроители и хозяева города произвели за это время. Но об этом позже.

Итак, мы вышли на Трубниковский переулок. По своему характеру переулок был удивительно спокойный, очень жилой, уютный. Практически в нем дома были двух-трехэтажные. Изредка попадались четырех- или даже пятиэтажные. Но очень редко, и это не выпячивалось в застройке, эти дома даже как-то сливались с ней. И только «Дом Малиновского», как его называли по фамилии архитектора, возвышался над всеми. Это не украшало переулок, наоборот, на мой взгляд, очень портило.

Дом этот стоял в средней части переулка на нечетной стороне, врезавшись в строй невысоких домов. Кроме того, он имел какой-то мрачный вид, и сводчатые проходы между малюсенькими внутренними двориками тоже были мрачными. Дворики были типичными «дворами-колодцами», маленькими по площади с высокими стенами, со скудным освещением сверху. Очень неуютными казались эти колодцы.

Во дворах этого дома побывать было интересно, но, к сожалению, отсюда нас, мальчишек, гоняли. Мы все-таки иногда пробирались туда. Взрослые говорили, что дом этот, построенный еще до революции для какого-то управления царским имуществом, совсем не простой. Тут в подвалах были какие-то знаменитые винные склады, почему-то называвшиеся «голицинскими». В начале 20-х годов, когда образовался СССР, тут одно время размещался Наркомнац, то есть Народный комиссариат по делам национальностей. И возглавлял его в то время сам Сталин. Но мы этого уже не застали. Да и не знали об этом. Когда забегали во двор этого дома, то он уже был обыкновенным жилым домом, с такими же, как всюду, коммунальными квартирами. Только заселяли его не простыми гражданами, а какими-то особыми, наверное, очень заслуженными людьми. Все-таки дом был на особом учете у властей.

Рядом с этим огромным домом притулился небольшой особняк, у дверей которого висела вывеска «Музей иконописи и живописи. Филиал Третьяковской галереи». Здесь была собрана блестящая коллекция картин знаменитых русских художников. Мы любили этот музей и называли его между собой «Малой Третьяковкой» или «Нашей Третьяковкой». Я часто там бывал, ведь он был совсем под боком, не то что сама Третьяковка, куда добираться очень непросто. Пожалуй, в этом музее я впервые как следует познакомился с картинами русских художников, в основном, передвижников. В Третьяковку я попал позднее.

А совсем рядом с церковным проходным двором был удивительный чудо-двор. В его глубине были устроены какие-то

причудливые галереи, переходы, гроты, горки и пещеры. Кто это сделал, зачем, почему, для кого? Не знаю. Да это меня тогда и не интересовало. Просто здесь было занятно играть вместе с ребятами из этого двора. Благо, один из них учился в нашей школе и сам приглашал нас к себе. И играли мы тут с упоением. Особенно в «казаки-разбойники». Все как в сказке!

Во дворе дома, стоявшего напротив «Дома Малиновского», жила семья моей бабушки: она, ее дочь Сабина с мужем и их два сына — Волик, что означало Володя, и Ростик, что означало Ростислав. Волик был старше меня года на два, а Ростик моложе лет на пять. Жили они тоже в коммунальной квартире, но очень уж отличающейся от нашей. Меня всегда поражала их квартира. Все здесь было более основательным, чем у нас. Дед мой был крупным инженером-путейцем. Соответственно ещё до революции он был вполне состоятельным человеком. Мебель, обстановка, украшения стен, ковры, гардины, бронзовые скульптуры у настольных ламп, дорогие абажуры, богатейшая библиотека. По сравнению с ними мы были просто бедняками.

Трубниковский переулок шел к Арбату. При этом в одном месте он проходил мимо Большой Молчановки, Дурновского и Кречетниковского переулков и подходил к небольшой площади, посреди которой был небольшой скверик, а за ним виднелась одна из самых знаменитых малых церковок Москвы. Это церковь Спаса Преображенья на Песках. Она запечатлена в известной картине художника Поленова «Московский дворик». Я сначала и не догадывался об этом, глядя на картину. Правда, что-то очень знакомое чувствовалось в колокольне, но ведь подобных церквей, мне казалось, по Москве много. Что за московский дворик, где он? Ничто в картине, кроме церкви не было знакомым. И лишь много лет спустя, уже учась в старших классах школы, я узнал, что знаменитый дворик на самом деле находился совсем близко, совсем рядом. В конце Трубниковского переулка. Что церковь эта жива и стоит на том самом месте, где и увидел ее Поленов. Только дворика все-таки того нет. Обстановка не та. Поэтому и узнавания сразу не получилось.

А рассказал нам и про Поленова, и про его картину наш учитель литературы Иван Иванович Зеленцов в одну из прогулок по нашим поварским и арбатским переулкам, когда мы целой гурьбой провожали его домой. Он жил поблизости — в Карманицком переулке, в небольшом трехэтажном доме из красного кирпича. Так от Ивана Ивановича мы узнали историю о том, как писалась эта картина, откуда, из какого дома и окна он писал и двор и церковь. Да, самого дворика не сохранилось. Почти все вокруг изменилось. Осталась сама церковь и ряд примыкающих к ней домов. Как все-таки приятно сознавать, что именно эта церквушка оказалась на таком знаменитом полотне. Правда, за домиками, образовавшими тот дворик, не видны ни Пушкинская площадка, ни скверик на ней. А они ведь тогда уже были. На картине же оказались скрытыми за домами. Многое с тех пор изменилось. Многие дома вокруг церкви исчезли. Но было очень интересно смотреть на то место, которое изображено на картине. Пускай, даже в измененном виде. Даже при том, что к нашему времени здесь позднее выстроили многоэтажные дома, которые все вокруг исказили.

Но и до этого очень изменили обстановку такие дома, как «Особняк Второвых», построенный почти перед самой первой мировой войной. В глубине сада стоит двухэтажный дом с выступающей вперед полукруглой колоннадой, с террасой над ней, с нишами, обрамленными спаренными колоннами по углам здания. У этого особняка явно дворцовый вид. Он очень красив и величественен. И очень странным выглядит вывеска у ворот, гласящая, что здесь размещено «Центральное Статистическое управление». Как это странно и скучно. Как-то не совмещается красота дома с нынешним конторским его содержанием. Даже обидно за дом. Не могли найти что-нибудь получше.

А рядом притулился небольшой деревянный особнячок Щепочкиной. Он-то уже был при Поленове, но не попал в поле его зрения. Скрылся за застройкой. Он из числа «послепожарных» с чуть выступающим трехарочным портиком, в котором арки покоятся на четырех красивых стройных колоннах. Домик оштукатурен и притворяется каменным. Сразу и не поймешь, что он деревянный. Как «Книжная палата» Во двор дома можно войти через шикарные арочные каменные ворота, которые по своему величию, пожалуй, даже превосходят сам дом. Они явно строились не одновременно с домом, а раньше. Даже значительно раньше. Возможно, даже вместе с церковью, когда возводили ее ограду.

Иван Иванович рассказывал, что в этом доме одно время жил поэт П. А. Вяземский, а совсем почти напротив на углу Рещикова переулка в прошлом веке жил поэт Языков. Чуть дальше была квартира композитора А. Скрябина. Позднее он переехал в другую — на Николопесковский переулок. Посреди площади разбит в конце прошлого века уютный скверик, названный «Пушкинским» в память великого поэта, тоже жившего тут неподалеку. Подумать только, на такой довольно небольшой территории части Садового кольца одновременно жили Пушкин и Вяземский, Языков и Грибоедов, а позднее Чайковский, Скрябин, Чехов, Шаляпин. Какие люди! Какие места!..

Но вернемся к Дурновскому и Кречетниковскому переулкам, которые мы только что оставили позади. Оба они пересекают Трубниковский и выходят к Смоленской площади. Не знаю, откуда получил свое название Дурновский, но Кречетниковский был явно связан с проживанием тут «кречетников», «сокольничих» царского двора. Совсем еще недавно здесь царил рынок, как продолжение растекшегося по всем соседним переулкам Смоленского рынка. Толкучка была отчаянная. Я застал это время. Здесь, среди торгового люда, можно было встретить много так называемых «бывших», или не успевших или не захотевших уехать за границу. Создавалось впечатление, что они, или какая-то их часть, потеряв свои состояния, большие или малые, нигде, очевидно, не работая, превратились в полу-нищих, промышлявших продажей сохранившегося еще у них имущества. Поэтому тут встречаются и дорогой антиквариат, картины в дорогих золоченых рамах, бронзовые канделябры, мраморные вазы, фарфор, хрусталь.

Очень много разной одежды. Ношенной и новой. Откуда новая, не пойму. Может быть, просто еще не ношенная. И одежда очень разная — от шуб и манто до простых поддевок и драповых пальто. Разные костюмы, платья, кофты, просто ткань кусками. Всего понемногу. Встречаются и обычные хозяйственные и бытовые мелочи. Посуда, инструменты, гвозди. И навалом и отдельными штуками. Возможно, что тут и ворованное сбывали. Пойди, проверь. Много случайного можно встретить тут. В том числе и то, чего не встретишь в государственных магазинах. Поэтому рынки еще были нужны. И Сухаревский, и Тишинский, и наш Смоленский и Палашевский. Всех и не упомнишь. Их ликвидировали значительно позднее. Стали размещать в центре продуктовые колхозные рынки.

Мне особенно запомнилась древняя старуха. Она сидела на маленькой очень низенькой скамеечке, прислонившись спиной к стене. Сидела неподвижно, безмолвно, как бы безучастно, равнодушно, низко опустив голову, на которой водружена была огромная шляпа, вся в каких-то рюшечках и узорах. Укутавшись в старую протертую шаль, старуха иногда поднимала голову, безучастно провожала глазами прохожих. Никому ничего не предлагала. Просто сидела и молчала. Странная была старуха. Перед ней на протертом до дыр коврике, стояли какие-то статуэтки, потускневшая керосиновая лампа с очень узорчатым бачком и зеленым стеклянным абажуром. Всякие мелочи лежали. Ложки, ножи, вилки. Подсвечники, кольца для салфеток и подобная мелочь. Все какое-то потускневшее, нечищенное. Я несколько раз проходил мимо нее. Она так ничего и не продала, так и сидела в той же безнадежной позе. И так, наверное, каждый день.

На толкучке можно было встретить и шарманщиков, и балалаечников, и даже бандуристов, много было просто нищих, бродивших здесь в огромной толпе. Однажды по-встречал я тут небольшую вереницу слепцов, державшихся друг за друга и

ведомых каким-то молодым парнем. Они тянули какую-то заунывную песню, но слов разобрать бы-ло невозможно.

Встретил там и совсем безногого инвалида с Георгиевским крестом на груди. Значит, солдат первой мировой войны. Нищий герой. Какая нелепость! Он катился на низенькой платформочке с маленькими колесиками, отталкиваясь какими-то деревянными колодками с ручками. Ног совсем не было. Просто туловище на платформе. Иногда он останавливался и, протянув руку, хрипло просил милостыню. А потом отталкивался деревяшками и катился себе дальше. Очень печальная встреча. Очень.

Со временем толкучка исчезла, исчезли и продавцы, и покупатели, и просто праздношатающиеся. В Москве оставили всего лишь несколько рынков-толкучек — Сухаревку, Тишинский, Даниловский и несколько других. Постепенно налаживалась нормальная магазинная торговля, но со скрипом. Товара там было еще маловато, да и качество было неважное. Переулочки, освобожденные от открытой торговли, как-то сразу стали какими-то пустынными, тихими, патриархальными, очень московскими. Дома на них, вроде бы, совсем обыкновенные, простенькие, даже, может быть, невзрачные, но такие слившиеся со всем своим окружением, что без них просто и представить исторически сложившуюся часть города невозможно. Правда, со временем то тут, то там в разных местах появлялись отдельные более высокие дома, но редко. И они не очень нарушали собой общий вид переулков. Как-то мирно уживались с соседями.

А начинались оба эти переулка, Дурновский и Кречетниковский, с одного места — с Собачьей площадки, внутренней площади нашего района. «Собачка», как мы называли ее, была вроде Спасопесковской площадки, но только чуть

побольше той. Ну, и попросторнее ее, наверное…

И никакого сквера на ней не было. Была голая мощеная булыжником треугольная площадь, стороны которой являлись как бы продолжениями застройки двух переулков. Сбоку площадки расположен был фонтан с урной, стоящей наверху гранитного столба. Вода лилась из каких-то морд, больше похожих на львиные. На толстых стенках высокого восьмиугольного бассейна размещались горельефы с амурчиками.

Фонтан был окружен невысокой металлической оградой. Признаться, долгое время я считал это сооружение не фонтаном, а памятником собаке. От этого памятника, считал я, и пошло название самой площади. Да, да, именно, памятника, и именно той самой собаке, которая жила у попа и съела у него кусок мяса, за что он ее «убил, в ямку закопал и надпись написал, что…» и т. д.

Вот верил этому, и ничего тут не поделаешь. Я даже размышлял, а где же тут сама могилка собачки? Наверное, под памятником с урной. Иначе за-чем она? Меня долго держало в своих руках это заблуждение, и я очень огорчился, узнав, что оказался не прав. Но тогда, почему же площадь называется «Собачьей»? Позднее только согласился с тем, что, как и «кречетники», «трубники», так и «собачники», обслуживавшие царский двор, дали свое имя площадке. Наверное, тут был собачий двор, царская псарня. А вот почему на фонтане установлена урна, так и не понял.

Собачья площадка была окружена невысокими особнячками. Была она тихая и какая-то старомодная. Даже более поздние постройки не так уж и нарушали общий строй фасадов площади. И очень ей шли и булыжная мостовая, и узенькие тротуары, и тумбы на них около ворот. Она была, как музей прошлого века. Недаром на ней находился «Бытовой музей сороковых годов».

Застройка боковых сторон площади в основном была двухэтажной. Как бы задним фронтом за этими домами были построенные значительно позднее многоэтажные доходные дома, выходящие своими безликими дворовыми фасадами в сторону Собачьей площадки. И те фасады были нарядными. А домики, выходящие на площадку тут впереди, хоть и не шедевры, но очень уютные особнячки. В основном, «послепожарные» и конца прошлого века.

Хорош собой был небольшой красно-белый особнячок с островерхими фронтонами, в котором размещался созданный в 1934 году Союз советских композиторов. Рядом с ним, вплотную прижавшись к нему, стоял невысокий особняк, в котором размещалось Музыкальное училище имени Гнесиных. Уже в те времена это училище славилось на весь Союз не меньше, чем сама Консерватория. Напротив был невысокий деревянный дом с четырехколонным портиком, увенчанным арками. Очень похожий на дом Щепочкиной, что на Спасопесковской площадке.

Говорили, что именно в этом самом доме мать Ленина снимала квартиру, и он жил там некоторое время перед отъездом в ссылку. Может, правда, может, нет. Почему-то никакой доски, говорящей об этом, здесь на доме нет.

Запомнился мне также еще один дом на Собачей площадке между Дурновским и Кречетниковским переулками. С виду ничего особенного — дом, как дом. Трехэтажный, из красного кирпича с белой отделкой наличников, карнизов. Здесь была больница имени Снегирева, известного на всю Москву врача. В треугольнике площади дом занимал как раз основание, и поэтому его высота не только не противоречила общей композиции площади, но даже как бы подчеркивала значимость более низкой застройки сторон. Вся площадь была очень уравновешенной.

На Собачьей площадке, на углу с Борисоглебским переулком был одноэтажный дом, в одной части которого размещалась в первом этаже нефтелавка. А про другую часть это-го домика мой приятель Юрка Модель сказал, что здесь в самом детстве жил сам Пушкин, что отсюда его увез дядя в царскосельский лицей. Я не очень ему тогда поверил. Как-то не вязался Пушкин с керосиновой лавкой. Наверное, юркина фантазия. Но позже я

узнал уже от Ивана Ивановича, что Юрка был прав, хотя и не совсем. Прав был относительно того, что в этом доме на «Собачке» действительно жил одно время Пушкин. Но не в детстве и не перед отъездом в лицей. Примерно, пару лет в середине двадцатых годов, то есть в самом расцвете своих творческих сил. Только пару лет, если не меньше. И не у себя, не в собственном доме или квартире, а у приятеля своего Соболевского.

А вот совсем под носом у Юрки, но с другой стороны его дома — на углу Большой Молчановки и Борисоглебского переулка в доме священника церкви Николая, «что на курьих ножках», семья Пушкиных в самом деле жила несколько лет. Вот тут-то он и жил в детстве. Отсюда-то его дядя и отвез в царскосельский лицей.

Церковь «Николы на курьих ножках» была очень маленькой. Она удачно стояла на узком участке между Борисоглебским и Большим Ржевским переулками, выходящими тут на Большую Молчановку. На самом конце участка стояла четырехгранная трехъярусная колокольня, построенная в начале прошлого века. Она была увенчана невысоким четырехскатным округленным куполом с крестом. Два верхних яруса имели большие арочные окна-просветы, углы ярусов были оформлены сдвоенными лопатками. Ярусы увенчивались карнизами. За колокольней стояла низенькая квадратная в плане церковь с четырехскатной крышей, над которой высился тоненький глухой барабан с куполом. Вперед выступала одноэтажная трапезная под двухскатной крышей. Углы трапезной были укреплены расходящимися в стороны невысокими контрфорсами, что, возможно, могло навести на мысль, что эти контрфорсы напоминают разлапистые куриные ножки. Но, думаю, что это совсем не так. Название родилось не от этих угловых «лапок», а от названия урочища, что было здесь при поварской слободе. Тогда «ножками» называли земельные размеры. А дом

священника находился при церкви и выходил фасадом на Борисоглебский переулок. Этот дом и снимала семья Пушкиных с сентября 1810 года. Отсюда юный Александр Пушкин выехал в Царское село в июле 1811 года. Значит, он жил тут почти год.

Подумать только: сам Пушкин жил тут, среди этих домов, среди этих переулков! Он тут запросто ходил по ним, по Собачьей площадке, наверное, бывал и на Новинском бульваре, и на Кудринке. Ее просто так не объедешь. Невозможно находиться так близко от нее и ни разу не побывать на ней, не проехать хотя бы через нее. Этого не могло быть. Значит, и не было. Только вот дома моего он не мог еще видеть, так как его еще не было. А бульвар был! И знаменитые гуляния на нем были. И проходной двор на Трубниковский был, и церквушка моя была. Мог он и там побывать. А церквушку «на курьих ножках» на углу Борисоглебского переулка и Большой Молчановки не просто видел, не просто ходил в нее, он жил при ней в деревянном доме, которого давно уже не существует. На его месте сейчас угол школы, выстроенной здесь после сноса церкви «на курьих ножках». И может быть, именно она навеяла ему какие-нибудь сюжеты для сказок. Кто знает? Ведь одно название, единственное такого рода в Москве, не могло не навеять ему разные сказочные сюжеты. И я старался представить себе, что же тут было во времена Пушкина, еще до войны с Наполеоном и до пожара. Наверное, совсем не так, как сейчас. Вот, хотя бы Юркиного многоэтажного дома вовсе не было. И больницы Снегиревской, и особнячков многих, что на Собачке и на Молчановке стоят, тоже не было. Они же только после пожара, или даже совсем в конце прошлого века появились. Но все-таки что-то осталось и от того времени. Как дом его приятеля Соболевского, раз он в нем жил, как церковь, как другие домики допожарной Москвы, или как первые послепожарные. Ведь и в начале века он здесь был, и в двадцатых-тридцатых годах. А если еще вспомнить, что он бывал у Гончаровых, то это же тут же неподалеку, у Скарятинского переулка на Большой Никитской. А венчался-то он в одном из приделов «Большого Вознесенья». А это та же Большая Никитская. А привез Натали он в дом на Арбате. А к приятелям ходил и на Поварскую, и на Гагаринский, и на Пречистенку, и на Арбат.

Все-все здесь можно назвать пушкинским. Пушкинские места! С каким вдохновением рассказывал обо всем этом наш «Одуванчик», наш чудесный Иван Иванович. И мы с ним ходили ко многим из этих мест и очень огорчались, глядя, например, в каком состоянии были дом на Арбате, дом на Собачьей площадке. Молча стояли перед углом уродливой красно-кирпичной школы, той самой, что заменила собой сказочно знаменитую церковь «на курьих ножках». Тут он жил. А знает ли об этом кто-нибудь, кроме таких людей, как Иван Иванович, литераторов, историков. Уверен, что многие из живущих здесь, вот, как Юрка, например, просто не подозревали, мимо каких мест они проходили. А в этих запущенных и неухоженных домах, вроде арбатского или углового на Собачке, живут сейчас разные люди. Возможно, даже хорошие и очень хорошие. Но они же в пушкинских домах живут. Но ничего об этом не знают. Непостижимо! Ведь сейчас ничего пушкинского в этих домах не осталось. Только рассказы…

Слава богу, теперь, в годы, когда я пишу обо всем этом, хотя бы с арбатским пушкинским домом что-то более или менее нормальное сделали. Отреставрировали, правда, не очень достоверно, кое-каких деталей ни в каких архивах не разыскали, сделали по аналогам, по интуиции. Кое-что пристроили ради нужд музея, к счастью, сзади дома, и этого не было видно с улицы. Не сумели восстановить все именно так, как было, но главное сделали: открыли здесь музей-квартиру Пушкина как филиал пушкинского литературного музея. Все-таки не все уничтожено.

А тот дом, что был на Собачьей площадке, и другой около церкви, где Пушкин дольше жил, были безжалостно уничтожен вместе с церковью, вместе с площадкой, с фонтаном, с особняками и домами, связанными с нашей историей, нашей культурой. И никого из власть предержащих это ничуть не волновало. Ужасно.

А сам Юрка Модель жил как раз между двумя этими пушкинскими местами — на углу Большой Молчановки и Борисоглебского переулка, напротив участка церкви «на курьих ножках», где сейчас стоит типовая средняя школа постройки тридцатых годов. Значит, и напротив места, где был дом священника, и рядом с малюсеньким домиком с керосиновой лавкой, что стоит на углу Собачьей площадки и Борисоглебского переулка. Этот домик приткнулся к многоэтажному юркиному дому, самому тут высокому и, пожалуй, довольно красивому. С вазами и украшениями на фасаде, с большими эркерами.

Типичный перворазрядный доходный дом, заселенный до революции небедными людьми, в основном интеллигенцией. Когда из него бежала от советской власти разная крупная интеллигенция, вроде богатых адвокатов, крупных чиновников, его заселили ответственными работниками новой власти дореволюционной закалки. Юрин папа был именно таким. Недаром он пострадал в 1937 году. Мне нравилось, что в этом доме всегда царило доброжелательство и взаимное уважение. Я очень часто бывал у них. Мама моя говорила, что я просто днюю, правда, не ночую, в этом доме. Но она очень доверяла этой семье и не возражала против нашей дружбы. А Юрку она просто любила. Даже считала, что он более практичный человек, чем я, и поэтому я должен многому учиться у него. Я, правда, не очень этому следовал, но водить дружбу с Юрой было интересно. И знал он многое такое, чего я не знал. И в технике лучше разбирался. Но это вовсе не означало, что я был пентюхом и сам ничего не умел. Все-таки и я что-то умел, чего Юрка не мог. А отрицать, что я многому у Юрки научился просто не нужно. Так это и было. А еще, что мне особенно запомнилось об этом доме, так это то, что этажом выше над Юркой жил один старик. Худой, высокий, со впалой грудью и чуть-чуть сутуловатый. Вид у него был довольно суровый. Но это только внешне. На самом деле он был совсем не страшным, даже добрым. Это был известный музыкант-пианист Гаврила Иванович Романовский. И часто, когда окна и в его и в юркиной квартире были открыты, оттуда сверху доносилась удивительная музыка. Я тогда еще не знал, что именно он играл, только потом, слушая концерты Бетховена, Шопена, Скрябина или Чайковского, узнавал то, что слушал, сидя в юркиной квартире. Играл он превосходно. Юрка говорил, что он не только прекрасный педагог, но и превосходный исполнитель. Ну, это я и сам понимал, слушая его игру. Юрка еще говорил, что он играл для Цурюпы и даже для самого Ленина. Что ж, возможно. Та-кой вполне мог.

Но вернемся к родным местам, к району Поварской слободы.

На Борисоглебском переулке в невысоком краснокирпичном доме жил другой мой товарищ Миша Богатов. Его мать Елизавета Евлампиевна была учительницей в нашей школе. Миша хорошо рисовал, хотел вместе со мной поступить в Архитектурный институт, но немного сорвался на экзаменах и поступил в Технологический. Мишка был очень своеобразным человеком. Гово-рил немного на «о», по-волжски что ли? Интересовался древней литературой, древней живописью, иконами. Помню, писал он сочинение в стихах на тему «Слова о полку Игореве» по заданию Ивана Ивановича. Как переложение с древнеславянского на наш русский язык. Тогда немногие взялись за это. Я, например, писал тогда об импрессионистах. За «Слово» побоялся браться. А Мишка как раз отрывок из «Слова» и сделал. Но не как все. В отличие от других, в его стихах проскальзывало нечто церковнославянское. Меня это удивляло. Но стихи были хорошие.

На Малой Молчановке Иван Иванович показал нам как-то один не очень-то примечательный дом. Обыкновенный, деревянный. Одноэтажный с мезонином в три окошка, с довольно простыми наличниками на окнах первого этажа, с обыкновенными деревянными воротами. Очень непривлекательный с виду дом. Тем более на такой улице, как Малая Молчановка. Хоть она и небольшая по размерам, но дома на ней, в основном, были хорошие, были и многоэтажные. Очень представительные. А этот? Ну, ничем не мог он заинтересовать меня. Всегда проходил мимо него, даже не обращая внимания.

А оказывается тут жил не кто иной, как сам Михаил Юрьевич Лермонтов, один из самых моих любимых поэтов. Но в книгах о Лермонтове я нигде не встречал упоминаний об этом доме, даже о времени его жизни тут на Малой Молчановке. О Тарханах, о Красных воротах, о Московском Университете сколько угодно, а о домике с мезонином ничего. Странно. Очень странно. Я очень удивился, увидев, в каком доме он жил. Вот, никогда не подумал бы, что Лермонтов тут жил. Но после домика Соболевского, где жил Пушкин на Собачьей площадке и дома на Кудринской площади, где жил П. И. Чайковский, ничему подобному удивляться не приходилось. Такова была жизнь этих замечательных людей. И не это важно. Важно, что они жили тут. Вот и Лермонтов оказался нашим соседом, земля-ком. Вот еще каким знаменитым человеком оказалась богата моя родина.

Тут же на Малой Молчановке на фоне малоэтажной застройки выделялся огромный серый дом начала нашего века, украшенный вазами, рыцарями и прочими удивительными вещами. Это тоже был доходный по старым временам дом. В нем тоже жили ученики на-шей школы — Глеб Клеопин, чья комната

вся сплошь была уставлена разными аквариума-ми, большими, маленькими, круглыми. Первый раз видел такую красоту. Среди разных водорослей и причудливых гротов в освещаемых лампами водоемах, среди пузырьков по-даваемой по специальным трубкам воды плавали самые различные рыбки: от вьюнов и неонов, японских сомиков и вуалехвосток до золотых и таких фантастических, каких я вообще раньше не видел. Жила здесь и Майя Вельяминова, тоже ученица нашего класса. Но она была с нами только до седьмого, потом пропала из вида. Ничем особым она не отличалась. По крайней мере, так считал я. А вот сестры Талалаевы, учившиеся одна на два класса ниже, а другая вместе с братом Володей на четыре, были совсем иными. Хорошими пионерками, хорошими ученицами. Я бывал с ними в пионерских лагерях и ничего, кроме хорошего, сказать о них не могу. Жалко, что потеряны с ними всякие связи. Жил здесь и Игорь Реформатский. Он тоже учился младше нас.

На Малом Ржевском был особый дом. Тоже из бывших доходных. С колоннами и львами. Дом, в котором жили крупные военноначальники. В нашей школе учились многие их дети: Гамарник, Левичева, другие. Дом этот лишался в 1936–38 годах одного за другим этих видных деятелей нашей Красной армии. Поверить, что все они были немецкими или английскими шпионами, врагами народа, было просто невозможно. Но что можно было сказать? И что сделать? О судьбе самих начальников мы все уже знаем. Их расстреляли. А вот о судьбе их детей, в основном, девочек, причем очень славных, умных девочек, активных пионерок и истинных патриоток, мало кто знает. А пришлось им пройти через семь кругов ада. И прошли, и не согнулись. Но, боже мой, что же им пришлось перенести! Когда прохожу мимо их дома, всегда вспоминаю о них. Этого просто нельзя забывать. Ведь это тоже часть моей родины. И какая! Окровавленная, измордованная, изуродованная жизнь моих земляков никуда не уйдет от меня. Она всегда перед глазами. И поэтому я, проходя по улицам и переулкам малой родины своей, не могу сосредоточить свое внимание только на зданиях, мимо которых прохожу. Родина — это не только дома, улицы, леса и парки, реки и озера, родина — это, в первую очередь, люди. Люди, создававшие города и поселки, создавшие вещи, люди, жившие в них и с ними, люди, защищавшие их и своих земляков и близких, люди, люди, люди…

Большой Молчановке при реконструкции района и пробивке проспекта повезло чуть больше, чем Собачьей площадке, которая находилась совсем рядом. Проспект отрезал у Большой Молчановки большой кусок самого начала ее, оставив только два

дома за угловым, в котором размещался ресторан «Прага». Один из них был красивым малюсеньким особнячком с острым фронтоном и огромным окном на первом этаже. Здесь был родильный дом Грауэрмана. Дальше простерся проспект, оставивший справа на втором плане своей парадной застройки несколько доходных домов Большой Молчановки, отвернувшихся от проспекта спиной, своими необработанными задними фасадами. Доходные дома в те времена ведь так и строились: уличный фасад был богатым, представительным, дворовый никак не оформлялся — просто голые кирпичные стены и окна. Да еще пожарные металлические лестницы. А торцы чаще всего оставались безоконными глухими брандмауэрами. Из-за возможного появления строительства на соседнем участке.

Собачья площадка погибла совсем — вместе с фонтаном, с домом, где жил Пушкин, со Снегиревской больницей и особняком Училища Гнесиных. Ничто не напоминает здесь среди гигантских башен-книжек и высотных жилых домов тот старый, немного патриархальный мир переулков и особняков. Разве что зады отвернувшихся от проспекта старых домов? Но стоит только сделать, как говорится, шаг в сторону, отойти от проспекта вправо или влево, как вы снова попадаете в мир арбатских, поварских, новинских и кудринских переулков. Кто-то назвал Новоарбатский проспект «вставной челюстью». Довольно метко сказано. Я хожу по старым местам поварской слободы или Арбата и попросту мысленно «вынимаю» эту «вставную». Она мне не нужна, она мешает. Как бы технически совершенна она ни была по сравнению с обветшалыми старыми домами, с узкими переулочками. Ведь их, обветшалых, можно отремонтировать, отреставрировать, сохранив или вернув им подлинно московский характер, так быстро исчезающий из нашего города. А никакими средствами новому проспекту придать этот московский характер уже просто не-возможно. Он из другого мира. И с его появлением безвозвратно утеряна прекрасная часть удивительного московского уголка, каким было Приарбатье, какой была Поварская слобода. Я продолжаю ходить по проулкам и улочкам, стараясь даже не смотреть в сторону домищ-монстров. Я мысленно переношу себя в то время моего детства, которое так глубоко выражала застройка этих слобод и кварталов. Застройка и люди. Люди. Я не могу не думать одновременно и о тех, кто тут жил из моих друзей, или приятелей или просто соучеников.

Тут на этих переулках и улицах Поварской слободы жило их много. На Молчановке, на Поварской, в этих переулках жили Борис Дунаев, погибший на войне, Сергей Мареев, ставший впоследствии крупным дипломатом, народный артист Андрей

Попов, Глеб Клеопин, Игорь Реформатский, Милка Покровская, сестры Талалаевы, братья Цукерманы, Толя Сыченко, сестры Шретер, Женя Розенблюм, сестры Коптевы, Кирилл Беренс, Тамара Хлоплянкина, Марина Ремизова, Таня Комина, девочки из дома военных на Большом Ржевском и многие другие. И Иван Иванович Зеленцов — наш замечательный преподаватель литературы. Педагог, Учитель, Человек. Он и все только что перечисленные товарищи и эти места неотделимы друг от друга. И это только те немногие, что жили в Поварской слободе. А сколько их, моих товарищей по школе, жило на соседних улицах! Вся родина моя малая заселена ими. И это было естественно. Ведь наша школа была совсем рядом.

Поварская и Большая Никитская улицы с переулками

Итак, мы вышли с вами на Поварскую улицу. В самом ее начале с правой стороны, если идти от Кудринской площади к центру, стоят обыкновенные невысокие дома. И хоть в них ничего примечательного не было, но я любил останавливаться здесь, постоять на углу, чтобы оглядеться. Получалась интересная вещь, которая навела меня на мысль, неизвестную тогда мне, что в старые времена церкви ставили не просто так, где придется, а с великим умом. Вот взять хотя бы две улицы — Поварскую и Баррикадную. Если смотреть с Поварской, даже не с угла площади, а из глубины улицы, откуда-нибудь с угла Большого Ржевского переулка, то видишь, что улица направлена прямо на высокую красивую колокольню у церкви Покрова в Кудрине, что располагалась внизу на Баррикадной, ближе к зоопарку. Церковь была определенным ориентиром для путника. А вот от нее, от Покрова в Кудрине, и чуть поднимаясь наверх к площади, видишь, что улица как бы стреляет прямо в сторону церкви Ржевской Богоматери, расположенной на углу Поварской и Большого Ржевского переулка.

Я уже обращал внимание на эти градостроительные приемы и до сих пор не перестаю восхищаться тем, как все-таки умело старые мастера использовали рельеф и удивительно тонко расставляли акценты, используя естественные повороты улиц. Вот и стояли церковные колокольни-доминанты так хитро и умно, что становились не просто самыми высокими среди других, но и своеобразными путеуказателями, ориентирами. Как же все-таки умно ставили церкви. Они и особенно их высокие или даже невысокие колокольни становились именно ориентирами, на которые нацелены были и улицы и переулки.

То же самое происходило и на соседней Большой Никитской улице, на которую мы еще придем. Забегая вперед, скажу, что Большая Никитская «стреляет» на ту же колокольню церкви Покрова в Кудрине, а в обратном направлении ориентиром становится большой купол храма Большое Вознесенье. Вот ведь как здорово получалось. И как жаль, что с уничтожением этих церквей навсегда утрачена здесь эта удивительная перекличка доминант.

Вернемся к нашей Поварской. Думаю, что я не ошибусь, если скажу, что среди всех центральных московских улиц наша Поварская отличалась каким-то особым благородством. Не

потому что была озеленена. Сколько сплошь озелененных улиц было в Москве. Взять хотя бы улицу Заморенова, что у Красной Пресни. Вся утопает в зелени. Но она по сравнению с Поварской выглядит очень провинциальной, бедной. Застройка не та. Обитатели, видно, не те были. Поварская была очень красиво обстроена разными особняками самых разных времен. И достаточно богатыми. Естественно, эти особняки теперь занимали не простые обыкновенные жители, а особые. В основном, здесь были иностранные посольства, консульства, резиденции послов.

Хороши были на улице церкви, каким-то особым образом формирующие характер улицы, определенно организующие ее трассировку. Но, разумеется, застройку улицы определяли, кроме церквей, конечно же, дома. Вернемся к началу Поварской. Вся улица, как посмотришь вдоль нее, утопает в зелени. По обеим сторонам ее высятся крупные деревья, создавая на тротуарах затененные проходы. И улица становится какой-то тихой, приветливой. Трамваи по ней не ходят, транспорта вообще тут мало. Пустили как-то автобус № 4, но он ходил довольно редко. Спокойной была наша Поварская, спокойней всех других вокруг, на которых гремели и звенели трамваи, рыкали клаксонами автомобили.

Я любил эту улицу. Возвращался из школы домой только по ней. Сначала от школы по переулочкам выходил на нее, а потом по ней. И невольно любовался домами, очень отличающимися друг от друга, но такими славными, такими слитыми друг с другом, что кажется, иначе и выдумать ничего уже нельзя. Не к чему выдумывать.

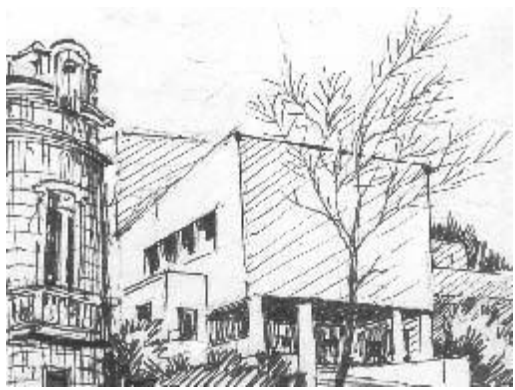
Но, оказывается, как раз «выдумать-то» и можно было. Тут я жестоко ошибался. Потом насмотрелся, как «выдумывали» всякое на нашей Поварской, своими выдумками разрушая ее характер, ее единство. Далеко за примерами ходить не нужно было. Вот хотя бы самый первый для меня: на месте прежнего трехэтажного

построили в 1950 году новый угловой дом — шестиэтажный, также выходящий на площадь, как и прежний. Может быть, он был добротно сделан, не знаю. Но что характер площади очень исказил, это я четко понимаю. Тогда еще не было высотного здания, он один портил всю музыку. Архитектор просто не думал об ансамбле площади, строя дом на углу ее. Он думал, очевидно, только о самом доме, независимо ни от чего. Так делали и делают многие, даже довольно известные архитекторы. На примере хотя бы таких улиц, как Поварская и Никитские, можно четко это проследить.

Сама Поварская долгое время стояла нетронутой, такой, какой я ее увидел впервые, в первые годы моей жизни. А потом появились такие дома, как здание Верховного суда СССР на углу Большого Ржевского, как безликая высоченная призма Училища им. Гнесиных. Они были из другой оперы и совершенно не вписывались в уютную мелкомасштабную Поварскую. Но о них подробнее расскажем ниже, когда подойдем ближе.

На правой стороне в ряду довольно рядовых невысоких домов на углу Трубниковского переулка стоял довольно обыкновенный дом, около дверей которого висела вывеска. Золотом по черному было написано: «Общество политкаторжан и старых большевиков». Вот как раз для этого общества и стали строить в начале 30-х годов специальный роскошный клуб. Огромный клуб-дворец.

Строили по проекту знаменитых архитекторов братьев Весниных, о которых много писали в то время в газетах. Они даже назывались особенно: «конструктивисты». Было в то время такое направление в архитектуре. Как раз те самые дома с ленточными окнами, как в доме Гинзбурга, или на ножках, как на Мясницкой, строили конструктивисты, возглавляемые братьями Весниными, лидерами направления.



Строительство растянулось до 1934 года, но по своему прямому назначению клуб так и не начал работать. Сначала, как писали тогда в газетах, «по просьбе общества его упразднили». Позднее начали упразднять и самих старых большевиков и политкаторжан. Если не уничтожать физически, то превращать их в современных политкаторжан. Так их клуб в 1934 году стал «Первым кинотеатром». На нашем доме на площади укрепили огромную вывеску кинотеатра. На улицу здание выходило огромным кубом, стоящим на тонких ножках. Конечно, внутри этот куб был пустым. Вернее, в нем были какие-то помещения, но это же было совсем неизвестно тем, кто смотрел на тяжеленный с виду куб и на эти тонюсенькие ножки-спички. Какая-то ненадежность проглядывала во всем этом. Возможно, это не только мне казалось, так как спустя какое-то время ножки утолстили, чтобы хоть внешне они казались потолще, покрепче.

По своим размерам дом этот не очень-то выделялся из окружения. И по высоте и по пропорциям. Может быть, он может явиться примером, как должна вписываться новая архитектура в сохраняемую среду. В самом деле, по масштабу, абсолютным размерам этот дом и не вызывал особых возражений. А вот об образной стороне можно было бы и поспорить. Очень уж контрастно выглядел он среди своих соседей. Хорошо это или плохо? Время как-то стерло особые противоречия. К Дому как бы привыкли. Но что-то чуждое окружению все-таки сохранилось.

В кинотеатре этом я бывал. И не раз. Тут был огромный зал, даже больше, чем в знаменитом кинотеатре «Ударник» в «Доме на набережной». Большие кулуары. Здесь мы смотрели «Чапаева». Надо было видеть, как ходили на «Чапаева» зрители. Кроме одиночек или семей, целыми организациями ходили. Выстраивались в колонны и, как на демонстрации, шли по середине улиц с красными знаменами, на которых крупными белыми буквами было написано: «Мы идем смотреть «Чапаева». Я никогда раньше не видел, чтобы так ходили смотреть фильмы. Но «Чапаев» стоил того. Я несколько раз смотрел. И всякий раз очень волновался. Да и не только я. Помню, как сидящая рядом со мной Лиля Сирота, мой школьный товарищ, вдруг во время сцены, когда белоказак незаметно подкрадывался к ловящему рыбу чапаевцу, о чем было известно только нам зрителям, но неизвестно самому бойцу, вдруг закричала на весь зал: «Берегись, ползет!» Мы от неожиданности не знали, что делать. И стыдно, и смешно. Но Лильку понять было можно. Все это было очень эмоциональным. Но мне особенно запомнилась сцена ожидания и ликвидации «психической атаки» каппелевцев. Такое напряжение. Так хочется, чтобы Анка скорее ударила по ним из пулемета. Но

она молчит, закусив губы. Глупенькая, ведь они приближаются. Они идут во весь рост. Идут и идут, как на параде. И, наконец, анкина очередь. И все смешалось. Психическая была отбита. Какой восторг! А потом летящая, как на крыльях, конная лавина чапаевцев. С самим Василием Ивановичем во главе. Он в папахе, лихо заломленной назад, в развевающейся на ветру бурке, с саблей наголо. Удивительная сцена!

В этом же кинотеатре мы смотрели и «Веселых ребят», и «Мы из Кронштадта», и «Цирк», и «Волгу-Волгу», и многие другие фильмы. Ведь самый близкий от нас театр. И самые-самые хорошие фильмы в нем шли первым экраном, то есть раньше других. Потом и этот кинотеатр прикрыли. Стал тут «Театр киноактера». Вот в него мне как-то не приходилось ходить. Может быть, потому что уехал я к тому времени с Кудринки. И все недосуг было. А жаль. Можно было бы живых киноартистов увидеть.

На той же стороне на другом углу Трубниковского переулка и Поварской улицы стоял дом с магазином и почтой на первом этаже. Магазин на углу, а почта на Поварской. Дворником в этом доме был высокий дядя, на которого мне было неловко смотреть, так как у него вся правая щека была покрыта большим бугристым темно-красным родимым пятном. Позже я познакомился с ним ближе, так как он оказался отцом нашей школьной старшей пионервожатой Тани Коминой. Мы с ней были в прекрасных отношениях, и я часто заходил в ее небольшую квартиру в полуподвале этого дома. Отец оказался очень добродушным и доброжелательным человеком. Но я все-таки старался не смотреть на его лицо, чтобы не показать свое смущение при взгляде на это пятно.

Продовольственный магазин был обычным, как многие. Ничего особенного, кроме, разве, названия. Очень чудное название было. Еле прочитаешь: «Продовольственный магазин ХРООП». Позднее букву «Х» заменили на «Ф». Это потому, что расшифровывалось мудреное название так: «Продовольственный магазин Хамовнического районного объединенного общества потребителей», что означало, наверное, принадлежность его к кооперации. А когда название нашего района сменили на «Фрунзенский», то и «ХРООП» превратилось в «ФРООП». Вообще с этими сокращениями получалась просто ерунда. Вроде как на нашей площади и повсюду по городу мелькали вывески «ТЭЖЭ». А школы имели после своих номеров еще такую аббревиатуру — «ОНО», что означало «Отдел народного образования». И в каждом районе впереди этих «ОНО» стояла первая буква названия района. У нас, например, «школа № 10 ХОНО». Это значит,

Хамовнический отдел. Позднее, когда район стал Фрунзенским, «Х» заменили на «Ф». Вот и стала школа «ФОНО». А когда школа оказалась в Краснопресненском районе, а на букву «К» районов было много (Киевский, Кировский, Красногвардейский), то наименование стало еще более нелепым и трудно произносимым: «КрПрОНО» Произнесите, попробуйте. Гладко не получится. Чертовщина какая-то. Но ведь распространено это было. И принимали это все.

Наше почтовое отделение № 69. Оно и по сей день существует в том же доме № 29 на углу Трубниковского, что и раньше. В нем только всю внутренность изменили. По проекту учеников знаменитого архитектора академика Жолтовского. Правда, потом еще были какие-то переделки, но все-таки стоит посмотреть на хороший интерьер. Особенно на потолок.

Еще для меня этот дом был интересен тем, что тут жил один мой соученик Юрка Каждан. Сам он был не очень близок мне. Просто мне не все в нем нравилось, тем более, что я немного ревновал его к одной девочке из нашего класса. Тогда мы учились то ли в третьем, то ли в четвертом классе. Там в этом доме у Юрки его мама организовывала разные интересные вещи с ребятами. Что-то вроде кружка самодеятельности. Я тоже подключился к этому. Мы что-то репетировали, ставили какие-то спектакли или какие-то «капустники», вроде «синей блузы», что была тогда в моде. Потом я окончательно разошелся с Кажданом, и мое участие в самодеятельности окончилось.

Дальше за этим домом стояло несколько довольно простеньких, но очень милых домиков с уютными дворами. Возможно, там и жили в свое время какие-нибудь знаменитые люди, но откуда мне было это знать. Просто я понимал, что дома такие и на такой улице раньше занимали знатные люди. Теперь все было заселено случайно. Разные люди попадались. В одном из таких домов жили хорошие знакомые нашей семьи — художник Василий Яковлевич Брукендалов с женой Ольгой Михайловной и дочерью Лялей. Ольга Михайловна была близкой подругой моей мамы. А Ляля у них была очень больна, кажется, даже частично парализована. Она тоже была художницей. Когда ей было особенно плохо, и она была прикована к креслу с колесами, мы, я и сестра Ира, заходили к ней, навещали, читали книжки.

Напротив Первого кинотеатра расположена старинная барская усадьба. Здесь жил когда-то князь Долгоруков. Но я и все мои друзья считали, что усадьба не этим была знаменита, а тем, что именно в ней Лев Николаевич Толстой поместил семью Ростовых в романе «Война и мир». Кто-то говорил, что это вранье, что сам Толстой об этом нигде не упоминал. Но многое говорит

за то, что именно здесь разворачивались события в семье Ростовых. Хотя бы сцена отъезда семьи из Москвы при приближении войск Наполеона. Читаешь и видишь, что все сходится.

Выше, когда я рассказывал о проходном дворе и церкви Рождества Христова в Кудрине, я уже приводил выдержку из романа «Война и мир», указывающую именно на этот дом. Теперь мы можем посмотреть на сам дом. Эта огромная загородного типа усадьба сохранила свои допожарные черты. Строгий портик с колоннадой украшает центральную часть здания.

По бокам на выступах ему отвечают группы сдвоенных колонн, несколько скромней главной колоннады. Парадный двор окружен более низкими крыльями. В центре двора цветник. Теперь тут поставили памятник Льву Николаевичу Толстому. Это еще более связывает усадьбу с именами Ростовых, с «Войной и миром». Въезд во двор напротив портика через красивые ворота. Те самые, через которые выезжала графиня Ростова с челядью, когда она прощалась с Москвой, смотрящие на церковку напротив. Так увековечил Лев Николаевич эту усадьбу в своем романе. И сейчас памятник Толстого стоит посреди двора и смотрит как раз в эти самые ворота, в сторону, где была когда-то церковь.

Сначала после революции здесь, в усадьбе Долгоруких, был

Литературный институт имени Брюсова, позднее, в 1932 году, здесь обосновался Союз писателей СССР. А в соседнем доме — изящном невысоком особняке замкового характера — помещается Дом литераторов. Он появился тут одновременно с Союзом писателей. С этим зданием у меня связано два события. И оба они имели прямое отношение к Маяковскому. Первое, когда Юрка Модель затащил меня на выставку Маяковского. Она называлась «Двадцать лет работы». Я тогда не очень знал поэзию Маяковского, многое мне было трудно читать, что-то просто не нравилось. Вроде «Бабьих бубликов». Но на выставку пошел, и, представьте себе, увидел там самого Владимира Маяковского. Живого! Всамделишного. Он стоял среди обступившей его группы молодых людей и о чем-то громко говорил. Все жадно слушали его. Еще бы, сам Маяковский! Приблизиться к нему мы, конечно, не могли, но даже смотреть на него было интересно. Первый раз в жизни я видел близко живого поэта. Горд был необычайно. После выставки Юрка дал мне почитать разные вещи Маяковского. У него полно было разных изданий. Стал читать. И наткнулся на некоторые, очень мне понравившиеся стихи. Только не умел еще их читать так, как надо. Их же вслух надо. И громко, во весь голос. А лирические, которые с особым надрывом, надо было пропускать через сердце. Их вот громко читать нельзя было. И не допускать равнодушия или безразличия. Так, чтобы понимал, что это все с тобой происходит. Надо сказать, что со временем я как-то вроде бы научился и читать его стихи, и делать их понятными для других, тех, кто, как и я раньше, относился к Маяковскому с недоверием.

Второй приход в Дом литераторов тоже был связан с Маяковским. Я, как и многие москвичи, пришел на печальное прощание с погибшим поэтом. Это случилось вскоре после выставки. Застрелился! Нелепость какая-то! Я же помню, как совсем недавно он был таким жизнерадостным, могучим, доступным. Говорят, в записке сказано было: «Любовная лодка разбилась о быт…» Все равно, никак не вяжется одно с другим. Мы шли молчаливой скорбной толпой в особняк Дома литераторов, поднимались по лестнице, входили в комнату, где он лежал. И помню почему-то огромные заграничные ботинки с рельефом на толстых подошвах. Почему-то это запомнилось. Лицо и фигура, само собой, но эти ботинки почему-то особенно.

Теперь, проходя мимо Дома литераторов, всякий раз вспоминаю двух Маяковских — того на выставке и другого — в гробу. И красивую шевелюру его вспоминаю, и огромные ботинки тоже.

Рядом находились роскошные особняки. В основном, все они

заняты теперь разными посольствами. Одно из них, где было посольство Афганистана, запомнилось шикарной встречей короля, или падишаха, как его называли в Афганистане. Кажется, это было посольство первой страны, признавшей нас, и первый король, приехавший с официальным визитом к нам в Москву.

Не знаю, как проходила сама встреча, но то, как украшен был особняк посольства, отлично помню. Для двадцатых годов это было очень необычно. По контурам все здание было иллюминировано лампочками. Примерно так только на праздниках бывало. 1-го Мая или 7-го ноября. А чтобы в обычные дни — такого еще не было. И поэтому произвело огромное впечатление. На темном вечернем небе вырисовывались четкие контуры здания. Между окнами укреплены группы из знамен трех цветов. Черного, красного и зеленого. Это цвета афганского знамени. Дом и ближайшее к нему окружение были оцеплены милицией и войсками. Народ толпился, чтобы взглянуть на Амануллу-хана, первого короля на советской земле. Нам, мальчишкам, конечно, удалось пробраться вперед, но за оцепление даже шагу ступить было невозможно. Затая дыхание, наблюдали мы, как к посольству подъехал кортеж автомобилей, как кто-то выходил из них, как кого-то сопровождали в дом. Но увидеть всего было невозможно. Мешали автомобили, мешали милиционеры. Только краешком глаза увидел кого-то, кто показался мне королем. Но рядом заспорили. Говорили, что это вовсе не шах Аманулла, а какой-то его генерал. Вроде бы, военный министр. Не знаю. Возможно. И скорее всего, именно так. Очень уж пышный был генерал. Спустя какое-то время мы узнали, что Амануллу-хана сверг его дядя Надир-хан, что в Афганистане идет страшная междоусобица, резня, инспирируемая, как утверждали газеты, английским империализмом. Это случилось в 1929 году.

Очень красивым мне казался один дом на углу Скарятинского

переулка. У него была масса украшений, карниз был весь какой-то волнистый, окна огромные с красиво прорисованными рамами. А во дворе раньше была, очевидно, конюшня, так как над ее широкими дверями из круглой ниши выглядывала голова лошади. Здесь тоже было какое-то иностранное консульство. Кажется, великобританское. Но называли этот дом по-прежнему «Домом Миндовского». Очевидно, по старому владельцу. Тогда же услышал я и фамилию архитектора, который строил такие вычурные, как мне тогда казалось, очень красивые дома. Это был Кекушев. Мне говорили, что я зря интересуюсь им, что архитектура его домов нездоровая, что она какая-то чуть ли не империалистическая, отнюдь не классическая, а, значит, неправильная. Что ее даже в архитектурных ВУЗах не изучают. Позднее я убедился в этом, когда учился в институте. Но, что поделаешь, мне все-таки эти дома нравились. Что бы о них ни говорили. И я рад, что отношение нашей архитектурной критики к этому направлению, называемому «модерном», в корне изменилось. Теперь почти все полюбили этот стиль, о нем много пишут, ему даже подражают. А мне он всегда нравился.

В более крупных зданиях, типа городских усадеб, помещались значительные учреждения и институты. Ну и, конечно, во многих домах, особенно в доходных, селились просто москвичи, в основном интеллигенция. Из-за множества посольств и консульств мы называли свою Поварскую дипломатической улицей. Может быть, как раз в силу этого по улице не пропускали шумных трамвайных маршрутов, движение было здесь умеренным.

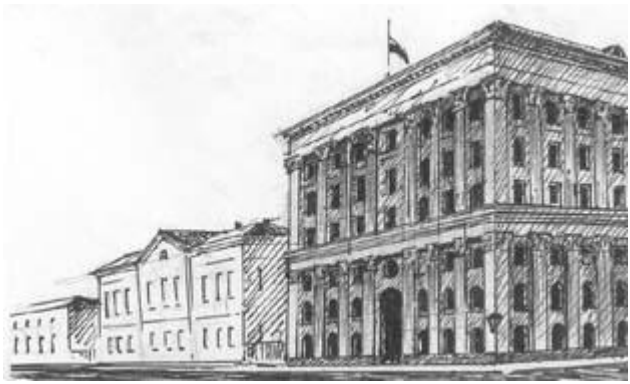
Короче, тихая была улица. Зеленая и очень привлекательная. Представляете, как приятно пройти под кронами лип, рядом с красивыми домами, вдоль узорчатых решеток оград. И мимо стоявших церквей тоже было интересно ходить. Все-таки очень уж необычными они были. Разных времен, разных стилей, но с одинаковой какой-то особой тишиной вокруг. Около них никто не шумел. Старушки, проходя мимо, или еще издали, лишь увидя их, крестились истово, кланялись.

На нашей Поварской, кроме церкви Бориса и Глеба, расположенного посередке между Скатертным и Ржевским переулками, был и другие — церковь Ржевской Божьей матери, церковь Симеона Столпника. Из них до нашего времени дожила только одна — церковь Симеона. Две первых были уничтожены в тридцатые годы, на месте церкви Бориса и Глеба соорудили гигантскую призму Училища имени Гнесиных, а на месте церкви Ржевской Богоматери построили высокое и очень немасштабное здание Верховного суда СССР, очень чужое для окружения.

Еще более усугубилось положение, когда во дворе Верховного суда возвели, несмотря на многочисленные протесты, высотное здание, называемое «Дворцом правосудия». Представляете, «Дворец правосудия» построен с нарушением Законов. Кому прикажете на него жаловаться? В какой суд можно подать иск на Верховный суд Российской Федерации?

Училище имени Гнесиных, Верховный суд СССР. Вроде бы очень нужные, добротные современные дома. Вполне, наверное,

отвечающие своему времени. Будь они где-нибудь среди районов нового строительства, они, возможно, и не вызывали бы протеста, подобного тому, который возникает здесь на Поварской.



Первое своими безликими упрощенными формами лишенного пластики скучного параллелепипеда, второе, что выходит на улицу, своим безмерно преувеличенным ордером «под классику», ну а третье, что втиснули в маленький двор, и своим объемом, и своей высотой, и своим переуплотнением квартала, и созданием невыносимой жизни для жителей его.

Тут же неподалеку на углу Малого Ржевского переулка стоит красивый дом со своеобразной башней, отмечающей этот угол. Наверное по прежнему владельцу его называют «домом Охотникова». Он удачно сочетается со всей застройкой Поварской улицы.

В конце Поварской, около Арбатской площади стоит и доныне церквушка Симеона Столпника, памятник архитектуры XVII века. Она каким-то чудом уцелела и выглядит изумительной жемчужинкой среди нового для нее и чуждого ей окружения. А оно для нее оказалось опасным. Рядом с огромными высотками Нового Арбата она кажется совсем малюсенькой, потерявшей значение доминанты своего прихода, своего окружения. Маленькая, но очень изящная церковь. Хорошие пропорции, хорошие детали. С ней связано много легенд, но я на них останавливаться не буду. О них читайте в любом путеводителе по Москве.

Да, церковь сохранилась до сих пор. Одно время в ней размещалось выставочное помещение Общества охраны природы, а теперь церковь возвращена епархии. Остаться-то она осталась, но, как сказано выше, с позиций градостроительных она осталась только физически. Она стала просто малюсеньким придатком огромного высотного жилого дома.

Смешно было слышать, что авторы Нового Арбата представили на конкурс лучшего сочетания новой архитектуры со старой, объявленный «Комсомольской правдой» и, кажется, «Огоньком», именно этот пример сооружения высотки XX века

около церквушки XVII века. Смелые люди! Неужели им было непонятно, что они морально убили церковь Симеона Столпника, бывшую когда-то доминирующим зданием в своем приходе. Ведь это так элементарно.

Все эти церкви, и Симеона Столпника, и Бориса и Глеба, и Ржевской Божьей матери, даже Покрова в Кудрине стояли так, как будто бы перекликались друг с другом. От каждой можно было увидеть соседнюю, хоть она и стояла через много домов. Каждому, даже совсем небольшому повороту улицы, отвечала постановка колокольни-доминанты. Это было просто здорово.

А на другом углу Большого Ржевского переулка в бывшем дворовом садике снесенного теперь дома до наших дней сохранился древнейший вяз. Толстенный, могучий. Реликвия. Свидетель разных московских событий. Кого он только не видал, и кто его только не видел? Хранить его надо как уникальное явление. А на него все время покушаются. Общественность, поддержанная Обществом охраны природы, не дала совершить это кощунство. Наверное, и впредь сумеет. Но я все еще боюсь за этот вяз, бегаю время от времени к нему, чтобы убедиться, что он еще стоит, что руки вандалов еще не добрались до него. Сейчас даже дощечку около него установили, говорящую о значении и ценности этого вяза, о том, что его нужно беречь.

Еще один дом среди многих запомнился мне на Поварской улице. Это бывший дом Гагарина. Но интересовал меня тогда не

сам особняк или дворец, не знаю уж, как и назвать этот красивый дом, стоящий немного в глубине двора, а его службы. Конечно же, я знал, что здесь находится Институт мировой литературы. Но это меня ничуть не трогало. Знал и то, что это один из замечательных памятников архитектуры. Меня больше привлекало то, что за ним находилось. В бывших служебных помещениях раньше было Управление Государственного конезаводства. Управление, как и прочие дореволюционные службы, конечно, упразднили, но манеж и конюшни остались. И это меня интересовало.

Говорили, что над всем этим шефствует сам маршал Буденный. Но не это важно. Важно то, что сюда можно было приходить и смотреть, как выводят лошадей, как учат на них ездить. Некоторые наши ребята туда как-то устроились. Но мне почему-то родители не разрешили. Возможно, это было связано с воспоминаниями о контузии отца на фронте. Не знаю, но меня очень все это огорчало. И я с печалью и завистью наблюдал, как выезжают на Поварскую наездники на красивых тонконогих конях, как ухаживают они за лошадьми в конюшнях, чистя их скребками и щетками. Не привелось мне даже сесть там на коня. Не осуществилась мечта.

Заканчивалась Поварская улица зданием бывшей пятой гимназии, отличающимся большой круглой ротондой на углу. После революции здесь разместилась средняя школа № 23. Нам не раз приходилось воевать с ребятами этой школы за право проходить через проходной церковный двор на Большую Молчановку. Так ведь было ближе и намного проще.

Напротив школы на углу с Мерзляковским переулком стоял дом с аптекой на закругленном углу, к дверям которой с двух сторон шли изгибающиеся вдоль стены лестницы. В доме со стороны Поварской на углу Чашникова переулка жил наш одноклассник Андрей Попов, сын знаменитого артиста и режиссера, основателя и руководителя Театра Революции Алексея Дмитриевича Попова. Сам Андрей увлекался театром с малых лет, играл в школьной самодеятельности, впоследствии сам стал артистом и тоже Народным. Играл в Театре Советской армии, во МХАТе.

Конечно же, в классе он был кумиром. И уже тогда прочили ему блестящее будущее. А в соседнем доме со стороны Мерзляковского переулка жили Лида Рудзис и Вива Синявская, ученицы нашего класса. А в доме напротив жил Женька Лоффенфельд. Его дом соседствовал с выходящим на Никитский бульвар домом, в котором жил и умер Николай Васильевич Гоголь. Недаром соседний бульвар назвали его именем. И памятник там поставили.

От Кудринской площади к центру шла Большая Никитская

улица. По ней я ежедневно бегал в школу. Кроме выходных дней, конечно. И именно бегал. Я тогда просто не терпел медленной ходьбы. До того, как Ира окончила школу, а она училась, когда школа была семилетней, мы бегали с ней вместе. Всегда вместе. И не потому, что опаздывали. Нет, так было у нас заведено. Нестись что есть мочи.

Помню, однажды мы даже сбили какую-то лотошницу на углу Скарятинского переулка около трамвайной остановки. Все из лотка у нее посыпалось на тротуар. Как же она кричала, как ругала нас. Но мы уже были далеко. И никто нас, к счастью, не остановил, а то здорово бы досталось.

Большая Никитская улица идет до самого Кремля, вернее, до Манежа. Только прерывается площадью Никитских ворот. Школа наша как раз перед самой этой площадью и находится на Мерзляковском переулке. Буквально за один квартал от Никитских ворот. На углу Медвежьего переулка.

По улице идут трамваи, но мы никогда в школу на трамваях не ездим. Даже как-то в голову не приходило, чтобы на трамвай сесть. Ведь всего-то две остановки. Даже меньше. Ведь Мерзляковский переулок все же ближе, чем остановка у Никитских ворот. Бежать, конечно, было интереснее. А в трамваях давка, шум. Разве сравнишь с вольной улицей.

Эта улица, как и ее соседка Поварская, тоже «стреляет» на церковь Покрова в Кудрине. Когда смотришь в ту сторону, то над деревьями Зоопарка ярко блестит шпиль Покрова. Так и перекликались два шпиля, Бориса и Глеба, что на Поварской, Покрова в Кудрине и купол Большого Вознесенья. Хотя думаю, что такие переклички не ограничивались двумя-тремя церквами. Наверняка, были и другие подобные тому примеры. Сколько церквей, столько и примеров.

Много хороших домов на улице. Мне особенно тогда нравился дом, кирпичный фасад которого был, как ковер. Разного цвета кирпичи, много узоров, изразцов, красивых наличников

«под русский стиль» на окнах. Здесь, в этом доме, жили старые большевики. В ирином классе как раз учились трое детей таких знаменитых людей. Латыши Иза и Доля Румбы. И Ляля Лепешинская. Эта, кажется, из семьи, близкой к самому Ленину.

Обращали на себя внимание и другие дома, как на углу Скарятинского. Обыкновенный дом, но здесь жил художник Туржанский, а его дочь Ирина училась в нашей школе. Дальше шли особые дома. На правой стороне, например, был «Дом младенца» имени Герцена. Я еще думал, как это неправильно звучит. Будто бы младенец какой-то, а не дом, был имени Герцена. Глупо, конечно. Здесь содержались всякие подкидыши, или дети, лишившиеся по каким либо причинам матерей. За этим домом было турецкое посольство. А дальше шли обыкновенные двух-трехэтажные дома, ничем не примечательные.

На углу Ножевого переулка располагалась пожарная часть. Это было очень заманчивое здание. Начальником части был отец Кольки Донцевича из нашего 5-го «д», и мы частенько заходили к нему посмотреть, как живут пожарники, посмотреть на их машины, даже просто медные сверкающие каски или брандспойты руками потрогать. Не всякому же это счастье выпадет. Жалко, что Юрку Моделя перевели в «а», а меня в «д». На какое-то время мы разошлись, вернее, директор по какой-то причине решил нас развести по разным классам. Заслужили чем-нибудь. Уж и не помню, чем. А не разошлись бы, то вместе бы повсюду ходили. И к пожарникам, в том числе.

На другом углу Ножового и Большой Никитской улицы в

небольшом двухэтажном домике жила наша учительница русского языка и литературы в 5-х и 7-х классах Надежда Сергеевна Барабошина. А прямо напротив ее дома, через квартал, только уже на Малой Никитской улице, жила ее подруга, любимая моя учительница математики и наш классный руководитель Лидия Игнатьевна Громан.

На повороте на Мерзляковский переулок стоял большой доходный дом. Внизу магазин «Консервы». Здесь продавали не только консервы, но и овощи, и фрукты, а главное, всякие вкусные соки. В этом доме жили очень ответственные работники. Например, начальник милиции всей Москвы Вуль. Кто-то из его детей, кажется, тоже учился в нашей школе.

Я сказал «на повороте на Мерзляковский» и не оговорился. Тут никакого угла и не было. Просто большой дом, прерываясь на повороте, плавно заворачивал в переулок, а Большая Никитская поворачивала так же плавно чуть влево, к Никитским воротам. Вот на этом повороте и находился большой магазин «Консервы», где торговали соками, куда мы часто забегали, сравнивая, где лучше — тут или у Никитских ворот.

Но еще до этого поворота надо посмотреть на некоторые дома другой стороны. Тут в большой бывшей городской дворянской усадьбе находилась школа. Дом у нее торжественный, как дворец. И стоит он в глубине двора. Эта школа для меня лично имела огромное значение.

Когда я был в первом классе, а в нашей школе еще не было

октябрятского отряда, моя мама отвела меня в эту самую школу, где октябрята уже были, и где хорошо развивалась их самодеятельность. Не знаю как, но каким-то образом меня, чужого для них мальчика, приняли в группу октябрят. Мама как-то уговорила. Там я больше всего занимался рисованием. Пытался петь, но ничего у меня не получалось. А через год мы уже готовились к вступлению в пионерский отряд в своей школе, и я, конечно, должен был покинуть свой октябрятский отряд.

Через несколько домов от школы стоит японское посольство. Раньше здесь жил Суворов. Даже на фасаде так и написано: «Здесь жил Суворов». Коротко и ясно. Правда, очень непохож был этот дом на особняк вельможи или какого-нибудь знатного лица. Большой и не очень жилой с виду. Но, несмотря ни на что, именно здесь жил род Суворовых. Это вызывало гордость.

И приходской церковью их рода всегда была церковь Федора Студита. А почему не «Большое Вознесенье»? Рядом с этим домом раньше стояла небольшая колокольня при огромном храме «Большое Вознесенье».

Обращает на себя внимание то, что храм «Большое Вознесенье» и его колокольня совсем непохожи друг на друга. Слышал, что храм построен на месте прежней церкви, при которой и стояла эта колокольня. И были они обе семнадцатого века. А современный храм построен был только в девятнадцатом. Почему-то новую колокольню, задуманную по проекту, не построили. Оставили старую. Она такая небольшая, рядом с храмом просто малышка, но очень славная. Восьмигранная узкая пирамида шатра прорезана окошками-слухами, украшенными небольшими наличниками. А сам храм стоит величественный, с большими многоколонными портиками по бокам. По стилистике оба эти замечательные здания совсем не сочетаются.

В тридцатых годах до колокольни, наконец, добрались. Снесли. Долгое время на ее месте был дровяной склад, а после войны здесь соорудили сквер. Позднее в центре сквера установили памятник Алексею Николаевичу Толстому. Он жил по соседству на повороте Спиридоньевки.

А еще я тогда узнал, что задолго до окончания строительства храма в одном из боковых приделов венчался сам Пушкин со своей Натали. Ведь дом Гончаровых находился тут же неподалеку — в Скарятинском переулке на Большой Никитской. И приписан был к приходу этой церкви. Я специально ходил на Скарятинский, чтобы посмотреть, в каком же именно доме жили Гончаровы. Точно тогда ничего не узнал, но примерно догадался. Дом как дом, ничего особенного. И если бы не Гончаровы и Пушкин, то и смотреть-то не на что. Но почему-то никакой памятной доски ни на одном из домов не было. Странно. Ведь Пушкин все-таки.

За Большим Вознесеньем был квартал невысоких двухэтажных домов, выходящих на площадь Никитских ворот. В самом торце этого квартала размещался продовольственный магазин. А на площади в самом начале Тверского бульвара стоял памятник Тимирязеву. Говорили, что памятник поставлен на месте снесенного дома, в первом этаже которого была аптека. Напротив него на площадь выходил трехэтажный дом, стоящий в торце Никитского бульвара, как и наш на Новинском. В первый этаж этого дома вместо находившейся там раньше лечебницы перевели аптеку из снесенного. Здесь жила Володина соученица Яна Зернова.

Напротив памятника Тимирязеву на внешней стороне Тверского бульвара находилась школа. Здание у нее было старенькое. Кажется, тут тоже была до революции гимназия.

А на нашей стороне, между Никитским бульваром и Мерзляковским переулком, за рядом двухэтажных домишек Большой Никитской стоял вдоль бульвара пятиэтажный

современный и очень некрасивый жилой дом. Двадцать восьмого года строительства. В его дворе стоит небольшая церковка с одним куполком. Называется она церковью Федора Студита. Построенный дом заслонил собой церковь от бульвара и стал отвратительным фоном для нее со стороны Большой Никитской улицы. Площадь Никитских ворот отделялась от двора рядом двухэтажных домов, в первых этажах которых были разные мелкие лавочки. Особой популярностью у нас пользовался павильон «Соки». Мы очень его любили.

Долгое время церковь стояла в огромном дворе какая-то заброшенная, с одним оголенным барабаном и куполом без креста. По старым фотографиям я знал, что раньше церковь была пятикупольной. Почему же теперь она оказалась с одним? Колокольню у нее снесли почти до основания. Остался один нижний ярус, перекрытый четырехскатной крышей. Так как позже эта церковь была передана нашей школе, стоявшей совсем рядом тут же, на Мерзляковском, то я постарался узнать о ней поподробнее. Стал копаться в книгах. До строительства того некрасивого жилого дома конца 20-х годов здесь оставались мелкие постройки, сохранившиеся с послепожарного времени, но их запросто снесли ради нового строительства.

А задолго до того тут у стен Белого города располагался Филаретов монастырь, и церковь Федора Студита была одной из нескольких церквей этого монастыря, построенного отцом первого царя из династии Романовых Михаила патриархом Филаретом. Поэтому и монастырь назывался Филаретовым. Одного я тогда не мог понять, почему царь звался Михаилом Федоровичем, а не Филаретовичем. Потом-то мне объяснили, что «в миру» отца звали Федором, а уже после пострижения в сан он стал Филаретом.

Перейдем к кварталам, расположенным между Поварской, Большой Никитской и Никитским бульваром. Ведь это же был

именно тот квартал, по переулкам которого я ежедневно ходил из школы домой, где жило много моих товарищей, где, наконец, гоняли мы бумажные кораблики по ручьям вдоль тротуаров после обильных дождей или в оттепель. Эта группа кварталов просто-напросто была совсем моей родной.

Прежде всего о всех этих названиях: Столовый, Скатертный, Ножовый, Хлебный, Чашников и прочие. Конечно же, произошли они от того, что здесь, на этом месте, располагалась слобода, в которой жили люди, прислуживавшие царскому дому. Так ведь во многих местах города по занятиям или по имени стрелецкого полковника назывались целые слободы. Вот и наша Поварская объединяла определенных служилых людей. Несколько выпадали такие названия переулков, как Скарятинский, Мерзляковский, Медвежий.

О Скарятинском я быстро узнал, что это по фамилии какого-то именитого домовладельца. Я ничего о нем не слышал и думал, что уж лучше бы переулок Гончаровым назвали. Гончаровы тоже здесь жили, а они для всех нас более знамениты, хотя бы тем, что их род дал Пушкину невесту.

С Мерзляковским же переулком получилось иначе. Я сначала думал, что Мерзляковским его назвали по фамилии русского поэта XVII–XVIII веков А. Ф. Мерзлякова, который написал известную песню «Среди долины ровные», и, кстати, жил именно на этом переулке, в небольшом домике, стоявшем на месте нынешнего пятиэтажного как раз напротив нашей школы. Стал искать в путеводителях, в справочниках. В некоторых книгах я прочитал, что название переулка менялось, что был он и Мамстрюковой улицей по имени жившего здесь князя Дмитрия Мамструковича Черкасского. Вот ведь как, не по имени, не по фамилии, а по искаженному отчеству был назван этот переулок, а потом уже как-то превратился в Мерзляковский. Так утверждают источники, но, признаться, верится в это с трудом. Очень уж отдаленно одно слово напоминает другое. Мне же кажется, что и та и другая версия верны. По князю был Мамстрюковской улицей, а позднее переулком. А по поэту позже стали его называть Мерзляковским. А может быть, и ошибаюсь.

К поварским или столовым названиям наш Мерзляковский не имел никакого отношения. Как не относился к ним и Медвежий, соединяющий Мерзляковский переулок со Скатертным. Вот уж совсем не ясно происхождение этого звериного названия. Думали мы с ребятами, думали, ни к чему не пришли. Кто говорит, что здесь, наверное, держали царских медведей. Чтоб поближе к столовой, к кухне было. Но и кухни и столовые были при дворце, а тут в слободе просто жили люди, работавшие там. Не прошла эта версия. Тем более, что всем было известно, что в те времена царский зверинец был в Измайлове. Кто-то предположил, что просто за стеной Белого города в те времена это было глухим местом, «медвежьим углом». Тоже не очень-то веское предположение. На наезжанной улице, у самых Никитских ворот, в служебной слободе и вдруг «медвежий угол». Нет, не похоже. Просто не могло быть.

Споры спорами, а школа наша как раз на углу этих двух спорных переулков и стояла. И если в школу я прямым путем бегал по Большой Никитской, то назад домой ходил, если не с Юркой на его Молчановку по Мерзляковскому, то, конечно, по

этим самым «поварским» переулкам. По Столовому, правда, реже. Он долго не сворачивал на Поварскую, а я любил ходить именно по ней. Поэтому по Столовому не шел, а направлялся прямиком к Скатертному, а по нему уже на Поварскую. А там и домой. На Столовом переулке находилась школа № 3 имени Карла Маркса. В последствие она стала школой № 103, а после слияния с нашей школой лишилась и номера и имени основоположника научного коммунизма. С этой школой у нас были сравнительно хорошие отношения. Среди учителей, пришедших к нам после слияния, оказалось много очень хороших, а параллельные с нами классы, существовавшие сначала отдельно, оказались тоже очень хорошими. Скольких друзей получили мы после слияния. Последние, общие для всех нас, школьные три года были лучшими.

Потом, уже после войны, нашу школу выдворили из здания на Мерзляковском, переданном музыкальному училищу имени Чайковского. Переехала она в здание на Столовом. Вот это уже было совсем обидно. Очень уж привыкли мы к своему старому зданию. Там все дышало событиями, пережитыми за десять лет пребывания там. Там и стены были родными. А в новом здании все было чужое. Только при ежегодных традиционных встречах как-то мирились с новыми стенами. Но родными они так и не стали. И на встречи больше уже не тянуло.

Большой неприятностью для меня, да и не только для меня, было то, что школа утратила имя Фритьофа Нансена. А ведь мы все считали себя «нансеновцами». (Интересно, не считали ли ребята из 3-ей школы себя «марксистами» по аналогии?) В школьном музее можно было посмотреть на материалы, посвященные нашей прежней школе. А позднее во дворе нами сообща был установлен Памятный знак, посвященный погибшим на Отечественной войне педагогам и ученикам обеих школ. На доске были и фамилии моих одноклассников. И сюда мы всегда приходили к своему памятнику.

Я активно участвовал в создании первого варианта Памятного знака, в оформлении всей разрешительной, исходной и проектной документации. Оббивал пороги различных учреждений вместе с нашей учительницей математики Верой Акимовной Гусевой, инициатором создания этого Знака, великим энтузиастом. Без нее мы ничего бы не сделали. Очень энергичная и настойчивая была она. Это и помогло. Я просто поражался ее энергии. Ее требовательности и целеустремленности.

Скульптурная композиция «Реквием-41», созданная бывшим учеником нашей школы скульптором Ноликом Метлянским, мне очень нравилась. Что-то в ней было неординарное, затрагивающее какие-то глубинные мысли о войне, о погибших товарищах. Пьедестал для фигур спроектировал тоже бывший ученик школы архитектор Евгений Розенблюм, он же был автором памятной доски и венка. В осуществлении нашего памятника принял активное участие мой одноклассник архитектор Петя Скокан, который сумел оперативно достать нужное количество бетона и помочь в строительно-монтажных работах. В проектировании Знака Петя не участвовал.

Когда какие-то фашиствующие вандалы надругались над нашим Памятным Знаком, то пришлось на время перенести фигуры в школьный музей и разрабатывать новые варианты Знака. Было много предложений, вплоть до переноса его на площадь Никитских ворот перед колокольней церкви Федора Студита. Конечно, это нелепое предложение не получило поддержки. Знак ведь школьный!

Пришли к выводу, что самым правильным будет установка фигур на стене школы, чтобы обеспечить недоступность композиции. Стали искать возможные варианты. Со стороны сада, со стороны улицы, переулка. Я рад, что прошел мой вариант размещения скульптуры Нолика Метлянского и Памятной доски прямо на углу школьного здания, обращенного к Большой Никитской улице. Фигуры солдат мы поместили на консольную плиту, на срезе которой были высечены слова: «Памяти павших будьте достойны». Доску и полочку для цветов, созданных скульптором Казанским, поместили на стене под Памятной доской и скульптурной группой Нолика Метлянского.

Но вернемся к жизни школьников двух разных школ. Как я уже сказал, отношения между нами были более или менее спокойными, но большой дружбы до слияния школ не было. Каждый из нас любил свою, каждый не очень терпел чужаков. Что поделаешь. В детстве всякое бывало. Сейчас об этом и вспоминать смешно.

Рядом со школой на Мерзляковском переулке в доме № 9 находился 4-й Государственный музыкальный техникум имени братьев Рубинштейнов. Позже он стал областным техникумом. Не мог никогда понять, почему вдруг музыкальное учебное заведение называлось техникумом. Техникой тут и не пахло, но называли так всякое среднее специализированное учебное заведение. Думаю, что это происходило из-за общего увлечения в то время так называемой политехнизацией учебных заведений,

индустриализацией страны.

Из окон этого отнюдь не технического техникума все время доносились звуки музыки самых разных инструментов. Странно, но почему-то наша школа не завела никакой дружбы с музыкальным соседом.

А напротив школы был родильный дом. Часто можно было видеть стоящих под его окнами молодых отцов, с волнением ожидающих появления своих жен с младенцами на руках или без них в каком-нибудь окне.

Столовый, Скатертный, Ножовый, Хлебный, Ржевские Большой и Малый — все эти переулочки в предвоенные годы стояли почти нетронутыми, сохранили свою дореволюционную застройку. Только на углу Мерзляковского и Скатертного был построен кооперативный дом для работников науки и техники. Он так и назывался «РАНИТ». А еще говорили, что строился он как жилищный кооператив «ТРУДОВОЙ ХИМИК». В этом доме тоже жили наши ребята — Саша Дюжев и Абрам Житомирский. Ну и кто-то из младших. Абрам был, пожалуй, самым способным и талантливым учеником в нашем классе. Ему предсказывали большое будущее. Но, окончив МГУ, он ушел на фронт и не вернулся.

Между Столовым и Скарятинским переулками в конце двадцатых годов вырос еще один такой же кооперативный дом. Он был типичным для своего времени, был каким-то плоским, лишенным пластики. В этом доме жили Рафаил и Тамара Фонвизины, потомки известного декабриста.

Остальные дома были старенькими, такими тихими, мирными, спокойными, что ходить по этим переулкам было просто приятно. Тихие старомодные домишки, тихие нарядные особняки, зелень, выступавшая из дворов. Все это настраивало как-то особенно. Не хотелось даже галдеть, что нередко мы делали где-нибудь в других местах. По этим переулкам регулярно провожали домой мы нашего старенького Ивана Ивановича.

Тихие поварские переулки, тесно смыкавшиеся с молчановскими и арбатскими, сделали всех нас жителями одной планеты по имени Арбат. Недавно появилось такое название — «Дети Арбата». Наверное, это правильно. Эта часть города, включая сюда и Бронные и Пречистенские переулки, связана каким-то незримым единством. Все мы — дети Арбата.

На Садовом кольце было только три настоящих бульвара — наш Новинский, Смоленский и Зубовский. Они были такими же, как и бульвары Бульварного кольца. Разве что немного пошире, если не говорить о Страстном и Чистопрудном, которые всех превосходили своей шириной. Все остальные улицы Садового кольца бульваров не имели. Многие из них имели перед домами сады и, может быть, поэтому кольцо получило такое название после того, как были срыты все валы Земляного города.

Так, Садовая-Кудринская улица была именно такой. Проезжая часть вместе с трамвайными линиями проходила по середине улицы, а по обоим бокам располагались сады с развесистыми деревьями и кустарниками, огороженные самыми различными оградами, в основном решетчатыми… У каждого дома своя, непохожая на соседнюю. Позднее, уже в начале тридцатых годов, все ограды уничтожили, все сады объединили, пропустили прямо по ним широкие аллеи, сохранив только очень узенькие тротуарчики вдоль проезжей части, получившей из-за этого некоторое расширение. В результате получилось как бы два широких бульвара по обеим сторонам улицы. Но совсем непохожих на наши настоящие бульвары. Они стали просто

озелененными проходными аллеями. Того, чем были ценны настоящие бульвары, — прогулочных мест, интимных уголков, игровых площадок для детей — здесь не было. Даже скамейки были поставлены очень редко. Да и мало они использовались. Только изредка кто-нибудь садился ненадолго передохнуть. Короче говоря, ни для прогулок, ни для детских игр они не годились. Очень уж неуютными они оказались. Но ничего иного от них получить уже было нельзя.

Застройка Садовой-Кудринской улицы в двадцатые-тридцатые годы почти не менялась. Этому способствовало, по-видимому, то, что практически все дома были как бы обособлены, что домовладения отделялись заборами и оградами, и что-либо строить тут было значительно труднее, чем на других обычных улицах. Ведь на том же самом Садовом кольце, где на улицах не было никаких садов, началось строительство многоэтажных домов. Сначала только на отдельных местах, вроде Дома Наркомзема на Садовой-Спасской или Дома Наркомпути на Садовой-Черногрязской. Позже строительство пошло более интенсивно. Устаревшие дома беспощадно сносились, на их месте стали появляться новые, уже многоэтажные.

А на нашей Садовой-Кудринской из новостроек можно было бы указать только на Планетарий, да на здание какого-то Наркомата напротив Спиридоновки. Больше ничего нового долгое время не появлялось. Если не считать расширения Зоопарка, который, перешагнув через Большую Грузинскую улицу, занял большое пространство до самого нашего Садового кольца. Около Планетария он получил выход на улицу, заняв при этом большую часть великолепного сада Вдовьего дома. Практически все остальные дома на Садовой-Кудринской оставались старыми, дореволюционными. В основном это были двух-трехэтажные небольшие дома, встречались и одноэтажные. Все они почти совсем скрывались за высокой зеленью садов улицы. Обращали на себя внимание некоторые особнячки, выгодно отличающиеся от рядовой и немного унылой застройки своим нарядным видом.

На Кудринской площади, на самом углу Большой Никитской улицы стоял трехэтажный дом, сохранившийся до наших дней. Простой жилой дом без магазинов. Конечно же, коммунального заселения. Рядом с ним стоял четырехэтажный дом, который доходил до самой Малой Никитской улицы. Этот дом имел небольшой квадратный двор с подъездом внутреннего дома как раз напротив арки-проезда. Все это было довольно обычным, таких домом и таких дворов было сколько угодно. Но не у каждого у дверей подъезда была такая чудная вывеска, как у этого. Мудреное название: «МЕЦЦО ТИНТО». Что это такое, я не

знал. Никогда такого слова не встречал. Конечно, иностранное. Но у кого спросить? Наконец, когда в нашем классе появилась Люда Шингарева, девочка из этого дома, я от нее узнал, что такое мудреное слово означает. Тут, оказывается, размещается типография с каким-то особым методом печатания. Он-то и называется «меццо тинто».

На другом углу Малой Никитской был сад особняка, который размещался в глубине двора со стороны Малой Никитской и выходил на Вспольный переулок. Глухой забор отделял этот дом от улиц. Только один старый вяз вылез из этого сада на тротуар Малой Никитской, и приходилось его обходить, так как он занимал почти весь проход. В конце тридцатых годов в этом доме поселился приехавший из Грузии новый нарком внутренних дел Лаврентий Берия. Сначала об этом никто и не знал. Лишь какое-то время спустя я стал замечать, что на дом поглядывают с опаской, стараются побыстрее пройти мимо него. Кто-то тогда мне и объяснил, и кто там живет, и почему сторонятся люди этого дома.

За садом этого дома находились два очень красивых почти одинаковых домика-особнячка. Они были одного роста. По внешнему виду очень похожи друг на друга, только у одного был широкий остекленный выступ на улицу, а у другого этого не было. У обоих были непривычно высокие крутые крыши. Очень редкие для Москвы. Я почти нигде таких больше не встречал. Но не это главное.

Главное то, что в одном из этих домиков жил сам Антон Павлович Чехов. Раньше, конечно, жил. Задолго до революции. И что самое обидное, так это то, что ведь никак это не было отмечено, и никто вокруг не знал об этом. Может быть, только жильцы дома. Но они же не кричали об этом направо и налево на

каждом углу. Никакой доски, ничего говорящего о Чехове, не было. Так же, как о Чайковском, мы все узнали не сразу, так и о Чехове. Только значительно позже здесь сделали музей-квартиру Чехова, даже создали за домиком вишневый сад, а на тротуар поставили тумбу-афишу, как бы символизирующую театральную жизнь того времени. Но это ведь случилось уже тогда, когда и зеленые аллеи вдоль улицы были уничтожены, когда эти крохотули домики оказались такими миниатюрными и беззащитными на широченном проспекте, каким стала бывшая Садовая-Кудринская.

Таким же маленьким оказался и сохранившийся до наших дней особняк с колоннами на участке Филатовской детской больницы. Только значение этих домов как памятников истории и культуры спасло их от неминуемой гибели, когда новый проспект стал обстраиваться огромными многоэтажными домами, сметавшими все, мешающее им встать на самом виду. Только немногие трех-четырехэтажные дома сохранилось на улице. Конечно, и большие доходные дома на углу Спиридоновки или Малой Бронной улиц продолжают жить до сих пор. От старой улицы Садового кольца практически почти ничего не осталось. Только физически сохранились перечисленные несколько домов. Но улица с ее садами, а позднее с ее аллеями, с обильной зеленью, с развесистыми деревьями исчезла, оставив лишь несколько домов, как воспоминание о застройке, но отнюдь не о Садовой улице. Так транспортные необходимости стали уничтожать одну за другой старые московские Садовые улицы.

Малая Никитская была тихой и очень уютной улицей. Особенно это чувствовалось после шума Кудринской площади, Садовой-Кудринской улицы и Большой Никитской. Удивительно, но городской шум сюда просто не доносился. Улица практически вся сохранилась без изменений, если не считать того, как чудовищно изменился угол ее со Вспольным переулком.

Тут стояла великолепная церковь Георгия на Всполье.

Стройная колокольня церкви с уходящим далеко ввысь шпилем, чуть строгая и очень аккуратная, вся какая-то подтянутая, сама церковь композиционно держала застройку и улицы и Вспольного переулка. Колокольня была замечательным ориентиром среди невысоких домов и особнячков, окружающих ее. Так ее взяли и в одночасье сломали.

А на ее месте воздвигли гигантский для этого угла «Дом звукозаписей». Конечно, Москве нужен был такой дом. Его роль в культурной жизни столицы не подвергается сомнению, но зачем же было сносить такой прекрасный памятник архитектуры. Сносить подобно тому, как сносили в Москве в те годы подряд почти все церкви, утешая себя тем, что «на месте этих церквей — очагов культа воздвигаются очаги культуры». Глупое заблуждение. Но так было. И вот на углу малоэтажной улицы и такого же переулка выросло огромное здание, чуждое соседям.

На Малой Никитской среди обычных, ничем непримечательных, но очень сомасштабных человеку домиков запоминающимися акцентами были несколько домов — бывших городских усадеб, особняков.

В самом конце улицы, которая, как и Большая Никитская, вливалась в площадь Никитских ворот, стоял Храм «Большое Вознесенье». А на другой стороне улицы, наискосок от храма стоял чудесный особняк, которым я всегда любовался. Это был «Дом Рябушинского». Построил его архитектор Шехтель. Наверное, этот особняк был в его творчестве шедевром. Мне он страшно нравился, и я очень удивился, узнав, что все это направление в архитектуре конца XIX — начала XX веков тогда просто не считалось достойным даже войти в историю русского искусства.

По крайней мере, в учебники по истории архитектуры оно не вошло. Непонятно. И несмотря на это я всегда с большим интересом вглядывался в произведения Шехтеля, Кекушева и других певцов «модерна», украсивших улицы Москвы прекрасными зданиями.

Сам Рябушинский и его семья практически в особняке на Малой Никитской не жили. Построен-то дом был во время первой мировой войны, а после революции Рябушинский эмигрировал за границу. Что здесь было в первые годы советской власти, не знаю, но когда Максим Горький вернулся в Советский Союз, правительство передало особняк ему. Тут он и прожил до самой смерти.

Параллельно Малой Никитской расположен Гранатный переулок. Естественно, первое, что интересует тебя, когда ты оказываешься на переулке с таким боевым названием, так это его происхождение. И также естественно предположить, что связано оно с профессией тех, кто жил тут в старые времена. Как Бронная слобода, чье название связано с броней, Гранатный переулок, конечно же получил свое название по Гранатному двору, что располагался неподалеку от Храма «Большое Вознесенье». Только по возрасту этот двор был ровесником не современного нам храма, а его предшественницы, церкви, что стояла тут вместе со

своей колоколенкой.

В Гранатном переулке имеется несколько замечательных усадеб и особняков. Они очень отличаются по своей стилистике друг от друга, но объединены и масштабом зданий и размерами их. Усадьба Леонтьевых выстроена в классическом стиле, а бывший купеческий особняк, где размещалось до тридцатых годов французское посольство, а с тридцатых обосновался и стал расширяться «Дом архитектора», носил следы готического романтизма.

Как жаль, что в связи со строительством школы, а впоследствии огромного жилого дома архитектора Андреева, был начисто сметен с лица земли целый кусок застройки напротив Дома архитекторов. Здесь стояли небольшие, очень характерные для послепожарной Москвы особнячки. Они хорошо держали застройку переулка. И вот их не стало.

Хотелось бы надеяться, что со временем эта разрушенная сторона переулка будет восстановлена, и на передний край застройки выйдут утраченные дома, фоном которых станут выстроенные позже многоэтажки.

Вспольный переулок, как и Гранатный, отличается невысокой застройкой, единым масштабом застройки. Только в самом конце его, ближе к Спиридоновке, появились более высокие доходные дома. Подобно Дому звукозаписи появились и совсем молодые высокие дома там же около Спиридоновки. Но они отодвинуты в глубину дворов, на красную линию не выходят, стоят за густой зеленью и не очень портят облик переулка.

Хотя здесь надо бы строить не в глубине дворов, а по красной линии застройки и в характере сохранившейся до наших дней среды. Школа, выстроенная в тридцатые годы, находится также в глубине сада и поэтому не очень влияет на облик переулка. Она скрыта за густыми деревьями.

На Спиридоновке застройка страшно переменчива. Есть особняки, вроде морозовского или тарасовского, а есть большие доходные дома, между которыми бедными сиротиночками вкраплены маленькие домишки.

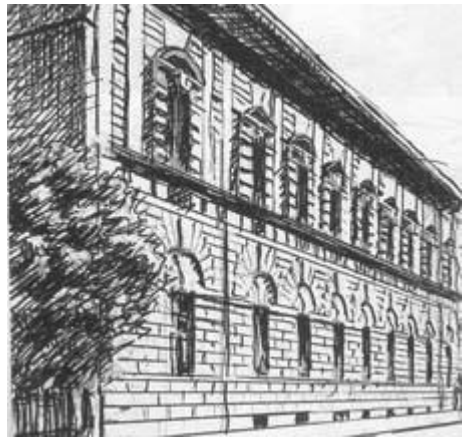
Оба особняка — и Морозова и Тарасова — отличаются своими размерами. Морозова почти дворец, с большим порталом, с огромными окнами. Он не выходит на линию застройки улицы, отодвинут несколько вглубь двора. Стиль этого особняка какой-то не московский. В нем что-то от готики, что ли. Автор этого дома тот же Шехтель. Но на особняк Рябушинского, который отличается какой-то легкостью, жизнерадостностью, он совсем не похож. Он торжественный, немного суровый. После революции он был передан Наркомату иностранных дел под дом приемов иностранных послов. Его называли еще «Домом раутов», но это по сути тоже самое. Тут часто останавливались вереницы иностранных автомобилей, всяких «рено». «линкольнов», «мерседесов», «фиатов» и разных там «студебеккеров». Это

означало, что в особняке идет прием. Такого количества иностранных шикарных автомобилей в одном месте редко можно было встретить. И так автомобилей в Москве было не так уж и много. Больше извозчики попадались. Да, на нашей Поварской почти у каждого посольства можно было иногда увидеть одну или две машины. А такое обилие, как у «Дома раутов» для нас было событием. Мы жадно осматривали каждую машину, спорили о достоинствах или недостатках каждой из них. Среди нас оказывались такие знатоки иностранной техники, что я просто поражался.

Интересно было наблюдать, как из подъезжающих машин выходили роскошно одетые люди. Многие мужчины даже в цилиндрах, а дамы в мехах. Перед ними распахивались двери, встречающие подобострастно изгибались в поклонах, учтиво поддерживали вылезающую из машины даму. Совсем из другого мира люди. Капиталисты, одним словом.

Мы с интересом, перемешанным с немного полупрезрительным снисхождением, наблюдали весь этот процесс встречи экипажей. А при разъезде была еще одна интересная деталь. Открывался подъезд, из него выходила пара господ, а швейцар, или кто там у них был, громко на всю улицу кричал: «Машину посла Великобритании», или «посла Германии», или кого-нибудь еще, к подъезду. Немедленно из общего скопления машин выскакивала какая-нибудь одна и, въехав во двор особняка, подкатывала к подъезду. Распахивалась дверца, в машину садились отъезжающие. За ней следовала другая, только что вызванная. Порядок был исключительный. Жалко, нельзя было ближе пробраться: милиционеры гоняли.

А особняк Тарасова выглядит немного сурово. Он почему-то выполнен из темно-серого камня. Мне казалось, что впечатление суровости пропало бы, если его сделали бы светлее, в солнечных тонах. Этот особняк, в отличие от морозовского, стоял прямо на линии застройки улицы Спиридоновки. Тут тоже было какое-то иностранное учреждение. Не помню, какое, кажется, тоже посольство. Тогда я еще не знал, кто был автором этого здания. Просто я видел, как четки и ясны его формы, как удивительно тонко прорисованы все его детали.



Только позже, изучая историю архитектуры в институте, я узнал в одном из итальянских палаццо образ особняка на Спиридоньевке. Но все-таки по отношению к этому зданию у меня сохранялись какие-то смешанные чувства. С одной стороны, я понимал, что это шедевр архитектуры, что его надо изучать и изучать, Что я просто очень еще плохо и мало знаю Ренессанс, итальянскую архитектуру. Но с другой, меня смущало, что это здание не несет в себе того заряда солнечного свечения, с которым у меня связывалось представление об итальянской архитектуре. Оставалось какое-то неудовлетворение. Я часто приходил к этому зданию, смотрел на него, пытался понять, в чем его притягательность, как оно увязывается с соседями, а если не очень, то почему.

На подходах к Малой Бронной улице было одно очень притягательное место — Патриаршие пруды. Почему патриаршие, я так в то время и не знал. Понимал, конечно, что пруд имел прямое отношение к какому-то патриарху, но к какому именно и почему здесь? Наверное, был тут во времена оно патриарший двор, от которого до нашего времени ничего не осталось, кроме вот этого пруда. И еще меня всегда удивляло, что название «пруды», а пруд всего на всего один. Почему пруды? Тоже, наверное, история. Наверное, было тут несколько прудов, потом их засыпали, оставив этот один. Скорее всего, так именно и было. А пруд не очень большой, но довольно интересный. Он имеет прямоугольную или почти прямоугольную форму, вдоль его зеленых невысоких берегов идут аллеи, а вокруг них посажены деревья. В торцах образованного тут сквера земли чуть больше, чем по боковым длинным сторонам. Здесь зимой сооружалась раздевалка-теплушка для конькобежцев. В раздевалке можно было получить на прокат коньки или ботинки, можно было оставить шубу, оставшись только в спортивном костюме. Можно

было в буфете выпить чайку с печеньем или булочкой. А в другом торце была эстрада, где играл духовой оркестр. Почему-то в первые годы моего знакомства с катком, здесь всегда играл оркестр пожарных. Тоже непонятно. А потом пожарные исчезли. На эстраде сидели обычные музыканты.

Я иногда ходил на этот каток, но чаще все-таки бегал на свой кудринский — «1-е Мая». А сюда на Патриаршие ходил иногда к приятелям — Саше Сумарокову и Саше Василевскому. Они оба жили в одном и том же доме. Можно было побыть у одного, а потом вместе перейти к другому. У Саши Сумарокова была очень интересная бабушка. Раньше в молодости она была артисткой, но теперь, конечно, все это было далеко позади. Однако, она не порывала со своим увлечением и часто приходила к нам в класс читать разные сказки и рассказы. Читала она превосходно. Даже не верилось, что она уже так стара. А когда мы бывали у нее дома, то никогда не бывало, чтобы она нам что-нибудь читала. Была просто заботливой бабушкой. Но для меня она всегда оставалась артисткой.

Совсем рядом с прудом находились Большой и Малый Патриаршие переулки. В середине двадцатых годов их переименовали вместе с прудом в Пионерские, хотя ничего, относящегося к юным пионерам здесь не было.

А вообще-то, в этих кварталах можно было столкнуться и с другими интересными вещами. Например, в названии переулка вдруг появилось слово «трехпрудный». Он находился совсем неподалеку. Вот тут-то, наверное, и таилась разгадка. Патриарших прудов было, значит, три. Поэтому и переулок назван Трехпрудным. Значит, патриаршее подворье находилось как раз между нашим, оставшимся от тех времен, прудом и этим

переулком. Не иначе. Места здесь были топкие, болотистые. Ведь как раз тут и находилось «Козье болото». На месте этого болота пролегают Козихинские переулки. Значит, все эти пруды на Козьем болоте появились ради осушения его. Позже я узнал, что мои предположения верны. Тут располагалась патриаршая «Козья слобода». Ее еще называли «Козихой». А может быть, и болота так называли.

От слободы, кроме названий переулков, оставалась еще церковь Спиридонья чудотворца на Козьем болоте. Находилась она на углу Спиридоновки и Спиридоньевского переулка. Церковь своеобразная: ее колокольня очень отличалась от собственно церкви. Сама-то она была одноэтажной с четырехскатной крышей и с маленьким куполком на невысоком барабане, но рядом стояла позднее построенная красивая круглая трехярусная колокольня, выступающая чуть-чуть вперед на улицу. Таких колоколен в Москве было очень мало. Раз, два и обчелся. Тем более было обидно, что все это снесли в 1932 году под жилой дом.

А в Ермолаевском переулке, неподалеку от патриаршьей слободы находилась еще одна церковь, которая называлась церковью св. Ермолая, «что на Козьем болоте». Отсюда и Ермолаевский переулок. Церковь находилась между переулком и Садовым кольцом. Сама она тоже, как и спиридоньевская, была невысокой, но пятикупольной. Между ней и большой четырехярусной квадратной в плане колокольней, была трапезная с высокими арочными окнами.

По всему видно было, что все эти три постройки были сделаны в разное время. Самой ранней была церковь, потом трапезная и колокольня. Все это в начале тридцатых годов снесли, и между двумя высокими зданиями остался озелененный сквер — проход с переулка на Садовую улицу. Застройка вокруг

значительно обеднела из-за этого. В историко-культурном отношении пропали великолепные памятники архитектуры, а в градостроительном — четкие ориентиры в створах и по осям улиц, доминанты среди окружающей среды.

На внешней стороне Садового кольца, на его углу с Баррикадной улицей находился сад Вдовьего дома. Мы о нем уже достаточно говорили. Сам дом со своим флигелем стоял в створе с Большой Никитской улицей, а Малая Никитская продолжалась по другую сторону дома как бы вдоль заднего фасада. Ограда Вдовьего дома от ворот, что прижимались к углу флигеля, сворачивала к Баррикадной улице. Передний сад выглядел очень парадно, он был плотно обсажен высокими густыми деревьями. Летом стена зелени была, как стена площади, зимой же сквозь чащу голых стволов можно было увидеть и застройку, идущую по Баррикадной к Красной Пресне, да и сам дом.

Баррикадная улица

Баррикадная улица была короткой. Она соединяла Кудринскую площадь с улицами Красная Пресня и Большой Грузинской, спускаясь к ним по довольно покатому спуску. Левая сторона улицы заканчивалась церковью Покрова в Кудрине и скрывающимися за ней небольшими домами, подводящими к углу Большой Конюшковской улицы и Красной Пресни. По правой стороне за оградой Вдовьего дома располагался участок, занятый 11-ым отделением милиции и пожарной частью. Тут все было как полагается. И пожарная каланча, и выросшая позднее тренировочная башня, и огромные ворота в нижнем этаже казармы — гараже пожарных машин. За этим участком шли довольно скромные невысокие дома, а в конце улицы на углу Большой Грузинской стоял высокий доходный дом. Его строил тот самый архитектор, который построил первый в Москве небоскреб — десятиэтажное здание на Гнездниковском переулке. Фамилия архитектора была очень занятная и поэтому очень запоминающаяся — Нирнзее.

Напротив этого дома, по другую сторону Большой Грузинской раскинулась территория старого Зоопарка. Ворота были на самом углу. В начале тридцатых годов ограда была обновлена. Около ворот появились скульптурные украшения — высеченные в камне силуэты различных зверей. Говорили, что это было сделано по рисункам самого Ватагина, известного художника-анималиста, чьими иллюстрациями в «Маугли» Редьярда Киплинга я всегда любовался. Даже старался подражать.

Надо сказать, что старый зоопарк мне не очень нравился, хотя ходил туда я очень часто. Мама как-то приобрела для меня абонемент на целое лето, и я почти ежедневно ходил рисовать разных животных. Особенно запомнились жирафы, олени, антилопы, лоси, зебры, зубры. Их рисовать было легче, так как они стояли неподвижно. Только изредка переминались с ноги на ногу или поворачивали голову. А вот тигров или пантер было просто трудно рисовать. Они непрерывно ходили вдоль решеток своих клеток взад и вперед. И очень быстро. Сосредоточиться было почти невозможно. Так же невозможно было рисовать мелких птиц. Они постоянно летали, оглашая воздух пронзительными криками или щебетанием. Бегемот вообще все время лежал, погруженный в воду небольшого бассейна, а слон все время раскачивался вправо и влево, размахивая хоботом. Непрерывно, как маятник. Его все-таки я умудрялся схватывать. Мартышек и обезьян тоже.

Но не нравился мне этот зоопарк из-за того, что с самого начала, от входа, он встречал посетителя рядом небольших по размеру темных и мрачных клеток, в которых звери выглядели, как пленники. По сути это так и было. Но такие маленькие клетки! Как не очень большие ящики с решетчатой передней стенкой. Так неприятно заглядывать во внутрь, пытаясь увидеть хоть что-нибудь. Ничего, кроме какой-то кучки шерсти. Даже морды не высовывали пленники. Только по надписям на клетке можно было узнать, кто же там находится. Так встречал зоопарк своих посетителей. А ведь зоопарк, как и театр, начинается от вешалки. Как встречаешь, так к тебе и относятся. Возникало какое-то сосущее чувство неприязни, недовольства. А тут еще и запах отвратительный.

Когда создали новую часть зоопарка, то стало как-то лучше. Хоть и не на воле, но все-таки в просторных вольерах. И света больше и воздуха. И удивительными кажутся искусственные горы, на которых размещены участки для разных зверей. В самой горе пещеры, где звери ночуют, отдыхают. Перед пещерами просторные площадки со спуском ко рву, в котором всегда есть вода. Ров сравнительно глубокий. Он является естественной границей, отделяющей зверей от зрителей. Около невысоких парапетов всегда масса народа. Всем интересно посмотреть на свободно гуляющих по участкам свирепых зверей. Тут и тигры, и львы, и леопарды, и белые медведи. А олени бродят по просторным лужайкам. Эти просто на свободе. Зубры, яки и антилопы отгорожены высокими сетками от зрителей. Но площадки и у них большие, просторные.

На другой стороне улицы Красная Пресня, к которой подходила наша Баррикадная, размещались Краснопресненские бани. Это дом был посещаем нами постоянно. И зимой и летом около его дверей выстраивались длинные очереди с березовыми вениками, с тазиками, с узелками. Одна очередь мужская, другая женская. Так как входы расположены рядом, то очереди двигаются одна навстречу другой. Медленно, но все-таки двигаются.

За банями, вдоль Большой Конюшковской улицы располагался большой пруд, который зимой превращался в каток «1-е Мая». Дальше за ним был другой каток. И тоже на пруду речки Пресненки. Это каток союза печатников «Искра». Мы бегали на оба эти катка и на Патриаршие пруды, что около Малой Бронной улицы. Но на эти чаще. Все-таки ближе к дому. Стоит только спуститься по Кудринскому переулку к ним.

На Баррикадной улице перед банями среди невысоких домиков размещался кинотеатр «Баррикады». Пока не было

Первого кинотеатра, мы бегали в этот. Хотя, помню, что в зависимости от картин, нами осваивались и «Художественный» у Арбатских ворот, и «Унион» у Никитских, и «Колосс» в здании Консерватории, и «Арс», «Карнавал» и «Прага» на Арбате, и «Ша Нуар», «Великий немой» на Страстной площади, «Зеркальный» и «Горн» у Триумфальных ворот и даже «Чары» у Тишинского рынка. Абсолютно все кинотеатры округи были в поле нашего зрения. Где идет что-нибудь поинтереснее, туда мы и бегали. Проникали, как могли. Где на сэкономленный пятачок или пятиалтынник, а где и «на протырочку».

Главным зданием на Баррикадной улице, кроме Вдовьего дома, надо, конечно, считать церковь Покрова в Кудрине с великолепной колокольней. После их уничтожения место долгое время пустовало.

Дома Баррикадной улицы не были особо привлекательными. Обычные, даже какие-то невзрачные, немного облезлые, неотремонтированные. Среди двух-трехэтажных стоял на этой стороне одинокий мрачный с виду семиэтажный доходный дом. Он почему-то пользовался дурной славой в округе. То ли там одно время была какая-то коммуна из бывших правонарушителей, то ли еще что. А до самого угла Кудринской площади шли только двухэтажные. Тут были ремонтные мастерские и парикмахерская, в которую я постоянно ходил стричься. А в угловом доме была аптека. Вот куда мы часто бегали. Не только за лекарствами, а из-за того, что только здесь, в единственном месте на площади, был телефон-автомат. Он висел на стене около тамбура внутри помещения. Телефонные аппараты были совсем не такие, как теперешние, еще не было в ходу автоматических линий, не было аппаратов с дисками или кнопками, на станциях работали девушки-телефонистки, которых все почему-то называли «барышнями», хотя это слово совсем не было у нас в ходу. Так, эта барышня вручную соединяла с нужным абонентом только тогда, когда после ее требования «Опустите монету!» в специальную щелочку ящичка опускалась эта самая монета, достоинством в 2 копейки. Позднее цена повысилась и опускать надо было уже гривенник — 10 копеек. А потом перешли на пятиалтынник, то есть на 15 копеек. Только после этого барышня отвечала «Соединяю», и разговор начинался.

Но это еще не самое интересное. Мне очень смешно было смотреть на пухлую справочную телефонную книгу, висящую на толстой цепи около аппарата. На цепи, значит, чтобы не украли. Но, видимо, все-таки крали, так как на самой книжке на полях почти всех страниц большими буквами было отштемпелевано «УКРАДЕНО В АВТОМАТЕ». Это было прелестно! Мне очень

нравилось. У вора дома все увидят эти надписи. Ну, и что? Укорять его будут, чтобы ему стыдно было? Какие глупости!

Итак, мы обошли улицы и переулки непосредственно примыкающие к Кудринской площади. Теперь нам нужно ближе познакомиться с самым выдающимся домом на этой площади — домом, в котором я жил.

Дом, в котором я жил

В первых этажах нашего дома, выходящих на площадь, и частично на боковых сторонах размещались магазины и мастерские. На углу большая «Булочная-кондитерская», рядом магазин, торгующий всякой парфюмерией. Он очень странно назывался «ТЭЖЭ». Что это значит, никто из окружающих меня не знал. Кто-то говорил, что значит «Жиртрест». Возможно. Но тогда было бы «ЖЭТЭ», или ЖИРТР», или вообще как-то иначе. Позднее тут разместили магазин «ТРИКОТАЖ. ГАЛАНТЕРЕЯ». За «ТЭЖЭ» идет магазин «МОЛОКО». Потом «ПАРИКМАХЕРСКАЯ». Ну, это понятно. Дальше мастерская, которая часто меняла свое направление: то часы, то какие-то приборы. Раньше тут размещалась какая-то лечебница, но она давно отсюда ушла. Только по некоторым оставшимся на стене буквам можно было угадать, что она тут была. Дальше на самом углу «РЫБА». А уже за углом «КИТАЙСКАЯ ПРАЧЕЧНАЯ». С другой стороны дома, уже с нашей, где подъезд в нашу квартиру, рядом с ним за большими витринными окнами размещалась часовая мастерская, но потом она исчезла, и ее заняли под квартиру.

Я уже говорил, что наш дом стоял в самом торце Новинского бульвара. Представлял он собой как бы большой прямоугольник в плане. Разделялся этот прямоугольник на две неравные части и сверху выглядел, наверное, как восьмерка со спрямленными углами. Получалось, что в доме было два двора, причем большой двор имел выход на улицу, а малый квадратный, прилегающий к площади, был соединен с большим двором такой же аркой. Кроме того, из него был узкий коридор, соединяющий двор с площадью, и им могли пользоваться жильцы. Въехать же во двор можно было только с проезда Новинского бульвара. Сначала в большой, а уж через него в малый.

Так как наш дом был типичным доходным, каких много появилось перед самой революцией, то хотелось бы рассказать о нем поподробнее. Характер квартир отражал и социальное расслоение общества.

Малый двор окружали квартиры побогаче. Они были ближе к площади, и это, наверное, повлияло на их характер. Так же более богатыми были квартиры с противоположного торца дома, выходящего на бульвар. В их подъездах имелись лифты. Лестницы были светлые, удобные. Квартиры были многокомнатные — пяти-шестикомнатные. В каждой квартире были большие кухни, с прилегающими к ним комнатами для прислуги и выходами на черную лестницу, ведущую во двор. Эти

лестницы были крутыми и имели металлические простые перила. Как и парадные лестницы, черные имели окна. Из передней комнаты квартир можно было попасть в кабинет. Тут же при передней имелась уборная для гостей. А для семьи были прилегающие к спальным комнатам ванные комнаты и отдельные уборные.

В квартирах бульварного торца все это тоже имелось. Но кроме того, во дворе все «черные» выходы из каждой квартиры выше первого этажа объединялись общей открытой галереей, из которой по черным лестницам можно было выйти во двор. В таких квартирах жили некоторые наши соученики. Ирины одноклассники Севка Волков и Яша Токарев. В другом подъезде из нашего класса Лиля Муралевич и ученик на класс ниже Борис Гольдман. Так все они все-таки хоть и жили в таких больших квартирах, но не в изолированных, как это было задумано проектом, а в коммунальных, как это стало распространяться повсюду. Бывая у них, я старался представить себе, как могла проживать в таких богатых квартирах богатая семья. Очень редко, в порядке исключения, у каких либо особо отличившихся людей, вроде крупных ученых, можно было встретить проживание в такой квартире одной семьей.

Основная же часть нашего дома имела квартиры, выходящие на боковые проезды, соединяющие площадь с бульваром. Были они попроще, а значит, и подешевле. Дом-то был доходным. Владельцу приходилось учитывать, какие квартиры лучше, чтобы брать за них побольше, а какие с определенными меньшими удобствами и имеющими такие прелести, как узкие шумные проезды, трамваи под окнами. Понимая это, владелец и заказывал сделать такие квартиры попроще. Скажу сразу: наши квартиры не имели лифтов на лестничных клетках, были с меньшим количеством комнат. В основном, это были трехкомнатные квартиры. Причем, две из них смежные, но имеющие и свои отдельные двери в коридор. Ванная комната была совмещенной, не было дополнительной уборной. Не было кладовки. Однако, комната для прислуги при кухне была. После революции о таких отдельных комнатах для прислуги речи, конечно, не могло быть. Эти комнаты при кухне стали обычными среди других в общей коммунальной квартире. Просто заселялись одним, или от силы двумя жильцами.

Интересно убирался снег с крыш дома. На трамвайные линии сбрасывать его нельзя было. Но скат крыши был и в сторону проезда. И если и сбрасывали когда-нибудь, то за очень короткое время. Ведь иначе надолго остановилось бы движение. Поэтому все сбрасывали во дворы. Даже с какой-то части и этого ската,

обращенного к улице. Оставшуюся часть снега и сосулек за очень короткое время, огородив тротуары, сбрасывали в проезд. Даже на трамвайные линии. Тут же находились дежурные подводы с высокими бортами. Их быстро загружали снегом и куда-то увозили. Все-таки, на какое-то время движение, конечно, замирало. Поэтому там очищали все сравнительно быстро. А вот дворы во время очистки крыш на какое-то время вообще выходили из строя. Здесь не очень спешили. Когда заканчивали сбрасывать, в глубоком, завалившем весь двор, снегу протаптывались узкие дорожки, расчищавшиеся лопатами. А потом по середине двора устанавливали снеготопку. Не знаю уж, как ее правильнее назвать. Это был большой пирамидообразный деревянный ящик, перевернутый вверх широкой своей частью. В центре ящика было установлено специальное устройство с топкой, которое растапливало наваливаемый сверху снег. Вода самотеком уходила со двора на улицу к решеткам ливневой канализации. Ходить и по снегу и по воде было неуютно, поэтому через двор в это время старались не ходить. Иногда выкладывали мостки из ящиков и досок, как во время наводнения.

Дворы наши были унылые, абсолютно лишенные какого бы то ни было намека на благоустройство. Даже скамеечек не было. Я часто видел во многих домах вокруг небольшие садики, цветники, игровые площадки для детей, скамеечки для старушек. Но это, в основном, было в старых небольших дворах при невысоких домах. Наш же двор был аскетичным, голым, полностью асфальтированным. Около арки ворот помещался большой ящик для мусора. И все. Конечно, убирать такой двор было значительно проще, чем имеющие какую-нибудь планировку, зелень, площадки и тому подобное.

Во двор время от времени заходили такие нужные люди, как старьевщики, стекольщики и точильщики ножей. Приходили и шарманщики, собиравшие вокруг себя толпы любопытных и любителей несложных песен, раздающихся из механического ящика.

Таким был наш дом. Его снесли в 1937 году, когда реконструировали все Садовое кольцо, когда снесли бульвары. Я как-то сказал: наш дом тоже был жертвой репрессий 37-го года. Вроде бы шутка, а если вдуматься, то что-то в этом есть.

Вспоминается он все-таки по-хорошему. Хоть и были какие-то неудобства, но осталось что-то хорошее. Даже коммунальное заселение не кажется таким уж ужасным, как его часто рисуют. Или нам более или менее повезло, но с соседями мы жили мирно. Мы, а нас было пятеро — родители, да мы трое детей. Иногда у нас жил кто-то из близких или дальних родственников. Занимали

мы две комнаты по 25 метров каждая. Третью комнату по другую сторону коридора занимала семья рабочего Ивана Левшова. Жена его Анюта не работала, она была инвалидом. В конце двадцатых годов родился у них Вовка. Так и жили они вместе в одной не очень большой комнате. Конечно, для них мы с нашими двумя комнатами казались просто буржуями. Но отношения все-таки были сравнительно спокойными. Не помню скандалов. Шероховатости, наверное, бывали. Как без них обойтись. Но в памяти ничего плохого не сохранилось. С этими соседями нам просто повезло. Могло быть хуже.

В комнате при кухне, которой полагалось быть комнатой для прислуги, проживала долгое время одна весьма решительная женщина. По фамилии Кутина. Вот имени ее не помню. Кутина и Кутина. Еще помню, что почему-то называли ее делегаткой. Почему, не знаю. Может быть, в самом деле она какое-то время и была делегаткой какого-либо Совета. В то время было даже модно выбирать в Совет таких деятельниц «от станка». Женщина она была не из приятных. Или молчала, или ворчала. На нас косилась, как на «классово чуждых элементов», но ничего против не предпринимала. Курила, что в те времена мне казалось просто кощунственным для женщины. Носила она кожаную куртку, голову повязывала красным платком. Может, потому что была активисткой, а косынка как-то все-таки отличала ее от остальных. Было у нее одно замечательное качество: она очень редко бывала дома. Практически мы ее почти не видели. Не помню даже, был ли у нее свой примус на кухне. Возможно, что был. Как же без него? Но ведь у нее не было собственного стола на кухне. Когда она освободила комнату, ее заняли на время двое журналистов из «Правды». Молодые муж и жена. Ерухимовичи. А вот имен не помню. Очень симпатичные люди. Веселые, общительные. И что мне очень нравилось, так это то, что они обращались со мной, как со взрослым. Хотя было-то мне всего на всего лет двенадцать. Любил я к ним заходить. Всегда встречали доброжелательно, заводили интересные разговоры. Я очень привязался к ним. Но потом они куда-то исчезли. Больше я никогда их не видел. А жалко.

Комментарии из конца 90-х годов XX века

Конечно же, я и теперь часто бываю в районе Кудринки, в ее округе. И хотя я давно уже не живу там, я часто бываю в Доме архитектора, хожу к Памятному знаку около 110-й школы, бываю и на старом и на новом Арбате, просто брожу по улицам и переулкам. Впечатления самые разнообразные. И хорошие и плохие. Каждая встреча с этими кусочками застройки исторической Москвы, помогает мне ощущать себя москвичом, человеком, сроднившимся со своим городом.

Хожу и думаю, а что же все-таки произошло с этим районом за время, прошедшее с первого моего знакомства с ним в детские годы. Вроде бы, улицы остались, в основном, те же и на тех же местах. За исключением, правда, перемещения Баррикадной, да пробивки Нового Арбата и переулка, соединяющего Малый Ржевский с Ножевым переулком. Площади, правда, здорово изменились — Арбатская, Восстания, Смоленская. Исчезли бульвары. Появилась могучая автомобильная магистраль на месте снесенных бульваров. Снесено много домов и почти все церкви. Построено какое-то количество новых домов — и на Садовом кольце, и на улицах, и в переулках. Благоустроились сами улицы, получившие новое мощение. Изменился транспорт и качественно и количественно. Многое изменилось. Да и не могло не измениться. Почти целый век прошел. И в эти десятилетия вошли и восстановительный и реконструктивный период первых лет советской власти, годы пятилеток, вторая мировая война, восстановление после нее, грандиозное строительство последних лет. Жизнь не стояла на месте, неизбежно что-то отмирало, что-то нарождалось вновь. Остановить жизнь невозможно. Однако бережно отнестись к тому, что принесла народу культура в своем развитии было просто необходимо. Но тут-то как раз и получались осечки.

Район Кудринки, конечно же, изменился. Многое утрачено, много возникло нового. Так что же, к лучшему это привело, или к худшему? Вопрос не простой, и ответить однозначно нельзя. Конечно же, прогресс науки и техники, которым ознаменован весь XX век, отразился на жизни города, его населения, его хозяйства, транспорта, обслуживания, культуры. И, конечно же, трудно переоценить то, что дали все эти изменения и отдельному человеку, и его семье, и целым коллективам людей. Но не об этом сейчас я хотел бы говорить. Я, прекрасно понимая важность комплексного подхода к оценкам происходивших процессов в Москве, хотел бы все-таки вычленить из всего многообразия

вопросов и проблем сейчас только одну: что же все-таки произошло за последние семьдесят лет с застройкой, с архитектурой, с градостроительными мероприятиями на примере хотя бы нашего такого небольшого в масштабах Москвы района, как Кудринка с ее окружением.

Свои заметки я начал с того, что как бы прошелся по улицам и переулкам Кудринской округи моего детства. Не мог не замечать при этом, что на моих глазах что-то изменялось, что-то исчезало, сносилось, что-то создавалось, строилось. Ведь я все время жил тут, а позднее часто бывал. Поэтому процесс изменений происходил на моих глазах.

И я задаю себе вопрос, а кто-нибудь интересуется результатами того огромного труда, который был потрачен на разрушения, на сносы, на строительство, на благоустройство? Кто-нибудь думает о той ответственности, которую должны нести все эти разрушители и созидатели? И вообще, кто-нибудь как-нибудь у нас отвечает за эксперименты с городом, с жителями его? К сожалению пока ответа не получил.

Но давайте по порядку:

Новинский бульвар Садового кольца. Это была рекреация, место прогулок жителей прилегающих кварталов. Бульвар был притягательным для многих — и для детей и для взрослых. Практически в Кудринской округе кроме Новинского со Смоленским, да Никитского с Тверским бульваром никакой общественной зелени не было. Еще, правда, Патриаршие пруды, Спасопесковская площадка, да сад «Аквариум». Но это все маленькие островочки. А огромный Зоопарк, учреждение полузакрытого типа, был платным и не предназначался для прогулок. Значит, остаются бульвары. Новинский был снесен вместе со Смоленским и Зубовским, вместе с озеленением всего Садового кольца по плану реконструкции Москвы ради создания мощной автомагистрали. Что это — хорошо или плохо?

С точки зрения обеспеченности жителей прогулочными рекреационными территориями — плохо. Их просто уничтожили, не компенсируя абсолютно ничем.

С точки зрения экологической — плохо, так как даже какое-то небольшое количество зеленых насаждений играло какую-то роль в очищении воздуха. Уничтожение же бульвара лишило прилегающие кварталы и этой ничтожной возможности.

Уничтожив бульвары, проложили автомагистраль и запустили огромный поток автомобилей со всеми вытекающими из этого последствиями: выхлопами отработанных газов, превышающими всякие мыслимые и немыслимые нормы, шумом, тоже чрезвычайно превышающим нормы. Вечными пробками из-за

нерешенности общемосковской транспортной проблемы и вынужденным пропуском транзитного автотранспорта через Садовое кольцо. И это плохо. Очень плохо.

Мне могут сразу же сказать, что снос бульваров и превращение Садового кольца в автомагистраль, это часть огромной транспортной проблемы, без чего город бы просто задохнулся, и что Садовая автомагистраль — это благо, это хорошо с точки зрения организации транспортного общегородского движения. Итак, какое-то «хорошо» есть, но что оно значит по сравнению с тем, что плохого оно дало для данного конкретного места. Что же здесь превышает — хорошее или плохое? Я убежден, что плохое, ибо на первом месте стоит благо человека.

Застройка Новинского бульвара. Если исторически сложившаяся, малоэтажная в основном, застройка бульвара при его существовании и при обзоре каждой стороны улицы практически только от крайних аллей бульвара вполне соответствовала по своим этажности, масштабу, объемам и ширине проездов и характеру кварталов, прилегающих к бульвару, то появившиеся новые дома еще до сноса бульвара стали вызывать некоторое беспокойство своей несоразмерностью среде. Но это как-то еще было более или менее терпимо, так как не получило еще большого распространения и в застройке бульвара продолжали господствовать исторически сложившиеся здания и сооружения. Новые дома вызывали некоторую тревогу, но старая застройка была как раз к месту и преобладала, создавала успокоение.

Как только снесли бульвар, образовались большие пространства, возникли дальние точки обзора, и сразу же обнаружилось полное несоответствие старой застройки этим огромным пространствам. И сразу же у кого-то появилось желание «исправить» положение, построить новые дома, полностью уже «соответствующие» и по масштабу и по объемам новой пространственной ситуации, не заботясь о сохранении исторической застройки. Кого, мол, она должна волновать? И один за другим стали появляться новые многоэтажные большой протяженности дома, рядом с которыми сохранившиеся еще старые дома стали казаться досадным недоразумением, от которого надо, как можно скорее, избавиться. И пошел процесс избавления, так как необходимость нового строительства требовала этого. Так на Смоленском бульваре появились такие дома, как жилой дом академика И. В. Жолтовского, встреченный восторженно и властями и общественностью, так как представлял собой образец прекрасного композиционного решения фасадов

здания, увенчанного небольшой, но очень нужной в этом месте, башенкой. Любуясь домом, изучая его, мало обращали внимания на то, что оставалось рядом. Предполагалось, что все это соседнее рано или поздно уйдет и сменится застройкой, увязанной с домом Жолтовского. Но этого не произошло, и дом Жолтовского остался одиноким прекрасным сооружением, не получившим достойного соседства. Исторически сложившаяся застройка по Закону об охране исторического наследия стала охраняться, ее снос был запрещен, и построенные до этого отдельные многоэтажные дома, типа жилого дома ГлавАПУ, американского посольства, сдвоенных призм около него да пары еще таких же случайных «штучных» домов так и остались стоять среди остающейся теперь надолго исторически сложившейся малоэтажной застройки. Необходимого эффекта получения уличной застройки, соответствующей ширине автомагистрали, называемой сначала улицей Чайковского, а теперь вновь Новинским бульваром, не получилось. И это с точки зрения градостроительной плохо. Но с позиций сохранения исторического наследия иначе поступить с дошедшей до наших дней застройкой просто было нельзя. То, что она подлежит сохранению по Закону — это хорошо. В результате получилось практически вроде бы неразрешимое противоречие, которое предстоит еще решать градостроителям. Нынешним или будущим не знаю. Сейчас новые многоэтажные дома оказались как бы случайными и даже в отдельных случаях диссонирующими, но никто сносить их не будет и нужен талант градостроителей, чтобы примирить эти, казалось бы непримиримые явления. А пока получилось плохо. И не видеть этого невозможно.

Улицы и переулки Кудрина. Здесь реконструкция коснулась почти всех улиц. Шла она штучно, расставляя высотки-многоэтажки случайно. Так появились на Поварской здания Училища имени Гнесиных, здание Верховного суда СССР, на Большом Ржевском переулке высотное здание «Дворца правосудия» для того же Верховного суда, а на Большой Никитской три многоэтажных жилых дома, на площади Никитских ворот жилой дом Селиванова и Кисловой с магазином «Ткани» на первом этаже и пристроенная к нему вторая очередь с рестораном внизу, протянувшаяся вдоль Тверского бульвара вплоть до Малой Бронной улицы. Тут же выросло обрубленное в период строительства здание «ТАСС». На Никитском бульваре, где жилой дом Иохелеса как-то все-таки увязывался по масштабу с соседями, рядом с формацевтическим техникумом вырос огромный восьмиэтажный очень невыразительный жилой дом с магазином.

На Малой Никитской еще до войны выросли жилой дом с аптекой и книжным магазином и «Дом звукозаписей». Многоэтажки возникли и на Вспольном переулке, на Спиридоньевке, на Гранатном переулке, в переулках, прилегающих к Малой Бронной. Они тоже не улучшили обстановки, а оказались чуждыми сложившемуся характеру застройки одиночками. И это, конечно же, плохо.

Что можно сказать об этих домах? Конечно, каждый из них решал определенную и очень нужную задачу — или обеспечивал москвичей благоустроенным жильем или давал Москве необходимые ей общественные и административные здания. Никто отрицать необходимость появления в Москве этих зданий не может и не должен. Но вопрос состоит не в этом, не в определении нужности или ненужности этих зданий. Вопрос состоит в том, как вписались эти дома в сохраняемую историческую застройку центральной части города. И ответ однозначен: плохо вписались. Училище имени Гнесиных и Верховный суд СССР со вторым его многоэтажным корпусом на Большом Ржевском просто испортили облик Поварской улицы и переулка, они чужды им. Первое здание — и излишней высотой, не увязанной никак с окружающей средой, противоречащей ей, и полным отсутствием какой либо пластики, столь характерной для этой улицы. Голая призма дома, на стенах которой равнодушно нарезаны большие прямоугольные оконные проемы, для данной улицы просто чужда. И значит, это плохо. Второе здание — грузной массой здания Верховного суда с колоссальным классическим ордером, хорошо, возможно, решенном для самого этого здания, рассматриваемого отстраненно от соседней застройки, оказалась как раз для этой соседней застройки просто несомасштабной. А о втиснутом во двор Верховного суда «Дворце правосудия» и говорить не приходится. Ему самому тесно, он стеснил квартал, он непозволительно нарушил установленный для этой зоны градостроительный режим регулирования застройки и всем этим не улучшил ситуацию, не оставил хотя бы ее, какой она была до него, а прямо ухудшил. И это тоже плохо.

Дом ТАСС, запроектированный, как высотное здание, перекликающееся с высотками на площади Восстания и на Смоленской площади, был в процессе строительства волевым порядком вдвое урезан и оказался по высоте на одном уровне с соседними зданиями по Тверскому бульвару. Казалось бы, все в порядке, однако, почему же он так не увязался с соседями? Не по высоте, нет, по масштабу, по размерности. Его сдвоенные по этажам окна сразу же изменили масштаб, сделали дом чужим на площади, сформированной такими зданиями, как храм «Большое

Вознесенье», кинотеатр «Унион» и другие.

Что касается «Дома звукозаписей» и жилого дома на Малой Никитской, то они, конечно же, очень нарушили, вернее, разрушили исторически сложившийся облик этой спокойной и обладающей гармоничной застройкой улицы. Мне скажут, что церковь Георгия на Всполье со своей колокольней была очень высоким зданием, была не ниже «Дома звукозаписей», а, возможно, и выше. Что ж, она была доминантой и смотрелась издалека. Так она была задумана. И это было верно, и это было хорошо, так как сама церковь была и по своей абсолютной величине и по масштабу, членениям, ритму полностью созвучна застройке улицы, была слита с ней. А ее колокольня с тонким изящным шпилем-иглой, естественно и необходимо вырастающая в этой композиции, делала церковь доминантой, не противоречащей улице и окружающей застройке, а организующей ее. Тут разновеликость по высотам лежит в самой композиции уличной застройки. И это было хорошо. Но церковь с колокольней уничтожили, массивный «Дом звукозаписей» не стал и не мог бы стать доминантой, облик улицы нарушился, что есть плохо. Жилой же дом все-таки оказался в какой-то мере более или менее сомасштабным уличной застройке и смотрится не таким уж чуждым ей, если не считать чрезмерную протяженность и массивность его, что «вырывает» его все-таки из общего строя улицы. Поэтому это тоже, хоть и в меньшей степени, но плохо.

Жилые «высотки» на Вспольном, на Спиридоновке, в том числе такие дома, как элитарный дом В. Андреева между Спиридоновкой и Гранатным переулком, как дом А. Шапиро, отнюдь не украсили улиц своим появлением. Они просто оказались «воткнутыми» в кварталы, на которых их разместили. И по своей архитектуре оказались не созвучны сохраняемой среде. И как бы хороши ни были их квартиры, предназначенные для элиты, в застройке эти дома играют плохую роль. В ансамбль они не включились. Более того, дом Круглова и стоящая рядом школа спровоцировали уничтожение целого куска исторической художественно ценной застройки. И все это плохо.

Тут уместно вспомнить народную поговорку о бочке меда и ложке дегтя. Надеюсь, читатель поймет, где мед, а где деготь?

Пробивка Нового Арбата. Об этом вообще трудно говорить без содрогания. Нашлись люди и среди руководителей города и государства, и что особенно прискорбно, среди архитекторов, которые осуществили великое варварство, разрушив, уничтожив на корню целую часть исторической территории центра города внутри Садового кольца. Эта часть составляла как бы клин, органически входящий в Садовое кольцо — от Молчановки с

Собачей площадкой и почти до Арбата. Руководствовались, конечно же, самыми передовыми идеями: решали проблему обеспечения государственных руководителей прямым и широким автомобильным «правительственным» проездом из Кремля на периферию города и далее на Можайское шоссе. Решали обеспечение Правительства государства большим количеством административных площадей, а жителей города новыми жилыми квартирами и общественными зданиями — киноконцертным залом, «Домом книги», многими магазинами и т. п. И решали это ценой сноса исторически сложившейся застройки, в том числе и большого количества памятников архитектуры и истории. Ни у кого не дрогнуло сердце, когда подписывали задания на проектирование, распоряжения на сносы, приказы о начале строительства. Ни у правителей, ни у архитекторов. Более того, считалось особой честью работать над этими проектами, осуществлять это грандиозное строительство. Возглавлял и проектирование и осуществление его сам Главный архитектор города, он же Председатель Госгражданстроя при Госстрое СССР народный архитектор СССР, Лауреат Ленинской премии. Вокруг него собрался цвет архитектурной общественности. Были созданы грандиозные организации для проектирования и строительства. И были брошены все силы, чтобы в кратчайшие сроки все, что можно, разрушить, все, что задумано, построить. И разрушили и построили. И получили за все это награды.

И что же в результате? Автодорогу Кремль — Можайское шоссе соорудили, но только частично, от Москвы-реки до Арбатской площади. Дальше надо ехать по узкой Воздвиженке, которую в то время даже окрестили, как и Новый Арбат, проспектом Калинина. Получилось узкое горлышко при двухстороннем движении. Тогда придумали односторонние, включив сюда и Знаменку, бывшую улицу Фрунзе, с направлением на Боровицкую площадь, а там — в Кремль, или дальше транзитом по Полянке или Якиманке в другую часть города и за город.

Арбатскую площадь после сооружения подземного тоннеля отобрали у пешеходов. Она вообще потеряла форму, оставаясь до сих пор нерешенной. Сооружение Министерства обороны не улучшило обстановки, так как площадь все равно не сформировалась. Масштаб и объемы Министерства не увязаны с окружающей и сохраняемой средой. Вынужденное оставление таких зданий, как старый наземный вестибюль метро «Арбатская» и кинотеатр «Художественный», на фоне Министерства превратило их в какие-то случайно или временно оставленные по недоразумению, ненужные тут объекты. Сооружение часовни на

месте снесенной церкви Тихона чудотворца не улучшило обстановки. Снос квартала ради строительства Министерства очень увеличил размеры площади, и она потеряла свою сложившуюся форму. Снос церкви Бориса и Глеба около угла Воздвиженки и Никитского бульвара увеличил саму площадь, но не улучшил ее композиции, а Никитский бульвар вообще превратился в какой-то огрызок. Сквозной проход по бульвару перекрыт въездом в тоннель, дома по обоим торцам бульвара уничтожены. Все совершенно преобразилось. Но не в сторону улучшения ситуации для людей, а пока только ради транспорта, который стал, как можно убедиться, более важным фактором в городе, чем человек. Плохо.

Новоарбатская улица или проспект Новый Арбат. Это целая эпопея. Построив все задуманное, получили не очень удачные министерства в так называемых «книжках» — четырех высотных административных зданиях и не очень комфортабельное жилье в высотках вдоль шумного и загазованного транспортного проспекта. Получили хорошие магазины в подиуме под министерствами и на первых этажах жилых высоток. Получили неплохой киноконцертный зал «Октябрь» и книжный магазин «Дом книги». Долго имели торчащие прямо на проспект никак неоформленные задние дворовые фасады бывших доходных домов, обращенных главными своими фасадами на Большую Молчановку. Их не очень удачно как-то оформили буквально в последнее время. Но ничего иного сделать тут просто было нельзя, так как пробивка проспекта не давала возможности по-другому отнестись к этим домам. Получили прекрасный променад для гуляний вдоль магазинов и ресторанов. Все это получили. Ценой великих разрушений. Спрашивается, а нельзя было такой замечательный проспект со всеми его прелестями возвести вне Садового кольца — по той же трассе, но за исторической частью города? Нельзя было решить транспортную проблему для правительственной трассы на территории исторического ядра города, скажем, в подземном варианте? Нельзя было так решать организацию движения транспорта, чтобы ни у кого, а главное, у водителей легковых и грузовых машин просто не возникало дерзкого желания проскакивать транзитом через центр, раз есть такая прекрасная автотрасса? Сколько сразу «нельзя ли было?» И только потому, что результат в итоге получился отрицательный. И от этого никуда не уйдешь, как бы ни хотелось. Роскошь и фешенебельность проспекта с его магазинами и концертными залами меркнет перед варварством, допущенном в самом замысле. И многим ясно, что не все удалось даже, если отвлечься от варварства. Теперь разрабатываются

проекты убирания транспортных потоков под землю (оказывается, это можно делать! Почему тогда об этом не думали?), о разбивке бульвара на дневной поверхности, о завершении архитектурного оформления фасадов застройки.

А о том, что проспект этот нарушил градостроительную и градоформирующую ситуацию не только на этом конкретном месте, никто не подумал? О том, как накладывается «забор» высокой застройки на Кремль, если смотреть на него с востока, как уродует панораму Москвы этот «забор», если смотреть на нее с лучшей видовой точки города — с бровки Воробьевых гор? Ведь все это плохо, очень плохо!

И наконец, ядро Кудринской округи — сама Кудринская площадь.

Ее не просто уничтожили. То, что попытались вместо нее сделать, оказалось совсем не московским, а кроме того, пока и недоделанным. Бог знает, когда завершится ее реконструкция. Потому что-то, что предлагают к утверждению, совершенно доконает этот ответственный участок Садового кольца и испортит еще более памятник архитектуры «Вдовий дом». После ликвидации старой Кудринской площади и бульваров это место было определено под строительство высотного жилого дома, который проектировали, а потом строили М. Посохин и А Мндоянц. Если с общеградостроительной точки зрения для воссоздания утраченного в Москве силуэта после сноса огромного количества церквей и храмов с их колокольнями, а также из-за строительства большого количества многоэтажных домов в центре города, изменивших силуэт застройки, появление высотных зданий во главе со Дворцом Советов и гостиницей в Зарядье имело какой-то определенный, хотя и достаточно спорный, смысл, то появление самих этих высотных зданий на конкретных местах в городе получилось недостаточно продуманным. Они ставились, как одиночки, они просто «втыкались» в существующую в тех местах застройку. В результате такие здания, как на площади Восстания (Кудринской площади) оказались абсолютно не увязанными со средой. Собственно, они и не предполагали увязываться с нею. Они просто считали со временем необходимым расправиться с ней, поставить вокруг высоток подходящие по общей композиции много- и разноэтажные дома. Но жизнь распорядилась по-своему, и забота о сохранении исторического наследия не дала возможности осуществить дальнейшее варварское разрушение исторически сложившейся в центре Москвы среды. Вышел даже «Закон об охране памятников истории и культуры». Высотные здания, сначала лишенные доминант в своем комплексе из девяти

высоток, так как строительство главных — Дворца Советов» и гостиницы «Зарядье» было отменено, остались сами с собой. Общегородская система была нарушена. Сами они оказались «Гуливерами» среди «карликов». Они не организовали среду вокруг себя, а оказались антагонистами для нее, диссонансами.

На площади Восстания многое для высотки было снесено. Целые кварталы. Была задумана огромная площадь перед высотным домом. Для ее организации было расчищено место, на котором был разбит новый квадратный сквер, во много раз превосходящий наш старый кудринский. Была уничтожена Баррикадная улица. Как «компенсация» этому уничтожению была также уничтожена ограда «Вдовьего дома» и прямо через его передний парадный сад была пробита новая трасса улицы, чем была нарушена территория памятника архитектуры. Но кто об этом тогда думал? Сквер получил регулярную планировку и был даже озеленен. Но прогулочным местом для жителей окружающих его кварталов так и не стал. Даже, несмотря на то, что в первом этаже высотки был размещен огромный продовольственный магазин, место притяжения потребителей. Фланкировал новую площадь с одной стороны «Вдовий дом», оказавшийся при таком соседстве приниженным и потерявшим то значение, которое он имел при возникновении. Другая сторона до сих пор стоит оголенной. Строительство «Дома музыки», вроде бы, заморожено, а новых проектов не поступало. Сторона, противоположная высотному дому, остается нетронутой, что, конечно, не входило в расчеты проектировщиков, намеревающихся сменить всю сохранившуюся застройку Садового кольца, оставив только памятники архитектуры, стоящие на госохране. Но замысел этот оказался неосуществимым из-за того же Закона об охране исторического наследия и объявления особого строгого градостроительного режима для центра города. Следовательно, с этой стороны площадь остается двухэтажной. Какими методами можно будет создать завершение архитектурной композиции площади, не знаю. Время покажет. Но пока все остается просто незавершенным. И это плохо.

Хотел бы к этому добавить, что разрабатываемый в настоящее время проект полной реконструкции Кудринской площади закладывает еще большие разрушения. Предлагается, ради обеспечения организации интенсивного движения транспорта в направлении Краснопресненского проспекта, пустить по Баррикадной улице только движение к центру. Обратное же движение из центра к Красной Пресне пустить по пробиваемому по территории памятника участку новой улицы от Садового кольца до площади у Зоопарка. «Вдовий дом» оказывается просто

жалким островком втиснутым в узкое пространство между двумя мощными потоками автотранспорта. Но это же недопустимо! А кроме того, зачем пускать такой поток транспорта в центр города? Наоборот, необходимо всячески оберегать центр от вторжения в него ненужного ему транспорта. Любыми мерами, в том числе и полицейскими запретами. Общественность протестует против такого проекта, но он все же разрабатывается, деньги на него идут. И все это очень опасно.

Что же получается в результате? Плохо получается. Минусов значительно больше, чем плюсов. Не достигли, к сожалению, наши архитекторы желаемого для исторической части города результата. Произошли необратимые явления: многое снесено, многого лишились навсегда — памятников архитектуры, доминант-ориентиров на улицах, исторической планировки. А что приобрели? Неудачно, в большинстве своем, поставленные высотные дома и многоэтажки, уничтоженные для людей площади — Арбатскую, Кудринскую и Смоленскую, перекареженные по своей планировке, как Арбатская, или чуждые Москве, как Кудринская, или никакие, как Смоленская. Отданные вместе с Садовым кольцом транспорту, они не улучшили его организацию, а во многом и ухудшили (пробки, экология, проблемы для пешеходов и пр.). Об архитектуре, об ансамблях и говорить не приходится. Таковы итоги.

Может быть, кто-нибудь из власть имущих или из руководителей градостроительством Москвы все-таки задумается. Ведь то, что сказано лишь о небольшом клочке центра города, характерно и для всего центра. А это очень плохо. И очень опасно. Так, что же мы получили в результате, люди добрые? Чего добились идеологи и авторы проектов реконструкции, авторы построенных домов?

Ушедшие в небытие

Фонарщики

На город спускалась вечерняя мгла. В домах засветились окна, на трамваях засверкали сигнальные огоньки. Изредка проносились автомобили с зажжёнными фарами. И несмотря на все эти отдельные светлые пятнышки, город погружался во тьму.

Я стою в круглом скверике на своей Кудринской площади и смотрю, как зачарованный, на Садовую-Кудринскую улицу. В сумерках происходит чудо чудесное. Откуда-то издали, от Старой Триумфальной площади на Садовой улице начинают возникать огоньки-светлячки. Они приближаются к нашей Кудринке змейкой, перескакивая с одной стороны улицы на другую. Когда змейка приблизилась почти к самой площади, видно, что вместе с огоньками через улицу проскакивает какая-то тень. Где она останавливается, там вспыхивает огонек. И издали это кажется удивительным. Только тень перебежит улицу, как над ней зажигается звездочка, потом через какое-то мгновение на другой стороне улицы вторая, потом третья, и так звездочки подбегают все ближе и ближе. И превращаются в обыкновенные фонари, освещающие нашу улицу.

Когда фонари приблизились почти к самой нашей площади, то тень превратилась в обыкновенного человека. Одет он был во все черное, поэтому издали фигура казалась просто темным пятном или тенью. Вот и все чудо. Как просто.

Фонарщик. Такой специальности уже нет. Уличное освещение теперь повсюду электрическое и включается централизованно. Теперь не нужно бегать по темным улицам, включая лампы газовых фонарей. А фонари на больших улицах и площадях были на высоких серых столбах. Столбы заканчивались красивыми спиралями, с которых свешивались пузыри фонарей. Зажигались они самым простым способом. Стеклянный пузырь лампы опускался на тросике вниз, и фонарщик зажигал в нем специальную горелку. Для этого нужно было покрутить специальной ручкой, которую втыкали в круглую коробочку на уровне пояса человека. Все очень просто.

На других, но тоже больших улицах и площадях, зажигание производилось иначе. Фонари здесь были не очень высокие и не опускались вниз. Они оставались наверху. Чтобы зажечь их необходим был шест. Именно такое зажигание было одно время у нас на Садовой и на Кудринке. Вскоре оно сменилось опускающимися шарами. А тогда фонарщику приходилось бегать от фонаря к фонарю и шестом передвигать какую-то ручку под фонарем.

Пламя зажигалось. Фонарщик бежал дальше. Но улица все же такими фонарями освещалась не очень хорошо. В основном вырисовывались только светлые круги на земле под фонарем. Я не знаю устройства этой лампы, но думаю, что, как в квартирных ванных с газовыми нагревателями, огонек у них теплится еле-еле

даже днем, когда освещать до поры до времени ничего не нужно. Потом приходит фонарщик поворотом рычажка увеличивает пламя, и уличный фонарь зажигается, просыпается после дневной спячки.

На небольших улочках и в переулках, вроде Трубниковского или Ржевского, Столового или Скатертного, фонари совсем другие. Они невысокие. Над черными столбами укреплены перевернутые четырехугольные остекленные пирамиды с металлической невысокой крышей, имеющей защищенные от снега или дождя невысокое возвышение со щелями. Это, по-видимому, сделано для того, чтобы нагретый воздух имел свободный выход наружу. Наверное, и на высоких газовых фонарях тоже были отверстия для выхода теплого воздуха. Одна из сторон фонаря является дверцей. А под фонарем на столбе в обе стороны торчат недлинные палки-рукоятки с небольшими шариками на концах. На первый взгляд даже непонятно, зачем они нужны. Для красоты что ли? Оказывается, они нужны в помощь фонарщику. Чтобы держаться за них.

У этих фонарщиков совсем другой вид. У них нет шеста. Они несут на себе небольшую лестницу, которая позволяет им дотянуться до фонаря, открыть дверцу и, держась одной рукой за ту самую рукоятку, каким-то образом зажечь свет. Так вот зачем, оказывается, потребовались эти ручки под фонарем. А в зажигании, возможно, такая же система, как и больших фонарях, и фонарщику надо лишь повернуть какой-нибудь рычажок. А может быть, и по-другому все устроено, но не это важно.

Важно, что каждый вечер, когда на небе зажигаются звезды, и на город опускается тьма, на улицах обязательно появляется

фонарщик, и тьма отступает перед вереницами фонарей, больших и малых, зажигаемых неутомимыми волшебниками для того, чтобы всем нам было легко и спокойно ходить по нашим улицам, по нашим переулкам и по городу.

И вообще, фонари на улицах, как звезды на небе, и перефразируя поэта, хочется сказать:

«Ведь если фонари зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над улицами
загорался хоть бы один фонарь?»

Извозчики

Идешь по улице или переулку и встречаешь мирно стоящие пролетки с лошадьми в упряжке. Зимой пролетки менялась на легкие санки. Это наш транспорт, наши экипажи. Стоит такой экипаж час, стоит два, а может и больше. Ждет, когда появится ездок. Около шумных площадей и улиц ожидания были короче. Так же около театров, вокзалов или ресторанов. По каким-то, неведомо кем установленным, законам вся территория города была поделена на сферы влияния, или сферы обслуживания. Точно определялось где, кто по своему положению в извозчичьей гильдии может находиться. Как «дети лейтенанта Шмидта». Строгая субординация, строгая дисциплина.

Во всяком случае, начинать работу с самых «злачных» мест можно было не всякому. Кто-то имел особое право дежурить сразу у вокзала, подъезда театра или ресторана. Кто-то такого права не имел. Он мог получить пассажира от вокзала только после того, как подвозил сюда кого-нибудь из города.

То же самое было и около театров и крупных ресторанов. Если ты не «закреплен» за этим местом, то только привозя сюда кого-нибудь, мог получить и обратного седока. Или жди где хочешь где-нибудь неподалеку. Тут царит конкуренция. Вот и сидит и дремлет такой «Ванька-извозчик», опустив голову, лошадь застыла в ожидании. Хорошо еще, если хозяин натянет ей на морду холщовый мешок с овсом или еще с чем. Тогда она стоит и хрумкает и тоже ждет. Подобную пару или несколько пар можно было наблюдать ежедневно на всех почти перекрестках.

Иногда случалось, что не выдержит «Ванька», тронет свою худобу и поплетется вдоль тротуаров, ища, высматривая возможного пассажира.

В двадцатых годах автомобиль еще был роскошью. Своей автопромышленности, по существу, еще не было. Завод «АМО» был маломощным. Вот и господствовали на улицах лошади. Для людей были извозчики, для грузовых перевозок гужевые подводы. Или, как их называли, «ломовики». Откуда произошло такое название, не знаю. Гадал, и так и этак вертел слово, но ничего не получалось, никакой связи не нащупал. Летом все они, и пролетки и подводы, на колесах. Пассажирские большие, с широкими крыльями над колесами, с откидывающимся мягким верхом.

У некоторых около облучка укреплен фонарь со свечкой. Но это бывает редко. У пассажирских колясок рессоры бывают обязательно, а вот у ломовиков не всегда. Колеса обиты металлическими шинами. У некоторых надувные резиновые. Так этих шикарных с толстыми шинами и фонарями, называли «лихачами». Как же лихо они проносятся по заполненным народом улицам, часто совсем не считаясь с пешеходом. Только гикают зычным голосом, когда много на улицах народа, и многие выбегают на мостовые. Это бывает уже опасно. Легко можно попасть под колеса экипажа или быть сбитым лошадью.

Зимой пассажирские пролетки заменяются санками. Очень маленькими, для двух седоков. С открытым верхом, на очень тонких полозьях. Впереди кучер в теплом тулупе, высоко, под

самой грудью перетянутом широким кушаком. На голове теплая шапка, отороченная мехом. Тепло одет, ничего не скажешь. Еще бы, весь день на морозе. А чтобы пассажиры не замерзли, имеется теплый, часто меховой, полог.

По заснеженным улицам лихо пролетают эти небольшие санки, обсыпая прохожих снежным веером. Ну, а гужевые зимой ездили по-разному, в основном, тоже на санях с большими полозьями, а иногда все на тех же подводах с толстыми шинами. По городу и на них можно было ездить. Попадались и деревенские, так называемые розвальни, но реже. Не для города они.

А, между прочим, коляски прекрасно использовались мальчишками для бесплатного проезда. Можно было усесться сзади на осевую перекладину и ехать, пока извозчик не заметил и не хлестанул своим длинным кнутом. А зимой можно было, катаясь на коньках-снегурочках, прикрученных веревочками к валенкам, зацепиться железным крюком за санки и ехать в свое удовольствие.

В эпоху трамвая извозчики как-то еще могли существовать. А вот при появлении на улицах города большого количества автомобилей и автобусов, а позднее еще и троллейбусов, извозчикам стало совсем худо. Метрополитен доконал «ванек», полностью вытеснил их из Москвы. Утесов даже песню пел про «водителя кобылы». Очень правильная песня.

Старьевщик

Часто через окно слышалось заунывное: «Старье берем, покупаем. Старье берем». Подчас эта фраза сливалась в одно слово «старьеберем» или даже в какое-то странное слитное — «старьемберьем». Высовываюсь из окна кухни, выходящей во двор нашего большого дома. Мы расположены на втором этаже, и нам хорошо видно, что там делается, кто приходит. На этот раз во двор вошел высокий старик. Он был в довольно изношенной одежде. Она напоминала издали большой полосатый халат с огромным мешком за плечами. Он медленно обходит двор и протяжно тянет свое «Старьеберье-е-м!», «Старые вещи покупа-а-а-ем!». Из окон дома высовываются хозяйки, и некоторые машут ему рукой, зовут к себе. Он запоминает окна, прикидывает, через какой подъезд в какую квартиру сможет пройти, и скрывается за дверями. А у хозяек уже заранее приготовлено, что надо продать из ненужного хлама, от чего надо избавиться.

Магазинов ведь скупочных тогда еще не было. Выручали старьевщики, как их все называли. Чаще всего это были татары. Соответственно этому и одеты они были своеобразно: на плечи накинут халат, пестрый или просто серый, перетянутый кушаком. На голове чаще всего тюбетейка. Или широкополая черная шляпа. Старик входил в квартиру, где его уже ждали с кучей всякого ненужного тряпья или устаревшего хлама. Правда, попадались и вполне приличные вещи: одежда и обувь, из которых уже выросли, встречались даже просто ненадеванные, но непригодные по какой-либо причине вещи. И начиналась торговля. Как игра.

Старик очень придирчиво рассматривал каждую вещь, ощупывал, растягивал, на просвет смотрел, чуть ли не на зуб пробовал. С лица не сходила полупрезрительная мина. Он явно показывал, что недоволен предложенными вещами. Он не

соглашался с просимой ценой. Он торговался, сбивая цену. Шел ожесточенный спор. Своеобразная игра «кто кого переспорит». Более настойчивый и терпеливый выигрывает. Тогда по рукам. Из глубокого кармана достается комок бумажных денег, нужная сумма отсчитывается, и вещи тонут в большом мешке. И так квартира за квартирой. И так по многу раз в неделю. «Старьеберье-е-е-м, покупаем!»

Шарманщик

Со двора доносится однообразная и немного скрипучая музыка. Это же шарманка! Ее надо обязательно увидеть и послушать. Можно, конечно, усесться на кухонное окно и, свесив ноги, рассматривать столпившихся вокруг шарманщика людей. А можно и спуститься вниз, примкнуть к толпе и заворожённо слушать музыку, которая сама пришла к нам в гости. Чаще всего это популярные вальсы типа «Амурские волны», «На сопках Манчжурии». Или известные песни: «Шумел камыш», «Варяг», «Мы на лодочке катались».

Старый шарманщик медленно крутит ручку большого ящика, на стенках которого изображены цветы. Надо считать, что это розы, хотя даже мне ясно насколько плохо они изображены. Шарманка нещадно скрипит, как несмазанная телега, но звуки все-таки издает. Но главное даже не музыка. Бог с ней, с музыкой. Главное — попугай, сидящий на плече старика. Это белый какаду с огромным желтоватым хохолком и большим изогнутым клювом. Он важен, он сознает, что на него все смотрят. Он перебирает ножками, удобнее располагаясь на плече, ворчит, что-то бормочет, будто недоволен. «Попка дурак!», «Попка дурак!», — кричат ему ребятишки и с восторгом слушают, как он глядя на них немигающим глазом, картаво выдает: «Поп-ка ду-гак», а потом снова начинает перебирать ножками. И опять «Поп-ка ду-гак!», «Поп-ка ду-гак!» Какой восторг! «Вот это дает!»

Но и это еще не самое главное. Главное начинается после исполнения нескольких песен, и по мере того, как некоторые слушатели, в основном, слушательницы, дают старику монетки,

чтобы судьбу узнать, счастья попытать. Старик деловито складывает деньги и опускает попугая на ящичек, укрепленный на крышке шарманки. В ящике расположены маленькие конвертики, иногда и просто отдельные бумажки. Попугай, переступая деловито с ноги на ногу, ловко вытаскивает своим крючковатым клювом какую-нибудь бумажку, и шарманщик забирает ее и передает заплатившей девице. Та развертывает бумажку и расцветает от счастья. Наверное, хорошую судьбу предсказал ей попугай. А ребята в это время не унимаются: «Попка дурак! Попка дурак!» И в ответ сердитое: «Поп-ка ду-гак».

Бывают шарманщики и не одиночки. Кроме обязательного попугая они ходят вдвоем. Старик-шарманщик и сопровождающая его маленькая худенькая девочка в простеньком платьице. Шарманщик крутит ручку, шарманка скрипит, поет, попугай отругивается от ребятишек, а девочка пронзительным тонким голоском поет ту же песню, что прокручивает шарманка. Иногда это получается в унисон, иногда одно другому мешает. Но кто на это обращает какое-нибудь внимание. Это не главное.

Главное то, что интересное зрелище есть, попка-дурак есть, счастье кто-то получает. И девочка идет по кругу, собирая пятачки, копейки и даже гривенники с пятиалтынными. Наконец, бродячие артисты уходят, а зрители еще остаются, переживают увиденное, обсуждают что-то. Постепенно толпа редеет, народ расходится. Посреди двора валяются обрывки чьего-то счастья, брошенного счастливыми обладательницами. А потом это счастье и вовсе уносится ветром. Как будто бы и не было его.

Трубочист

По тротуару идет черный человек. Просто очень черный. Нет, не негр, просто черномазый, с испачканными щеками и черными полосами на лбу. Видно, потный лоб рукой отирал. Прохожие невольно оглядываются на него. Некоторые долго смотрят вслед. Очень уж необычный вид у человека. И немного страшный. Увидишь во сне, пожалуй, проснешься в холодном поту. А на самом же деле это, наверное, самый безобидный человек и очень нужный в нашем городе, где полно еще домов с печным отоплением, нередки возгорания из-за плохого содержания дымоходов и труб. Зовут его «трубочист». Человек, чистящий трубы. Нужный человек. И хорошая улыбка на лице. Хотя очень усталый вид. С работы, видно, возвращается.

Я часто слышал про трубочистов, в книжках читал. Но встречать как-то не приходилось. А тут, нате, пожалуйста, сам живой настоящий трубочист. И я внимательно рассматриваю его. Еще бы! Ведь это же совершенно бесстрашный человек. Он же по крутым крышам ходит и хоть бы что! И даже в дождливую погоду или зимой, когда крыши скользкие, ненадежные. А он работает и об опасности не думает. Ну, чем не герой. А весь черный он оттого, что вечно с сажей и копотью возится. Это не просто грязь, а профессиональная грязь. Такая у него работа. Чтобы нам спокойнее жилось.

Черная рубаха, черные штаны, большой черный ежик и метла за спиной, большой моток черной толстой веревки. И черный

мешок. Не знаю уж, что в этом мешке. Лохматый он. Волосы тоже черные, но кто его знает, может быть, он даже блондин. Только сейчас на голове вихры всклокоченные и почти совсем черные. На лице, на шее большие черные пятна. И руки все в пятнах. А улыбка замечательная, во весь рот. Белые зубы сверкают. И белки глаз, окруженных черными разводами. Как у негров на картинках. А он и выглядит, как негр. Потому и считают некоторые ребятишки, что это негр из далекой Африки. А он наш, русак.

Идет веселый парень с работы. Насвистывает. И не смущается, что все так на него искоса смотрят. Кто со страхом, а кто с любопытством. А он горд и своей профессией смельчака, бесстрашно взбирающегося на крыши, и своей лихой молодостью, и своей нужностью. И ему наплевать свысока, кто и как к нему относится. Что они понимают, в конце концов?

Со временем город перевел отопление на централизованное. Мало осталось печей, требующих ухода трубочистов. Если где-нибудь и требуется прочистить те или иные трубы, обходятся своими службами. А таких трубочистов, как в моем детстве, больше я не встречал. А тот, кого я встречал, остался в моей памяти. Хорошо он шел по улицам своего города, гордо, как хозяин его!

Чистильщик сапог

На углу нашей Кудринской площади и Поварской сидит мальчонка. Совсем маленький, лохматый и неопрятно одетый. Перед ним небольшой ящик с подставкой для ботинка или сапога на крышке. В ящике разные принадлежности: мазь-гуталин черный, темно-коричневый, светло-коричневый и желтый и даже белый, бесцветный для цветной обуви. Разные щетки. Для каждого цвета отдельная щетка. Они необычные какие-то: непривычно большие, очень лохматые и с кривым основанием, совсем почти полукруглым. И еще у него имеются длинные бархотки и суконки — куски материи для наведения блеска, или, как мальчишка утверждает, «лоска».

На него очень интересно смотреть. Уж очень он здорово и виртуозно работает. Я бы сказал, с упоением, лихостью. Он весь в движении и все время что-то говорит, иногда напевает. Песенки у него незамысловатые, простые. Помню вот только одну, изменяемую в зависимости от клиента:

Чистим, чистим, чистим,
Чистим, гражданин,
С вас недорого попросим —
Гривенник один.

А для более богатого, нэпмана или вообще очень хорошо одетого:

Чистим, чистим, чистим,
Чистим, господин,

С вас недорого попросим —
Миллион один, —

и хохочет, подмигивая и разулыбив рот до ушей. Есть у него и скамеечка или, вернее, стульчик-раскладушка. Это чтобы клиент мог сесть, если захочет. А чаще всего просто подходит человек, ставит ногу на ящик, ждет, когда будет вычищен первично один ботинок, потом меняет ногу и ждет, когда будет дана команда на доводку. Тут достаются бархотки, и ботинки приобретают ослепительный зеркальный блеск.

Чистит парень, подпевает себе, залихватски стучит щетками по ящику, иногда подбрасывает их высоко вверх, ловко подхватывает на лету и продолжает чистить, как ни в чем не бывало. А когда полирует кожу, то опять перемежает чистку с подбрасыванием высоко-высоко щетки. Подбросит, подхватит и снова проходится по поверхности ботинок или штиблет. А потом бархоткой завершает работу. Солнце сверкает на коже ботинок. И парень доволен, и клиент тоже.

То он долго сидит на одном месте, то перебегает на другое — на то, где потоки прохожих побольше. И опять продолжает зазывать клиентов:

Чистим, чистим, чистим,
Чистим, гражданин…

И так целый день до самого позднего вечера.

Лотошники

Хожу по улицам города, наблюдаю. Чем важнее улица, тем больше на ней магазинов, лавок. Даже киосков и палаток. Особенно во время НЭПа торговля развилась чрезвычайно широко и проявлялась в разных формах. Государственные магазины, кооперация, частники. А совсем недавно появились на улицах и площадях лотошники. А может быть, они и раньше были, только я что-то не замечал. Стоят по углам у перекрестков, около трамвайных остановок, около оживленных мест разные тети, иногда и дяди, а иногда и подростки. Через плечо перекинут ремень, удерживающий лоток. Лоток — это широкий и неглубокий ящик. Примерно восемьдесят сантиметров на шестьдесят. Или метр на восемьдесят. А высота всего сантиметров пятнадцать, не больше. В лотках у одних только папиросы, сигареты, табак, спички и даже пачки махорки.

У других — кондитерские изделия: конфеты россыпью и в пакетиках, печенье так же. Иногда крендельки, кексы, но это реже. У лотошников обязательно поверх одежды белые фартуки, форменные фуражки, на которых надписи «Моссельпром», или «Табак», или еще что-нибудь. Лотошники не самодеятельные продавцы-одиночки. Они работают от фирмы. Имеют специальные свидетельства. А вот, кто им цену устанавливает, не знаю. Возможно, с базы получают по оговоренной, установленной цене, а продают по своей. Но в разумных, разумеется, размерах наценок. Иначе нельзя.

Иначе не пользовались бы такой популярностью. Есть еще другой тип таких розничных продавцов-индивидуалов. Эти

особенной любовью пользуются у малышни и подростков. Да и взрослые не прочь стать их покупателями. Это — мороженщики. Бродячие мороженщики. С огромными бидонами, в которых находится превосходная прохладная сладость. Вооружены мороженщики разными приспособлениями. Трех видов. Большой, диаметром в семь-восемь сантиметров, средний — в пять-шесть, примерно, и малый — в три-четыре сантиметра.

Инструмент этот устроен так, что на выдвижное донышко невысокого цилиндрика указанных размеров, укладывается вниз головой вафля. Поверх нее до края, а чаще всего даже выше края, накладывается мороженое. Разное, в зависимости от пожелания покупателя. То ли сливочное, то ли фруктовое, то ли кремовое. А фруктовое бывает разное — лимонное, или клубничное, или еще какое. Поверх сладкой массы укладывается другая вафля. И обязательно лицевой стороной вверх. Специальный толкатель выдвигает порцию мороженого вверх. Готово.

Счастливый обладатель аккуратно берет ее за вафли и прежде всего внимательно осматривает их. Ведь на вафлях написаны имена. Мужские, женские. Мороженщица же видит, кому продает, и берет вафли соответственно из разных пачек. То мужское имя достает, то женское. Интересно, кто же твой суженый?

Большая порция стоит пятнадцать копеек, средняя — десять, а малая — пять. Мы давно уже сообразили, что лучше покупать малые. Даже, если есть целых пятнадцать копеек. Правда, это случалось не часто. Но даже если и были пятиалтынники или гривенники, то, все равно, покупали маленькие порции. Сразу две или три. Ведь, во-первых, в трех малых порциях мороженного больше, чем в одной большой, а во-вторых, имен будет больше —

целых шесть вместо двух. Да и удовольствие растянуто. Никакого расчета нет покупать большие порции. Правда, иногда хотелось похвастаться самой большой порцией, чтобы поглядывать свысока на обладателей малых. Огромное наслаждение доставляют нам мороженщицы. А как вообще можно жить без мороженого?

Точильщик ножей, ножниц

Появление во дворе точильщика всегда всеми ожидалось с нетерпением. Еще бы, ведь у каждой хозяйки обязательно что-нибудь затупилось. Ножи ли, ножницы, или ножи от мясорубки. Да мало ли что. Поэтому, как только со двора доносилось протяжное: «Ножи, ножницы точить! Старые кастрюли паять!», сразу же со всех сторон, через все двери начинали выбегать и женщины и дети. С ножами, ножницами. Большими, маленькими, всякими. С ведрами, кастрюлями, мисками и кружками.

А точильщик ставил свой точильный станок посреди двора и начинал свою работу. Зрелище было захватывающе интересно. Из-под точильных дисков веером неслись яркие искры. Диски вращались от колеса с шатуном, который крепился к дощечке-подножке. А подножку мерно нажимал точильщик. Вверх — вниз, вверх — вниз. Колесо крутилось, а у него был кожаный приводной ремень, который вращал маленькое колесо, закрепленное на одной оси с точильными дисками. Немудреная механика. Но как здорово у него все получается. Засмотреться можно.

Ножи или ножницы он слегка прижимает к ребру точильного диска и водит лезвие вправо-влево. А потом правит фаску боковой поверхностью этого диска. Там еще какие-то есть. То ли кожаные, то ли тоже абразивные, но более мелкозернистые. Не присматривался. Только видел, как он с одного диска переходил на другой или на третий. Артистично работал.

Если точильщик был одновременно и паяльщиком, то он после точки ножей и ножниц брался за пайку. Для этого у него была специальная горелка или обыкновенный примус. Он

разводил огонь и принимался за работу. Сначала тщательно очищал предмет какими-то щеточками. Думаю, что металлическими. Но, кто знает. Может быть, и обыкновенными щетинными, но очень уж жесткими, а в это время на огне нагревался паяльник. На него интереснее было смотреть, чем на чистку посуды. Цвет паяльника менялся с красного, на какой-то ослепительно светлый. Самое чудесное начиналось, когда паяльщик накладывал кусок олова на место спая, когда это олово на глазах таяло и заполняло собой то место, которое требовалось запаять.

Все мы стояли, как завороженные, глядя на мастерскую работу. И не только мы, ребятишки. Рядом стояли и хозяйки посуды и даже просто любопытные мужчины. Всем было интересно посмотреть, как из под рук этого мастера выходила починенная вещь. Любо-дорого смотреть Постепенно очередь уменьшалась, хозяйки возвращались в свои квартиры, а мы продолжали заворожённо смотреть на снопы искр. Какая замечательная профессия! Как хочется повертеть станок или хоть подержать паяльник!

Иногда я видел, как точильщик, стоя у двери магазина, работал. У него на станке между планками были заткнуты самые разные ножи: огромные и широкие, узкие и длинные. И даже топор был воткнут. Это точильщик обслуживал мясной магазин. Только там можно увидеть такое.

Стекольщик

Как-то кто-то из нас разбил оконное стекло. Огромная зияющая дыра. И дуло из нее отчаянно. Осень уже наступила. Мы уже давно из пионерлагеря приехали. Что делать? Пока суд да дело, заслонили дыру фанерным листом. Но так жить нельзя. Надо дожидаться стекольщика. Мама велела сторожить, когда он появится во дворе.

Ходили тогда по Москве, заглядывая в каждый двор, стекольщики. И к нам, наконец, пришел один такой. В картузе, в рубахе-косоворотке навыпуск, с фартуком. Брюки заправлены в кожаные сапоги. И носит он на плече большой ящик. Довольно узкий по ширине, но по длине и высоте большой. Вид что надо! И у мастера и у ящика, наполненного стеклянными листами самого различного размера. Стекло, оно же тяжелое. А у него целый запас. Тяжесть неимоверная. Как только он носит этот свой ящик? И, наверное, целый день. Правда, к вечеру легче.

Конечно же, мы его поскорее к себе зазвали, пока другие не перехватили. Он поднялся к нам в квартиру, деловито очистил оконную раму от осколков стекла и замазки, смерил раму складным желтым метром, и начал колдовать над стеклянным листом. Положил его на стол, отметил нужные размеры, приложил длинную линейку и, достав из кармана инструмент-алмаз, ловко и быстро провел им по стеклу. Потом слегка постучал ручкой алмаза вдоль царапины и неуловимым движением обломал лишнюю часть стекла. Потрясающе ровно вышло. Сначала он это сделал с одной стороны, потом с другой. Изумительно! Остальное не составляло труда. Вложив стекло в

раму, он быстренько вколотил мелкие гвоздики вдоль всех сторон и достал из своего ящика большой ком серо-желтой замазки. Скрутив тонкие колбаски, он прикладывал их к раме, вжимал, прилепляя колбаску к дереву. И так по всему периметру. А потом взял стамеску и выровнял со всех сторон. Потом счистил все лишнее. Быстро и здорово. Работа была готова. Он сам с гордостью осмотрел окно и повернулся к нам: «Ну, как?»

Очень нужная профессия. И как хочется хоть разок попробовать провести по стеклу алмазом и ровненько обломить края. Но разве он даст?

Газетчики

По вечерам, возвращаясь из детского сада, и даже позднее, из школы после второй смены, наблюдаю всегда одну и ту же картину. Ежедневно. И всегда в одно и то же время. Откуда-то из наступающей темноты врывается на площади и улицы толпа мальчишек. Они бегут, не обращая внимания ни на кого. Они обгоняют друг друга. А потом вдруг рассыпаются веером и бегут, каждый по своему направлению.

Эти мальчишки — газетчики. Не успеет еще машина развести по газетным киоскам вечерние газеты, как на улицах города появляются они, спешащие продать газеты поскорей. Через плечо у многих большая холщевая сумка, полная «Вечерки», у других сумок нет, они прижимают толстые пачки к груди. Этим бегать трудней. Но все равно бегают. И кричат пронзительно: «Вечерняя Москва! Вечерняя Москва!». А потом даже конкретнее: «Последние новости, очередная сенсация», вроде такой, какую выкрикивали они, скажем, 19 июня 1926 года: «Не вернулся из полета известный полярный исследователь Руаль Амундсен». «В городе Шахты начался процесс горных инженеров вредителей», и снова: «Пропал Руаль Амундсен», «Не вернулся из полета по спасению экспедиции Нобиле известный полярный исследователь Руаль Амундсен!», «Инженеры-вредители под судом в городе Шахты». И так весь вечер. И каждый день.

Шныряют мальчишки по тротуарам, стараясь выбрать наиболее людные места — у трамвайных остановок, где народ стоит без дела, ожидая трамвая. Или около больших магазинов, или у подъездов театра, или кино. Лишь бы наскочить на такое

место, где народ не очень спешит, где можно заинтересовать его последними сенсационными новостями. Бойко работают.

Но и среди идущей толпы находится немало таких, кто обязательно купит газету, которая сама ему в руки приходит. Ведь это очень удобно.

Слышал, что ребята эти собираются в определенное время у дверей типографии газетной или издательства, откуда газеты направляются в розничную торговлю. Там ждут своего часа и первыми налетают на готовую продукцию. К ним в типографии привыкли. Их знают в лицо.

И понимают, что ребята распространят газеты мгновенно. И людям удобно, и типографиям выгодно. А уж ребятишкам-газетчикам навар идет.

По договоренностью со сбытовиками. Небольшой процент от выручки. А уж если самостоятельную наценку кто-нибудь сделает, его счастье. Но и наценка небольшая. Покупателя не обременяет. Всего на копейку-две на номере. Вроде бы не очень много, а при тираже заметно.

И бегают вечерами газетчики-ребятишки. И орут: «Кому «Вечерку! Кому «Вечерку», «Ужасное убийство в Марьиной роще!», «Женщина-убийца!» и разные другие новости. Я сам редко видел, но знаю, что по утрам такая же картина. Тут уже утренние газеты идут — «Рабочая Москва», «Правда», «Известия». Даже «Пионерская правда». То ли они бегают так рано, что мы их еще не застаем, то ли после того, как мы уже за партами сидим. Но «Вечерка» всегда идет ходко. Во-первых, удобнее для покупателя, когда он с работы, не очень спеша, возвращается, а во-вторых, и это, наверное, самое главное, потому что «Вечерка» уже вечером сообщает самые свежие новости, которые в больших утренних газетах можно будет прочитать только завтра. А в «Вечерней Москве» это уже с вечера. Блеск!

Беспризорные

Мой детский сад находился в самом центре Москвы, на Театральной площади, около Китайгородской стены в замечательном доме, который для одних был 2-м Домом Советов, а для старых москвичей — «Метрополем». Красивый дом. В нем сразу три кинозала кинотеатра, тоже называвшегося таким удивительным словом «Метрополь». Каждый день, кроме, конечно, воскресений, мы с мамой отправлялись по утрам в наш садик, а вечерами возвращались домой.

Неподалеку от трамвайной остановки на площади перед самым «Метрополем» стоят огромные черные котлы. В них варят асфальт — черную страшно дурно пахнущую массу, которую выливают на дорогу, разравнивают, разглаживают катками на длинных ручках. Центральные площади и улицы Москвы меняют одежду. Вместо обычного булыжника, или серой брусчатки здесь появляются ровные-ровные мостовые. Здорово. Скорей бы от центра и к нам до Садового кольца дошли. Говорят, что через год-два и там будет асфальт. А пока черные котлы стоят только по центральным площадям, по центральным улицам.

Рано утром, еще до начала работы дорожников, из котлов вылезают страшные оборвыши. Мама их называет беспризорными. И другие тоже так зовут этих неопрятно одетых, отчаянно грязных ребятишек. На некоторых рубахи, или то, что раньше было рубахой, явно не с их плеча: страшно велики по размеру, рваные рукава свисают, закрывая почерневшие от грязи кисти рук.

Штаны тоже не лучше — порванные, грязные. В асфальтовые котлы они забираются на ночь, чтобы обогреться на неостывших остатках асфальта. Люди их сторонятся. Мало ли что: все они, верно, воришки и безобразники-хулиганы. Некоторые, правда,

подают им что-нибудь из еды или немного денег.

Ребята эти ведут себя на улицах среди толп народа совершенно независимо. Шныряют туда-сюда, весело перекликаясь на каком-то только им самим понятном языке. Мама говорит, что это у них такой жаргон. И предупреждает, чтобы я старался держаться от них подальше. Мало ли что. Они же, наверное, заразные. И ведут себя отвратительно. Курят, такие маленькие, а курят. И ругаются по-нехорошему. И по карманам у зевак шарят. От милиционеров они разбегаются во все стороны. Поймать их невозможно. Они даже как бы издеваются над преследователями, ускользая буквально из-под носа.

— Мама, а откуда они взялись? И почему они живут на улицах, почему в котлах или подвалах ночуют? У них нет мам, нет дома? — спрашиваю я маму, которая опасливо оглядывает стоящих неподалеку беспризорников.

— Они приехали из других мест. У них нет дома, нет мам и пап, — отвечает моя мама, прижимая меня к себе, как будто оберегая от чего-то.

— А почему нет дома, нет мам? — задаю я новый вопрос.

— Голод там, Боря, голод. Родители, наверное умерли. Никого и ничего у них не осталось. Вот и приехали в Москву.

— А где это голод, в каком городе? — не унимаюсь я.

— Ой, не спрашивай, Боря, повсюду он, повсюду. Помирает народ, ребятишки остаются и бегут с тех мест.

— Значит, они были такие же, как все, хорошие были?

— Были, были. А теперь видишь какими стали. Воришками, хулиганами.

— А почему у нас нет голода?

— А мы Москва, Боря, в Москве всегда лучше, чем в других

местах.

— Мама, а можно что-нибудь сделать, чтобы не было голода, чтобы не было беспризорников?

— Наверное, можно, только не просто все это, Боря, — тихо отвечает мама и тяжело вздыхает.

Стою в своей шубке, держу мамину руку и смотрю на стайку таких же мальчишек, или чуть постарше меня, и мне не то что страшно, мне любопытно становится. А кто-нибудь думает, как это сделать, чтобы во всем мире не было ни голода, ни беспризорных без мам, без пап.

А дома на мой новый вопрос мама сказала, что даже есть специальная комиссия, которая занимается такими бездомными ребятами. Называется она «Деткомиссия при ВЦИКе». И возглавляет ее сам Феликс Дзержинский, самый главный чекист. Ему сам Ленин поручил заняться такими ребятами. Я облегченно вздыхаю, ну уж если сам Дзержинский, то дело будет сделано. Дзержинский все может.

Китайские прачечные

В нашем доме на Кудринской площади в первом этаже размещалось много разных магазинов и мастерских. За углом со стороны Поварской размещалась прачечная. Казалось бы, что тут особенного. И теперь повсюду прачечные есть. Только теперь где-то работают большие фабрики-прачечные, а по городу разбросаны приемные пункты. А тогда у нас в доме была прачечная, где и принимали белье, чтобы его выстирать, выгладить и выдать на руки. Все в одном месте — и прием, и работа, и выдача. Из окон, выходящих в наш двор, всегда сквозь неплотно закрытые окна шел пар.

Работали в прачечной китайцы. Самые настоящие. Смуглые, скуластые, с раскосыми глазами. Только вот без кос и без круглых конусообразных шапок, как их рисуют на картинках. И очень веселые. Совсем не страшные. С нами, ребятишками, все время говорили, улыбаясь. У меня даже создалось впечатление, что они даже в печальные минуты тоже улыбаются. Просто у них свойство такое. Иногда они нам, ребятишкам, даже леденцы на длинных палочках давали. Красные, очень сладкие. Однако, мама запрещала мне брать их. А жаль. Другие ребята брали, а я завидовал.

Стирали и гладили китайцы превосходно. Мама говорила, что так она не может, как бы ни старалась. Помещение у них было очень чистое. Стены белыми изразцами, как печи голландские, покрыты. И все у них аккуратно было. Думаю, что иначе бы им и не доверяли бы свое белье хозяйки.

В городе я видел много таких китайских прачечных. А потом

как-то вдруг они все исчезли. Пришлось возить грязное белье в стирку очень далеко в фабрику-прачечную, где примерно за ту же цену стирали значительно дольше и, к сожалению, хуже. Но ничего поделать было уже нельзя. Приходилось пользоваться фабрикой-прачечной, что поделаешь?

А куда все-таки исчезли наши китайцы?

Общественные уборные

На центральных бульварах, да и на некоторых площадях можно было встретить необычное сооружение. Большой металлический пустотелый цилиндр, поднятый на трубчатые ножки, примерно, на полметра от земли. Выкрашен он был в неприятно желто-зеленый цвет. С одной стороны был разрыв, который был заслонен дугообразной стенкой, тоже установленной на ножки. Внутри этого цилиндра помещались канализационные устройства. Все это произведение называлось «писсуаром», и поэтому вслух произносить мне это слово не нравилось, хотя оно, вроде бы даже французское. Я задумывался, зачем весь цилиндр поднят на ножки. Потом понял; надо было видеть со стороны, есть там люди, или нет. Это на всякий случай, чтоб чего-нибудь не случилось. Хулиганства какого-нибудь. Или еще чего.

Да и вентиляция более или менее обеспечивалась. И грязь легче убирать. Потом эти бульварные писсуары исчезли: на Садовом кольце вместе с бульварами, а в остальных местах заменялись новыми общественными уборными в первых или подвальных этажах домов, а то и просто под землей.

Вряд ли кто-нибудь из людей поколений, следующих за моим, помнят эти бульварные сооружения. Не сказал бы, что они красили город.

Водозаборные колонки

Подумать только, буквально в центре города до середины двадцатых годов, а пожалуй, и позже, сохранялись водозаборные колонки. Водопроводными сетями, входящими в дома и в квартиры, город еще не мог обеспечить население. Не говорю об окраинах. Там были не только колонки, но даже и простые колодцы, А вот центре, около Садового кольца, внутри Камер-Коллежского вала можно было увидеть на каком-нибудь углу у перекрестка необычную очередь. Стоят люди с ведрами, бидонами. У некоторых даже коромысла имеются, чтобы сразу два ведра понести. На углу стоит чугунная колонка. Простым поворотом рукоятки немного вниз можно получить струю воды. У крана имеется крючок, чтобы удержать ведро. Струя мощная, ведро наполняется быстро. Хотя встречались и немощные колонки, из которых струйка еле-еле тянулась.

И вот стоят люди по несколько раз в день, чтобы обеспечить семью водой. Стоят летом, стоят зимой, стоят весной и осенью. Стоят в мороз, стоят в жару. Даже под дождем стоят. Вода семье нужна. От этого не уйдешь.

От нашего дома на Кудринке такие улицы с колонками были совсем недалеко — на Пресне, к Шеленихе. Ближе всего была, пожалуй, улица Заморенова.

Тихая, утопающая в зелени, обстроенная особнячками и небольшими домиками с мезонинами, такая спокойная, мирная. Водопровод прямо тут на углах в колонках. Помню, особенно грустно было наблюдать это зимой, когда все вокруг обледенело, когда вокруг колонки огромные наледи, и идти с ведрами было даже опасно. Неровен час, поскользнется. И в весеннюю или

осеннюю распутицу тоже не очень-то приятно ходить по воду. Но приходилось. А как же иначе!

Ассенизаторы

Там же в тихих улочках, прижатых к Камер-Коллежскому валу, в районах старой застройки о канализации даже не мечтали. Жизнь чисто деревенская: удобства во дворе. С выгребными ямами. Все, как полагается. Но и не только там, ближе к бывшим валам. Даже около Бульварного кольца, у Трубной площади, например, в переулках можно было встретить надворные уборные, Но отсюда их вытеснили быстрее.

А раз надворные, раз выгребные ямы, значит, кто-то и как-то должен все это убирать, вывозить. И вот ранним утром можно было встретить в этих переулочках и улочках полудохлую клячу, тянущую огромную бочку Из открытого люка наверху бочки торчит большая палка. На ее конце огромный черпак. Ведет клячу довольно затрапезного вида человек. Это ассенизатор, очень необходимый в этих местах человек. И все бы ничего. Только вот запах от бочки невыносимый. И приходится терпеть. Без ассенизатора в этих местах не обойтись.

Комментарии из конца 90-х годов XX-го века

«Ушедшие в небытие» — звучит несколько страшно. Значит, были, работали, радовались жизни, были полезны людям и вдруг их не стало. Но, если подумать, то ведь не люди конкретные физически исчезли, а лишь их профессии, занятия, их специальность. Так что это — плохо или хорошо? Отвечаю сразу — конечно же, хорошо. Очень хорошо. Исчезли, потому что оказались не просто ненужными, а замененными чем-то иным, более отвечающим и времени и уровню науки и техники. Более прогрессивным. XX век многое внес в развитие науки и техники. Извозчиков сменили автомашины, автобусы и троллейбусы. Усовершенствовались трамваи, появился метрополитен. Извозчики стали просто не нужны, Москва их просто вытеснила. Фонарщики оказались невостребованными, так как городское освещение перешло на централизованное электрическое. Старьевщиков, стекольщиков, точильщиков, чистильщиков сапог и китайские прачечные вытеснила общегородская служба бытового обслуживания и внедрение механизации во все эти процессы. Сменилась система отопления, и трубочисты оказались тоже не нужны. Лотошники и сейчас кое-где есть — мороженщицы в крупных универмагах, а изредка и на улицах, цветочницы в павильонах метро. Газетчики и книготорговцы также перекочевали в вестибюли метро и обзавелись большими лотками или киосками. Вышла на улицы и в подземные переходы мелкая розничная торговля, но это уже совсем иное качество. В основном, это мелкие торговые точки крупных торговых фирм. Новые общественные уборные в подвальных и первых этажах домов, под землей и в крупных торговых заведениях, конечно же, оказались лучше, чем писсуары по бульварам. Что касается шарманщиков, то их вытеснили и кинотеатры и телевидение, широко внедрившееся в жизнь москвичей. Пропала потребность в шарманщиках. Правда, появились музыканты и певцы в подземных переходах, в метро, но это несколько иное, отличное от бродячих музыкантов начала века. Те ходили по дворам, устраивали маленькие незамысловатые концерты и шли дальше.

Итак, в результате все эти перемены оказались лучше. Правда, кто-то посетует, что ремонтное обслуживание в различных РЭО, ДЭЗах и ЖЭКах поставлено очень плохо, что иногда просто недостает мастера, который бы пришел и быстро починил испорченный кран или поврежденную электропроводку.

Но это уже издержки совсем иного плана. Я согласен с этим, а все-таки где-то внутри остается какое-то легкое сожаление, что больше никогда не увидишь и не услышишь шарманку, что что-то все же утрачено в нашей жизни с исчезновением прохожих мастеров.

Московские были

Большая кругосветка» («Букашка»)

Сегодня у нас большая «кругосветка»: я вместе с Женькой Васиным, приятелем из нашего класса, катаюсь на «Букашке» по Садовому кольцу. Конечно, прогуливаем школу. Но на что не пойдешь ради такого путешествия. Огромное удовольствие! Еще бы: мы ни от кого не зависим, мы прекрасно устроились, стоя на подножке с левой стороны трамвая, и в ус не дуем. Только бы милиционеру на глаза не попасться. Двери трамвая с этой стороны плотно закрыты. Вход и выход только с правой стороны. Все тут устроено как бы специально для нас.

А подножки достаточно широкие, ручки гладкие, надежные. Стою и любуюсь проносящимися мимо меня кварталами, домами. Многие я уже хорошо знаю. Особенно те, что ближе к Кудринке, где я живу. Только деревья там здорово мешают смотреть на дома другой стороны бульвара. А когда перед Крымским мостом и до самой Кудринки, если ехать против часовой стрелки, бульвары вообще отсутствуют, и Садовое кольцо превращается в широкие улицы с палисадниками или без них, то обзор получается прекрасный. Дома, правда, невысокие не то, что наш дом на Новинском бульваре, пятиэтажная громадина, стоящая в начале бульвара. Таких домов мало. Все больше трех и двухэтажные. Встречаются и интересные. С колоннами и даже со скульптурами. И вывески самые различные. Магазины, лавчонки, кинотеатры, рынки, мастерские, разные учреждения и даже иногда фабрики. Чего только нет в нашей Москве. В последнее время начали появляться и новые дома советского времени. Эти не менее пяти-шести этажей. А по архитектуре они очень отличаются от прежних. Фасады у них, в основном, скромные, без каких либо

украшений. Новые времена, новые взгляды на архитектуру, на строительство.

Сразу за нашим Новинским бульваром начинается Смоленская площадь, за ней Сенная площадь. Обе они торговые. Тут расположен Смоленский рынок. Посередке площадей стоят крупные двухэтажные дома. И чисто торговые и смешанные, с магазинами в первых этажах, с жильем или учреждениями во вторых. А есть и дом только торговый. В нем внутреннее помещение двухсветное, большое. Тут торговля идет с длинных прилавков. Тут торгуют всякими продуктами, в основном, мясом, овощами, молочными продуктами. А снаружи, растекаясь по площадям и прилегающим переулкам, бушует и бурлит розничная торговля. Чего тут только нет. Продают с рук, продают с лотков, из киосков, Но, в основном с рук. Частная торговля. Всем, чем угодно торгуют.

Трамвай осторожно продвигается, раздвигая толпу. И, конечно, трезвонит отчаянно. Часто притормаживает, даже останавливается. Очень мешают толпы людей, снующих повсюду по делу и без дела. А трамваю приходится пробираться еле-еле. Вагоновожатый, наверное, нервничает. А нам на нашей площадке вроде спокойно. Стоим себе, за ручки держимся. На углу Арбата высится среди мелких домишек большой серый дом. Первый этаж его занят большим магазином, с огромными витринами, со входами с обеих сторон и с главным входом с угла. Дом этот построен совсем недавно и олицетворяет собой новое строительство, новую Москву, Москву будущего. Магазин тут большой, помещения светлые, просторные.

Одно время тут был «ТОРГСИН», что означает «магазин, торгующий с иностранцами», как можно было бы перевести на понятный язык это странное название. Хотя такое толкование кажется неверным. Ни с каким иностранцами тут не торгуют. Покупатели все русские, москвичи и, возможно, приезжие. В

магазине полно всякого товара. Такого, какой, пожалуй, просто и не снился. Все тут было. Разве что птичьего молока не было. Но продажа велась не на наши родные советские рубли, а на золото, серебро и всякие драгоценности. В кассах тщательно оценивали, взвешивали сдаваемые ценности и выдавали взамен так называемые «боны», нечто вроде денежных знаков или их заменителей. Этими бонами можно было расплатиться за покупки. Мама говорила: «Вот таким способом у населения вытягивают сохранившиеся со старых времен ценности». Наверное, она права: просто так сдавать серебро и золото вряд ли заставишь, а за продукты, за невиданные тысячу лет товары, как-то еще можно было собрать с населения все, что угодно. Мама тоже отнесла как-то в «Торгсин» то ли кольцо, то ли какую-то драгоценность. У нее не водилось многого. Что-то на боны купила. Вот пир-то был! Но сделала она это не ради каких-нибудь вкусностей, а из-за чего-то очень нужного, дефицитного, связанного с необходимостью какого-то лечения. Иначе ничего сделать было нельзя. Только в «Торгсине». А уж вкусности приобрела попутно. Жаль, но у нее не было возможности пойти туда во второй или третий раз. Ценностей не было.

Дальше по Смоленскому бульвару среди обычной и ничем не примечательной застройки попадались и довольно интересные красивые особняки. Например, на углу Глазовского за невысокой узорчатой оградой стоит славный особняк. Выкрашен он в зеленый цвет. Колонны портика, карниз, тяги и наличники белые. Обычно я встречал такие дома, выкрашенными в желтый цвет с белыми деталями. А тут вдруг зеленый. Необычно и красиво. Рядом с ним расположена усадьба, в глубине которой стоит очень красивый дом с колоннами и с пристроенной к его заднему фасаду домовой церковью. К сожалению, этот дом можно увидеть только в небольших промежутках между позднейшими постройками, загораживающими главный дом усадьбы.

На углу Смоленского бульвара и Пречистенки стоит большой доходный дом. Тут в одной из квартир верхнего этажа живет семья моего дяди Володи, брата отца. У них большая квартира с хорошей обстановкой. Дядя работает редактором в только что созданной редакции «Большой советской энциклопедии». Кроме того, он хороший музыкант. Когда мы бываем у них в гостях, то дядя Володя садится за рояль и долго самозабвенно играет. Шопена, Чайковского, Бетховена. Я люблю его слушать. Но бываем мы тут нечасто. Не знаю уж почему. Тетя Валя, та самая, которая меня крестила в младенчестве, выглядит очень важной дамой, и мне это не нравится. С дядей чувствую себя просто, а вот с крестной своей, с тетей, как-то не получается. Она смотрит всегда как-то свысока, будто бы снисходит до нас, конечно же, бедных родственников. У дяди Володи два сына Алик и Юрик, близнецы, моложе меня на год. Я их практически различить не могу, как ни стараюсь. Они и одеты всегда совершенно одинаково, как же тут различишь. Слышал, что они этим широко пользуются в школе. Один отвечает на одном уроке за двоих, другой на другом тоже за двоих. Сходило с рук. Учителя их тоже не различали. Везет же людям!

Но продолжим наше путешествие дальше. На углу Зубовской улицы и Зубовского бульвара, как раз наискосок от дядиного дома, построено совсем недавно высокое здание довольно странного вида. Плоское, серое, оно имеет длинные вертикальные щели-окна по всему фасаду. Такие окна очень необычны для домов в Москве. Горизонтальные ленты сплошных окон как-то все-таки ближе к обычным, привычным домам. А тут вертикали. Говорят, что это здание междугородней телефонной станции, и там необходим именно такой вид освещения. Одновременно по Москве в разных местах в это время строились одинаковые здания

АТС или автоматических телефонных станций. Например, на Арбате, на Большой Ордынке. Вот и этот дом на Зубовской относится тоже к телефонным станциям, но совсем не похож на те.

По середине Зубовского бульвара справа, если ехать к Москве-реке, стоит очень красивый одноэтажный особнячок с многоколонным портиком. Слышал, что раньше, до революции тут было какое-то дворцовое ведомство. Что сейчас, не знаю. Такие домики, как драгоценные камни на кольцах с гладкой простой оправой, так и сверкают среди обыкновенной и ничем не примечательной соседней застройки. И, думаю, что это даже хорошо, что они только изредка сверкают среди простых домов. Представляю себе, как бы ужасно было, если все без исключения дома были бы шедеврами. Наверное, было бы очень скучно и бедно от такого однообразного соседствующего богатства.

В конце Зубовского бульвара на углу Остоженки стоит интересная группа зданий. Тут рядом стоят три дома, составляющие эту группу. Один дом главный среди них и стоит вдоль улицы. Два по бокам выходят на бульвар своими узкими боковыми фасадами, причем один из них обращен в сторону Остоженки. В главном доме три большие двери-ворота. Над ними большие полукруглые окна с красивыми рамами. По бокам прорезаны длинные окна. По карнизу размещены барельефные украшения на военную тематику — щиты, мечи, копья. Сразу видно, что это не жилые здания. Но о том, что это склады, догадаться трудно. Очень уж красивые здания для такого обыкновенного назначения. И все-таки это склады. С военным названием «Провиантские». Наверное, тут были военные продовольственные склады. А кто-то говорил, что тут вовсе не склады, а гаражи. Не знаю, врать не буду. Возможно, склады были раньше, а теперь могут быть и гаражи. Огромные двери тут все время закрыты, и я просто не мог заглянуть вовнутрь. Хотя очень хотел.

Но самое интересное то, что, казалось бы, стоят обычные склады (чего уж проще выдумаешь?), но сделаны они, как самые высокие произведения архитектуры. Очень красивые и спокойные, очень торжественные.

Если бы все заводские и складские здания делали так же красиво, то город был бы совсем другим. За складами на другой стороне Остоженки стоит большой дом. Не простой. Тут был раньше лицей цесаревича Николая, как мне однажды сказал дядя Володя. Лицей, значит, то же, что и в Детском селе под Ленинградом, где учился сам Пушкин. Только тогда село называлось не Детским, а Царским. В отличие от того, этот лицей не имеет при себе большого парка, есть только большой озелененный двор за большим забором. И все. А жаль.

Квартал лицея, в котором сейчас находится какой-то институт, выходит на Пречистенскую набережную, которую совсем недавно, в 1924 году, назвали Кропоткинской. Я это знаю потому, что смерть П. А. Кропоткина переживалась в нашей семье особенно. Я с большим интересом прочитал книгу «Князь-бунтовщик». О скольких замечательных людях я тогда узнал. О народовольцах, революционерах.

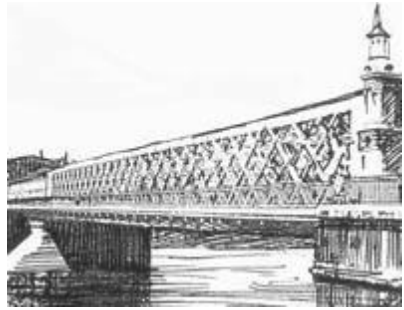
Вслед за этой книгой стал с особым интересом читать разные исторические и наши и иностранные книги. Вроде «Овода», «Пугачевщины», «Степана Разина» и многие другие. Но Кропоткин просто поразил меня: крупный ученый, географ, великий путешественник с головой ушел в революцию. И не просто влился в ряды «бунтовщиков», а со временем возглавил целое направление, зародившееся еще за границей. Он продолжил дело

Прудона, Бакунина, Реклю, других. Учение его не было обычным анархизмом, который почему-то по недоразумению связывают только с именем бандита батьки Махно времен гражданской войны, оно было, может быть, немного наивным и идеалистическим, но оно было искренним и привлекало к себе многих. Потому что проповедовало всеобщее равенство без какого либо принуждения в виде государственной машины. Конечно, тут много было нереального, любой слом государства не мог произойти внезапно. Но сама мысль о полной личной и общественной свободе увлекала. Были в этом учении и разные направления — «анархо-синдикализм», «анархо-коммунизм». Наш папа был горячим и искренним поклонником и последователем Кропоткина. После разрыва с эсерами, к которым он примыкал в студенческие годы, в период ссылки он проникся учением Кропоткина и объявил себя его сторонником. Когда Кропоткин умер, папа входил в комиссию по организации его похорон. Понятно, смерть этого выдающегося ученого и революционера потрясла его и не прошла незамеченной в нашей семье. Похоронен Кропоткин был на Новодевичьем кладбище недалеко от могилы моего дедушки, куда мы все ходили. И всегда на обратном пути останавливались у темно-серой надгробной плиты могилы Кропоткина.

Ленин ценил Кропоткина. И, наверное, поэтому его именем были названы и улица, и переулок, и набережная, носящие до этого название Пречистенских.

Часть лицейского квартала огорожена высоким забором. Тут будут строить наземный вестибюль станции метрополитена «Парк культуры», а сейчас там высится башня шахты. Сам тоннель, как я слышал, будут строить открытым способом прямо на улице Остоженка. Ее уже перегородили забором, готовятся, видно, к началу работ.

Кропоткинская набережная имеет невысокие земляные берега. Уже сейчас начинаются подготовительные работы по сооружению новых набережных. К введению в строй строящегося канала Волга-Москва набережные должны одеться в гранит. Но это произойдет только к 1937 году, когда в Москву-реку польются волжские воды. К этому времени должен быть сооружен новый Крымский мост чуть в стороне от существующего, по которому сейчас медленно проходит наша «Букашка».



Старый мост необычен. Он весь, как одна ферма сложного, словно кружевного, переплетения металлических стержней. Он как прозрачный решетчатый тоннель. Въезд и выезд у него были оформлены тоже особенно, как триумфальные ворота. Одним словом, интересный мост. Наверное, в свое время, когда он только появился, он был чудом инженерной мысли, как башня Шухова. А сейчас он уже стал тесным для все увеличивающихся потоков транспорта. Стал не удовлетворять их.

На Садовом кольце это особенно чувствуется. В узком горлышке Крымского моста движение очень затруднено. Одновременно через мост может пройти только в одну или в другую сторону трамвай по единственной колее, и по бокам еще по ряду машин или телег. И это все. Худо.

За Крымским мостом до 1928 года была размещена Первая Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. Ее создали на огромном пустыре и свалках, превратив в очень благоустроенный и ухоженный кусок города. Вот, где всем интересно побывать! После ее закрытия и создания на ее месте первого в Москве Парка культуры и отдыха, многое из построек Выставки сохранилось и вошло в застройку парка.

По Крымскому валу мы поднимаемся к Калужской площади.

Она совсем небольшая. С одной стороны закругленная, с другой на нее выходит угол, образованный вливающимися в площадь улицами Большой Якиманкой и Житной. В этом углу, чуть в глубине квартала стоит возвышающаяся над всеми окружающими невысокими домами большая церковь Казанской Божьей матери с огромным яйцеобразным куполом. Только теперь это вовсе никакая не церковь, а кинотеатр «Авангард».

Под куполом храма укреплена огромная вывеска кинотеатра, видная издалека и привлекающая внимание. Но зрительный зал в приспособленном под него помещением храма все-таки не очень удобный, неуютный. И вообще при посещении этого кинотеатра не создается впечатления, что ты идешь смотреть фильмы. Все-таки остается ощущение церковного здания со всеми его особенностями.

Тут между Калужской и Серпуховской площадями трамваи ходят почти параллельно — и по Житной, но это те, что заворачивают на Калужскую улицу. И по Коровьему валу, по которому наш трамвай выскакивает на Серпуховскую площадь. Квартальчик между ними узкий.

К Серпуховской площади из центра через Замоскворечье сходятся сразу три улицы — Большая Полянка, Большая Ордынка и Пятницкая, а на юг отходят две — Большая Серпуховская и бывшая Малая Серпуховская, а теперь Люсиновская. На площади недавно построен большой современный универмаг, сверкающий сплошным остеклением. С этой очень сложной для движения транспорта площади наш трамвай выскакивает на улицу с очень смешным названием — Зацепский вал. Южнее рядом с ним проходит улица с еще более чудным названием — Зацепа. Звучит это так, будто бы тут в давние времена кого-то за что-то зацепляли. На самом же деле тут на границе города были какие-то цепи ограждения, чтобы не пропускать в город без проверки или уплаты пошлины. Недаром рядом находится улица с названием Мытная. Мыто — это дань, плата за провоз в город

товара. Но все равно название Зацепа смешное, хоть и историческое.

Около Павелецкого вокзала очень тесно. Сам вокзал спрятался где-то за Зацепским рынком, а люди толкутся не только на рынке, но и на самой улице. А все это место тоже зовется в народе «Зацепа». Между Обводным каналом и Москвой-рекой на южной стороне стоит большая фабрика-прачечная. Сюда я вожу белье для стирки. Место очень знакомое.

Через реку перекинут очень длинный мост. Краснохолмский. Длиннее, чем Крымский. А за ним подъем на Таганскую гору. Очень запутан переезд через Таганские площади. Сначала, после узкой Народной улицы, мы выскакиваем на Нижнюю Таганскую площадь, а потом вынуждены объезжать широкое старинное двухэтажное торговое здание со множеством магазинов и лавочек, чтобы попасть на Верхнюю Таганскую площадь. Напротив торговых рядов яркие афиши кричат, что здесь кинотеатр «Таганский». И огромное количество вывесок, больших и малых. Все дома от этого просто пестрые какие-то, и я не сказал бы, что красивые. Больше всего бросаются глаза облезлые стены домов, мутные, дано не мытые окна. Какая-то запущенность, несмотря на оживленность движения и толпы народа.

На углу Верхней Радищевской улицы и Земляного вала стоит небольшое здание драматического театра. А напротив него высится большая красная с белыми наличниками пятикупольная церковь. Церковь-то красивая, а названа очень странно — Николы на Болвановке. Это оттого, что раньше Верхняя Радищевская называлась Болвановкой. Почему, не знаю. Наверное, обидно жить на улице с таким названием. По довольно крутой улице, которая называется Земляной вал, спускаемся к Яузе. Река эта узкая и мелкая. Даже какие-то сваи или столбы торчат то тут, то там. Вода грязная, мутная, берега земляные с невысокими деревянными перилами. И это в центре города. Грустно смотреть.

А за Яузой справа сразу же начинается большой парк. С целым дворцом, павильонами, беседками. Почему-то место это называется «Высокие горы». А гор-то и нет. Просто довольно крутой берег, на который наш трамвай еле-еле взбирается, подъезжая к Курскому вокзалу.

Этот вокзал тоже скрывается за кварталом с невысокими домами-лавчонками. Очень это неудобно для отъезжающих из Москвы пассажиров. Далеко идти до вокзала. А ведь тут сразу два направления — на Нижний Новгород, а через него на Урал и дальше, и на Курск к югу — на Кавказ, в Крым. Проходы к вокзалу забиты всякими торговцами и просто снующими туда и сюда людьми. Полно извозчиков, подвод, тележек, тачек. Идет торговля всем, чем угодно, прямо с рук. Есть, правда, несколько киосков, но этого явно недостаточно. А людям надо побыстрее.

Сам вокзал невысокий, тесноватый. Наверное, когда строился, движения поездов было меньше, пассажиров тоже меньше, вот он и был такой небольшой. Если бы не теснотища в нем и вокруг него, то был бы вполне приличным.

Дальше мы попадаем на интересную площадь, посреди которой стоит красивая арка — «Красные ворота». Она была построена страшно давно, еще при дочери Петра I-го Елизавете. Говорят, что до этой каменной арки тут были деревянные — одни в честь Петра, а другие в честь Елизаветы. До нашего времени дошла эта великолепная арка с большим золотым солнцем в центре. Очень красивая!

Сбоку большое место огорожено деревянным забором. За забором куча битого кирпича. Говорят, что здесь была какая-то церковь, но ее снесли, а мусор еще не убрали. Убирают, и потому тут полно подвод.

Тут тоже собираются строить станцию метрополитена. На праздничной первомайской выставке я видел проект вестибюля этой станции. Большой полукруглый вход с уменьшающимися арками. Очень необычно.

Едем дальше. Тут, несмотря на название «Садовые», никаких садов нет. Дома по улицам все старые, какие-то неухоженные. Давно, видно, не ремонтировались. Краска облезла. Кое-где вообще покривившиеся дома стоят. А новые все-таки строятся. То с той, то с другой стороны улиц ведется строительство. За счет сноса старья.

Поэтому появились заборы, за которыми видны строительные леса. По этим лесам перебегают человечки с кирпичами за спиной. Кирпичи наложены на специальные приспособления. «Козлами» они называются. Через плечи изогнутые ручки перекинуты, на спине доска с полкой. На полку можно много кирпичей положить. Тяжело, наверное. Но носят, и даже бегают с этой тяжелой ношей по лесам. Строительство идет без большой механизации. Только очень уж ответственные здания строятся с кранами-лебедками, или иногда даже с башенными. На Садовой-Черногрязской, например, строят огромный дом с башней и очень

интересными сдвоенными колонами. А на Садовой-Спасской, на углу Орликова переулка совсем необычный дом строится — с большим закругленным выступом и с окнами не обычными, а вроде лент. Некоторые ленты даже за угол дома заворачивают. С такими же окнами-лентами и около нашей Кудринки строят. И на Мясницкой. А там вообще удивительный дом будет — на столбах. Писали в газетах, что там под домом автомобили стоять будут. Такого еще не бывало. И было там написано еще, что проект этого дома делал какой-то знаменитый иностранный архитектор. Корбюзье. Фамилия у него чудная, трудно запомнить, но я все-таки запомнил. А внешне эти новые дома совсем будут непохожи на обычные наши.

Проектируются они архитекторами, которых зовут «конструктивистами». Это теперь такая новая мода в строительстве. Говорят, что она больше соответствуют новой эпохе, новому времени. Возможно, но мне кажутся такие дома (а их уже понастроили, например, на Усачевке, куда я завернул, когда ходил на кладбище в Новодевичий монастырь, в других местах) какими-то скучными и однообразными. Но считается, что в этом лаконизме весь смысл.

В конце Садовой-Спасской, почти напротив Сухаревой башни стоит больница скорой помощи, или, как ее называют, «Склифосовка», то есть Больница имени Склифосовского. Это замечательное здание, развернутое полукругом к улице. В центре красивая полукруглая открытая сверху колоннада, а наверху великолепный купол над домовой церковью. Про это здание я часто и много слышал разных рассказов. И что называлось оно раньше Странноприимным домом, потому что предназначалось для благотворительных целей, что построил его граф Шереметьев в память об умершей жене, бывшей крепостной актрисе красавице

Прасковьи Жемчуговой. Одно это заставляло как-то внимательнее и уважительнее рассматривать это красивое здание.

Около 1-ой Мещанской прямо посредине перекрестка стоит высоченная и красивая красная кирпичная башня с белыми узорными наличниками у окон и с высоким шатром. Называется она Сухаревой, по имени полковника стрелецкого полка Сухарева, не изменившего Петру во время стрелецких волнений. Построили ее еще при Петре I-ом. Значит, она старше «Красных ворот». В ней сейчас находится Музей коммунального хозяйства Москвы. А раньше была морская навигационная школа. Это при Петре еще было. Стоит башня на самом перекрестке. И даже через ее арочные ворота трамваи проходят. Со Сретенки на 1-ую Мещанскую и дальше к Ржевскому вокзалу. На этом перекрестке движение вообще затруднено. Не только из-за башни, ее еще можно как-то объехать, а из-за огромных толп народа. В этой сутолоке не разобраться.

Ведь тут начинается знаменитая «Сухаревка» — огромный рынок-толкучка. Самый большой и самый знаменитый в Москве. Тут, говорят, можно купить все, что угодно. Ну, и ворья всякого тут хоть отбавляй. Одному даже опасно сюда ходить. Народ по улицам снует туда и сюда. Куда ни посмотришь, все переполнено народом. Вагоновожатый отчаянно трезвонит, требует пропустить, а люди очень неохотно отходят. Еле-еле двигаемся и все время останавливаемся.

После Сухаревки спускаемся к Самотеке. Тут когда-то река была, Неглинка. Теперь она под землей в трубе. Около Самотечной площади интересный кинотеатр стоит. «Форум» называется. Название не наше, римское. Переводится, как центральная площадь для народных собраний. Почему кинотеатр называть площадью, не знаю. Вот «Колизей», это куда ни шло, все-таки в Риме Колизей это большое цирковое зрелищное здание, а «Форум» по смыслу не подходит. Если же просто, как красивым иностранным словом его решили назвать, то может и ничего. У нас очень любят красивые слова.

Дальше по Садовой-Каретной улице проскакиваем к Старой Триумфальной площади. Здесь перекресток с Тверской. Вернее, к центру идет Тверская, а к периферии к Белорусскому (бывшему Александровскому) вокзалу идет 1-я Тверская-Ямская. Рассказывают, что Триумфальной эта площадь называется потому, что посреди нее стояли в разное время разные триумфальные арки около Тверских ворот Земляного города. Для торжественной встречи разных важных особ из Петербурга. А Старой она называется потому, что была еще Новая Триумфальная площадь около Тверской заставы, где теперь вокзал стоит. Только теперь эту площадь Триумфальной не называют, а просто Тверской заставой. А там ведь и сейчас стоит красивая каменная арка с бронзовыми фигурами. В честь победы

над Наполеоном. А так как площадь с аркой называется Тверской заставой, то у Старой Триумфальной незаметно слово «Старая» пропало. А арки никакой нет.

Все называют ее по-старому «Триумфальной». Может быть, так и лучше. А площадь эта и без арки интересная. Справа большой дом «Межрабпомфильма». Рядом здание чуть пониже. У него огромный, чуть ли не на весь фасад стеклянный витраж. Тут размещен кинотеатр «Горн». Дальше театр с чудным названием «Экспериментальный». Почему такое, не знаю. Немного позднее тут разместился театр сатиры. А слева на другой стороне площади кинотеатр «Зеркальный», в котором внутри все стены из зеркал. Удивительно! Я там часто бывал. Очень здорово получается, когда в зеркальных стенах видишь перевернутое задом наперед изображение кадров. Говорят, что скоро на этом месте будут строить театр знаменитому режиссеру Мейерхольду. За «Зеркальным» очень занятное здание. Оно называется «Мюзик-холл». Но почему-то сейчас здесь размещен цирк. Этот цирк не похож на настоящий, что на Цветном бульваре. Тут нет никакой арены, такая же сцена, как в обычных театрах. Я тут смотрел знаменитого фокусника Кио. Его еще называли иллюзионистом. Все равно, интересно. А за цирком сад «Аквариум». Тут начинается Большая Садовая улица, последняя перед нашей Садовой-Кудринской. На углу Владимиро-Долгоруковской улицы строится новый завод. Карандаши на нем будут делать. И строит его американец-миллионер Хаммер. Что ж, карандаши «Хаммер», пожалуй, самые лучшие. Как «Фабер», или «Кох-и-нур» Только, неужели этот завод будет капиталистическим, будет самому Хаммеру принадлежать?

А улицы тут с большими садами перед домиками или с палисадниками перед более крупными домами. У каждого дома свой забор, свои решетки, ворота. Из-за этого улица узкая с узкими тротуарами. А зелени вокруг полно. Ведь Садовые!

Ближе к Кудринке справа тоже новостройки. Строят здание какое-то длиннющее и тоже с окнами-лентами. Верно, опять для какого-нибудь крупного учреждения, вроде наркомата. За ним идет Софийская детская больница, в которой работает знаменитый на всю Москву детский доктор Филатов. Поэтому все вокруг и называют больницу «Филатовской» по его имени.

А рядом в соседнем доме до революции было реальное училище. Вот название какое чудное! Реальное, а остальные что ли нереальные, что ли? В нем учился мой папа. А что здесь теперь, не понятно. Никаких вывесок нет. А неподалеку строится очень интересное здание с высоким куполом, похожим на подрезанное снизу перевернутое яйцо. Это будет Планетарий.

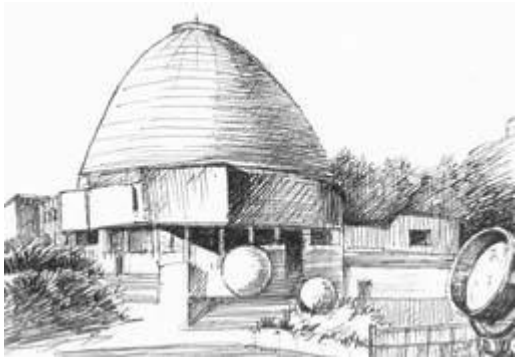
Такого еще не бывало. Там будут звездное небо показывать. Юрка Модель, мой одноклассник, который всегда все знает лучше всех, говорит, что звезды и планеты там будут двигаться, каждая по своей орбите, как на настоящем небе, только быстрее, чтобы успеть показать. И всякие затмения будут — и солнечное и лунное. Скорей бы построили. Очень хочется посмотреть. Из-за этого строительства даже Биостанцию закрыли, куда мы с учительницей по биологии не раз ходили на экскурсии.

Говорят, сюда протянут даже зоопарк из-за Большой Грузинской. Он займет почти весь парк старого Вдовьего дома. До самого нашего Садового кольца. Отсюда в зоопарк будет еще один вход. Это хорошо. И будет, говорят, в новом зоопарке все по-иному. Не так, как в старом, где звери в клетках сидят. В новом я видел, что большущую гору наваливают.

Хотел получше посмотреть, но не пустили. И говорят, что звери тут на свободе гулять будут. Как это будет, не понимаю. Неужели, прямо по парку, по дорожкам и по этой горе? Львы, тигры, леопарды вместе с оленями и верблюдами? Чудно как-то. Не верится. Верно, кроме хищных.

У Вдовьего дома на Кудринке наше путешествие закончилось, и мы, соскочив с нашей прекрасной подножки, побежали по домам. Длилась кругосветка долго, больше часа. Да и на остановках приходилось иногда соскакивать. Мало ли что, вдруг милиционер появится, или еще что.

Трамвай наш «Букашка» так и крутится, так и крутится по Садовому кольцу. Правда, есть около Смоленской-Сенной у него конечная остановка (как будто у кольца может быть конец!). Тут меняются вагоновожатые и кондуктора. Или отдыхают. Поэтому лучше уж перебежать к стоящим впереди вагонам, ждущим очередную смену бригады. Правда, пока вагоны стоят, можно и на рыночную суматоху посмотреть. Я же говорил, что тут большая толкучка, как на Сухаревке.

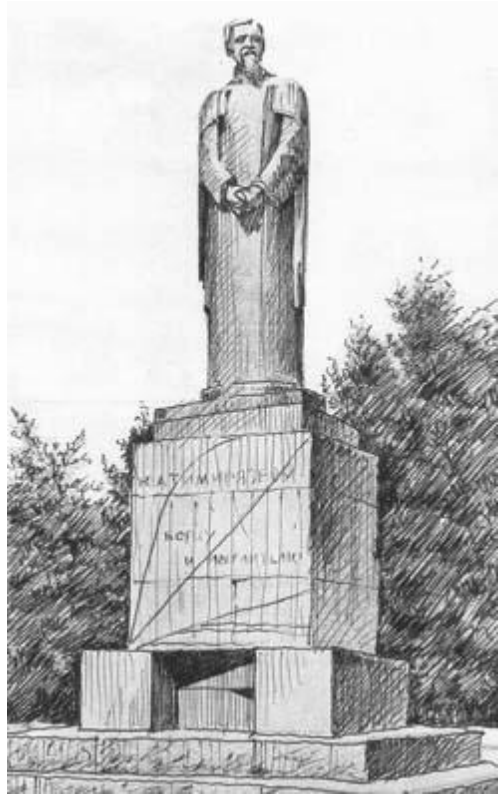


Вот и рассказал я о поездке на трамвайной подножке. А можно ведь еще поехать и на буфере, что сзади трамвая торчит. Сидишь себе на самом буфере, крепко держишься за «колбасу» и сам себе кум королю. А «колбаса» это толстый прорезиненный шланг для подключения электричества в задние вагоны. Внутри шланга электропровода. Очень удобная штука, чтобы за нее держаться. Но обзор оттуда хуже, чем с площадки.

«Малая кругосветка» («Аннушка»)

Кроме «Большой кругосветки» есть еще и «Малая» по Бульварному кольцу на трамвае «А» и не менее интересная, чем на «Букашке» по Садовому. Даже, пожалуй, лучше. И намного короче. Это кольцо проходит по местам, где находились стены Белого города, снесенные еще давно-давно, при царях. И тогда начали делать бульвары. Вот и называется теперь это кольцо Бульварным.

Мы начинаем свое путешествие от Никитских ворот. Начальная для нашего путешествия остановка трамвая «А», или, как его называли ласково, «Аннушки» была в самом начале Тверского бульвара. Здесь стоит памятник академику Тимирязеву. Раньше на этом месте был жилой дом с аптекой, но его давно уже сломали, и я его не помню. На моей памяти тут всегда стоял строгий гранитный Тимирязев. А напротив него, на другой стороне площади тоже стоит дом прямо в торце Никитского бульвара. В первом этаже этого дома теперь тоже размещена аптека вместо снесенной вместе с домом, что был напротив. А в этом раньше была лечебница. Верхние этажи были жилые. Когда были оба дома, стоящие на торцах бульваров, площади, как таковой, все-таки не было. Был перекресток на месте старых крепостных ворот Белого города.



Когда снесли один дом и поставили на Тверском бульваре памятник, то получилось нечто среднее между площадью и перекрестком.

Открылось какое-то пространство. Не стало просто перекрестка, каким-то образом образовалось нечто похожее на площадь, окруженную с трех сторон двух-трехэтажными домами. Четвертой стороной было начало бульвара с памятником.

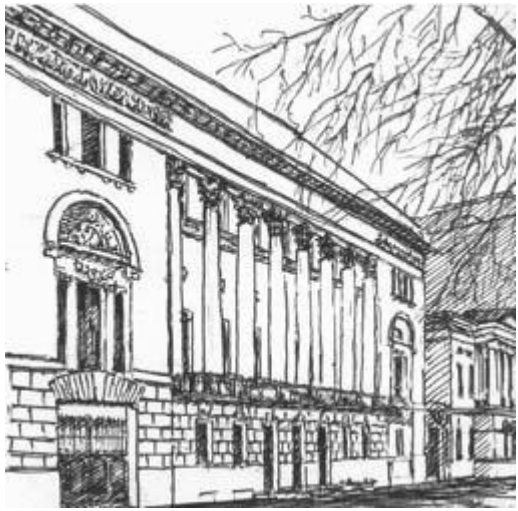
Напротив этого дома на углу Большой Никитской улицы, идущей к центру, стоит здание, в котором находятся кинотеатр «Унион» и очень хорошее фотоателье. Кинотеатр не очень удобен, тесен, с очень маленьким фойе и с выходом из кинозала прямо на узкий проезд через очень узкую дверь на простую железную лестницу. Как же было неприятно выходить на нее с толпой зрителей.

Кинотеатр был совсем недалеко от школы, и было очень удобно после занятий попасть на сеанс какого-нибудь боевика. Большая Никитская вообще была интересна такими замечательными зданиями, как Театр Революции, Дом культуры медработников, Консерватория, Зоологический музей и Театр МГУ — Московского Государственного Университета. Но улица уходила от площади к центру, а наше путешествие должно проходить по кольцу. Поэтому вернемся на остановку трамвая и подождем очередную «Аннушку», чтобы поехать мимо Никитского бульвара к Арбатской площади. Мы минуем некрасивый дом, поставленный в 1928 году в начале Никитского бульвара и заслонившего собой красивую церковь Федора Студита начала XVII века.

За этим домом стоит краснокирпичное здание Фармацевтического техникума, а за ним начинаются небольшие особнячки, среди которых находится усадьба, где жил и скончался Н. В. Гоголь. Усадьба состояла из небольших флигельков при главном здании, стоявшем в глубине небольшого двора. Флигели очень скромные.

А на другой стороне бульвара ближе к Никитским воротам стоят два красивых особняка послепожарного времени, принадлежавших семье известного декабриста подполковника Михаила Лунина. Его и называют «Дом Лунина». Большое впечатление производят колоннада на фасаде и ажурная чугунная ограда балкона. На доме много лепных украшений. Очень красиво получается, когда на желтом фоне белая лепнина.

Обращает внимание, что во многие узоры вплетены лиры. Очевидно, это указывает на какие-то музыкальные наклонности владельцев этого дома Особняки Лунина отделены от особняка «Дома Печати» огромным, нарушившим весь масштаб застройки, доходным домом.



Этот небольшой особняк несколько отступает от металлической ограды в глубину двора. Дом этот знаменит тем, что тут бывали Александр Блок, Сергей Есенин, Владимир Маяковский. О проходивших тут вечерах поэзии, о выступлениях на них разных поэтов интересно рассказывал нам Иван Иванович, наш учитель литературы.

Никитский бульвар, со стороны площади Арбатских ворот, так же как и со стороны Никитских ворот перегорожен трехэтажным домом, выходящим на площадь хотя и узким, но главным фасадом с небольшим фигурным аттиком. Совсем близко от дома по оси улицы Воздвиженка стояла до недавнего времени церковь святых Бориса и Глеба, «что на Арбате». Куполок с крестом на ее верхушке был виден даже от нашей Кудринки через крыши домов. Проезд между нею и домом на бульваре был очень узкий. Рядом с трамвайной линией узкая полоска проезжей части. Это совсем почти так, как у нас, на проездах от площади к Новинскому бульвару. Но теперь церковь эту, как и многие другие, сносят. Место огорожено высоким забором. Внутри вся площадка загромождена строительным мусором и битым кирпичом. Говорят, что и дом на бульваре тоже снесут. Что-то не верится. Зачем его сносить? Стоят же такие дома на других бульварах. У нас, например, стоит наш дом на Новинском бульваре и никому совсем не мешает.

Сразу за церковью на Воздвиженке есть небольшой переулок. Нижнекисловский. Отойдя от улицы, он круто сворачивает направо и идет параллельно Воздвиженке. От его поворота криво, отвечая изгибу Никитского бульвара идет Калашный переулок. А между ними образовался угол. Так на этом углу, смотрящем прямо на Арбатскую площадь, поставили очень интересный новый дом. Дом высокий из разряда «московских небоскребов», так как выше него, кроме «Дома Нирнзее», пожалуй, в Москве пока ничего еще нет.

Дом этот называется «Домом Моссельпрома» Он возвышается над соседними. У него гладкие стены, а на самом углу башня. Задний фасад вообще замечательный. Все простенки между окнами расписаны.

Они заполнены вертикальными надписями: «Нигде кроме, как в Моссельпроме». Это слова Маяковского. Я не знаю в Москве других домов, на которых были бы подобные рекламы в стихах. Только тут. Вот какая достопримечательность появилась в Москве. На другой стороне Воздвиженки расположен участок, на котором стоит кинотаетр «Художественный». Он только сейчас стал так называться. А то все время был «Первым Совкино». По новому звучит значительно лучше. Все-таки кинотеатр.

Здесь показывают все фильмы раньше всех, первым экраном. Здесь я смотрел «Броненосец «Потемкин». Так тогда вместо афиши на стене был выстроен большой макет носа броненосца вместе с пушечной башней, с мачтой. Этот нос броненосца далеко выходил на улицу, нависал над тротуаром. А у входа, что был сбоку, стояли не контролеры, а матросы в открытых бушлатах, тельняшках и с бескозырками. Очереди на сеансы были громадные. Но мы все-таки каким-то образом протискивались. Я несколько раз смотрел этот фильм. А еще здесь, впрочем, как и во многих других кинотеатрах, в фойе дают концерты. Дополнительно к сеансу. Артисты поют, играют на разных инструментах. И все за те же деньги. Без доплаты. А в самом зале, возле экрана сидит за роялем пианист, которого называют тапер, и все время играет. Наверное, импровизирует. Как он угадывает, какую музыку давать по ходу сеанса, ума не приложу. Но все у него получается. Когда надо грустное, то и музыка такая, когда что-нибудь бурное, то и музыка веселая. Особенно здорово, когда в фильме конница несется с саблями наголо. Вот тогда и «Марш Буденного» играют и что-нибудь на него похожее, задорное.

А в некоторых кинотеатрах вместо рояля играет баянист, а иногда даже три баяниста. Так и писали в афишах: «Играет трио баянистов». Позднее и таперы и баянисты из кинотеатров пропали. Началась эра звукового кино. Но концерты перед началом сеансов в некоторых кинотеатрах еще долго оставались. Это очень привлекало зрителей.

На Арбатской площади сразу за кинотеатром, чуть в глубине недавно построили большой деревянный крытый «Колхозный рынок». Это такая мода теперь пошла, строить в разных районах Москвы подобные колхозные рынки. Сооружение это просторное, а главное, крытое. В большом светлом помещении рядами стоят торговые прилавки. Пол асфальтовый, часто поливается водой из брандспойта. Столы каменные, полированные, чисто вымытые. Это хорошо. Не то что на прошлых открытых рынках и базарах. Там за чистотой почти не следили. Однако, подход к Арбатскому

колхозному рынку сейчас затруднен из-за того, что прямо перед его главным входом разместилась большая строительная площадка, огороженная высоким забором, на котором красуются огромные буквы «М» в кругах. Это строительство гордость москвичей. Ведь это сооружается первая в Союзе подземная железная дорога — метрополитен.

За рынком ближе к улице Знаменке стоит среди низких двухэтажных домов церковь святого Тихона чудотворца. А на другой стороне Знаменки красуется большое здание Реввоенсовета и Наркомвоенмора. Здание торжественное, построенное еще до революции для военного училища. С большой колоннадой. На заборе со стороны Пречистенского бульвара на высокой каменной ограде укреплена Памятная доска, посвященная Великой Французской революции. Позднее ее почему-то сняли.

С правой стороны площади стоит на углу Арбата большой ресторан «Прага» с крышей-садом. Такое в Москве редко можно встретить. Да, пожалуй, и нигде больше. Есть крыша-сад на единственном в Москве небоскребе — доме Нирнзее на Большом Гнездниковском. Так там только для самих жильцов. Там живет мальчик из нашей группы в детском саду Юра Лебедев. Так он рассказывал про эту крышу, где они играли.

А на «Праге» по вечерам крыша освещена. За арками ограждения видны листья пальм, сидящие под большими пестрыми зонтами люди, слышна музыка. В первом этаже кинотеатр. Тоже «Прага». Позже этот кинотеатр стал называться «Наука и техника». Соответственно, изменился и профиль фильмов. В соседнем с «Прагой» домом в первом этаже самые, пожалуй, интересные в Москве магазины. Один называется «Искусство». Это книжный магазин. А кроме того, тут продают и картины, и гравюры, и плакаты и открытки на все возможные темы. Я страшно люблю копаться в грудах этих открыток. Соседом у «Искусства» на углу с Годеиновским переулком магазин «Канцелярские принадлежности». Тут, в отличие от многих подобных, всегда имеется большой выбор разной бумаги, всевозможных карандашей, красок, туши. Понятно, что я очень люблю потолкаться и в этом магазине. В переулке расположена швейная фабрика «Красная швея». В самом центре города стоит фабрика. Она для нашей школы не чужая, она наш шеф. В чем состоит шефство, не знаю, но, кажется, они помогают нам и с летним лагерем, и с ремонтом.

На другой стороне Арбата все первые этажи тоже торговые. На площади за рядом однообразных невысоких домов, образующих внешнюю ее застройку, опять начинается бульвар, но теперь уже Пречистенский, или, по-новому, с 1924 года, Гоголевский.

Многие люди еще, видно, не привыкли к новому названию, и продолжают называть бульвар Пречистенским. Там у начала бульвара на пьедестале Гоголь сидит. Нахохлившийся такой, печальный. Недаром однажды в журнале «Огонек» под фотографией памятника была такая подпись-цитата: «Скучно жить на этом свете, господа».

Я, конечно, не все еще читал у Гоголя, но как здорово написан «Тарас Бульба», какие веселые пьесы «Женитьба» и

«Ревизор». Почему же здесь сидит такой печальный? У его ног на большом черном пьедестале расположены всякие смешные фигурки. Целая вереница, один за другим, как в очереди. Среди них всякие есть, и в цилиндрах и во фраках. Много почему-то толстопузых. Это герои его книг. Там даже Тарас Бульба есть с огромными усищами и в папахе.

Гоголевский бульвар отличается от других, кроме Яузского, тем, что он проходит по косогору. Один его внешний проезд со стороны центра более высокий, и на бульвар отходит озелененный откос с лестницами, идущими с верхнего уровня. А другой проезд в сторону Земляного города расположен ниже и отделен от бульвара подпорной стенкой. И на этот проезд с бульвара надо спускаться по удобным гранитным лестницам.

А в конце бульвара до последнего времени стояла церковь Покрова, «что на Грязи», как ее обычно называли. Настоящее ее название было церковь «Сошествия святого Духа». Она стояла в торце бульвара и закрывала выход на площадь. Но ее уже сносят. Стоит забор с буквой «М». Тут будет вестибюль станции метро. И так как он будет непосредственно связан со Дворцом Советов, который будут строить на месте Храма Христа Спасителя, то название у этой станции будет «Дворец Советов». А Храм уже сломали. Сейчас вывозят строительный мусор. И под вестибюль станции место готовят.

После бульвара трамвай проходит около огороженного участка, где находился этот храм. Сейчас здесь огромная куча кирпича. Кое-где видны целые кирпичные глыбы. Они не разрушились при взрыве. Их сейчас крошат и вывозят. Трамвай вынужден пережидать пока из ворот выедут грузовики, груженные кирпичом.

Наконец движение продолжилось, и наш трамвай сворачивает на набережную Москвы-реки. Тут он движется вдоль нее вниз по течению реки вдоль каменных парапетов и выложенных каменными плитами берегов. Такие набережные только перед Храмом, Кремлем и Китай городом были. А то все берега простые земляные не гранитные, и перила деревянные. Но тут место центральное, важное. Тут все по-другому. Мы едем мимо самого Кремля. Вдоль южной стены со множеством башен.

Между трамвайной линией и стенами Кремля широкая озелененная полоса, заросшая деревьями, засаженная газоном. Получается очень красиво. И здесь просто приятно погулять.

Темно-красные кирпичные стены и башни, черные стволы и зеленые кроны деревьев. Верхушки стен и башен почти не видны. Но все вокруг такое торжественное, величавое. Одним словом — Кремль. Наверное, и с другой стороны реки эта стена за рядами деревьев выглядит очень здорово. И не просто стена, а вся панорама Кремля с дворцом, соборами и Иваном Великим.

Китай-город такого впечатления не производит. Стены низкие, грязно-серые. В некоторых местах к ним прилепились какие-то пристроечки, сарайчики, лавчонки. Никакой торжественности, как у златоглавого Кремля. Непонятно, почему такое может быть рядом с Кремлем.

За Китай-городом проезжаем вдоль «Дворца Труда», который раньше как-то очень странно назывался «Воспитательным домом». Почему?

Он вообще немного странный, этот Воспитательный дом. Его повышенная часть, выглядящая главной, находится не по середине здания, а сбоку. Она увенчана высоким куполом с тонким шпилем. Впечатление такое, что здание недостроено, что дом должен быть симметричным. Я интересовался и узнал, что в самом деле дом не достроен. Выглядит это очень странно.

На другом берегу застройка почти на всем протяжении от Каменного до Устьинского моста примерно одинакова. Дома по высоте двух или трехэтажные. Весь берег застроен ровно. Производят же эти дома очень грустное впечатление. Какие-то неухоженные, облезлые, даже с облупившейся краской и штукатуркой.

И это напротив самого Кремля. Странно и обидно за свой город. Ведь это же самое центральное место в городе. Около реки. Кремль не случайно поставлен лицом к реке. Со всех других сторон он закрыт крепостными стенами с башнями. Даже на Красную площадь он не выходит так парадно, как на реку. Так почему же противоположная Кремлю сторона реки так запущена. Сами дома и по своей высоте, по общему строю как раз очень удачны, они не спорят с Кремлем, а еще более подчеркивают его главенство на этой излучине реки. Так неужели они недостойны того, чтобы за ними ухаживали, чтобы хоть отремонтировали хотя бы? Только одно здание выглядит нарядно. Оно стоит с отступом от линии застройки за купой деревьев, за красивой металлической решеткой. Это английское посольство. Тут все время флаг Великобритании полощется на мачте. Среди застройки стоит очень тонкая колокольня церкви святой Софии. Она совсем не похожа на остальные колокольни Москвы. А застройка на том берегу какая-то тихая, умиротворенная. Почти ничто не нарушает покоя этой фасадной части старого Замоскворечья.

Только уже за Москворецким мостом на берегу стоит «МОГЭС» — городская электростанция. Из ее расширяющихся кверху не очень высоких труб валит густой черный дым. Он заволакивает все вокруг, портит все впечатление от панорамы, губит ее. Кто ее поставил тут?

Около невысокого Устьинского моста сворачиваем влево по узкой улице к Яузским воротам. Весь квартал между улицей и рекой Яузой какой-то жалкий, неблагоустроенный. Дома даже кривыми кажутся. Трубы какие-то дымят. Верно, какие-то небольшие заводики тут расположены. А за таким некрасивым кварталом вдруг вырастает красавица колокольня церкви Троицы на Серебряниках.

Она стоит на Яузской улице и своим видом украшает все вокруг. Вид ее необычен хотя бы потому что она выкрашена необычно: в интенсивный голубой цвет. Очень стройная и величественная колокольня. Сама церковь притаилась за ней в Серебряническом переулке. Крыша у нее, как и купол на колокольне черного цвета, что, думаю, совсем для Москвы непривычно. Для Москвы характерно золото куполов и крашенные зеленой краской крыши.

А слева на горке виднеется еще одна церковь. Это церковь Петра и Павла. И переулок там тоже называется Петропавловским. В отличие от Троицы эта церковь вся красная с белым. Яркая, нарядная. Она стоит на склоне Ивановской горки. От нее, наверное, вид на реку открывается изумительный.

От Яузских ворот опять начались бульвары. Сначала очень узенький и кривой Яузский, потом Покровский. Только, не доезжая Покровских ворот, трамвай резко сворачивает влево и тут же направо. Он должен обогнуть большой двор перед Покровскими казармами. Тут за забором перед зданием с колоннами находится сам двор, или как его военные называют, плац казарм. И его нужно обогнуть, чтобы попасть на площадь

Покровских ворот.

Ворот, конечно, как и по всему Бульварному кольцу, нет. Это название осталось от стен Белого города. Площадь сама по себе совсем не интересная. Даже не площадь а узкий перекресток. В торцах Покровского и Чистопрудного бульваров стоят дома, как и на Никитском. В одном из этих домов на втором этаже есть кинотеатр «Аврора». Театрик-то маленький. Но зато в нем есть тир, и можно пострелять по разным фигуркам из пневматического ружья.

Мы иногда специально ездили сюда, чтобы пострелять. И еще я любил приходить сюда, чтобы поупражняться в знании винтовки. На стене около тира висел большой плакат с изображением разреза винтовки 1891/1930 годов. Около каждой детали укреплена кнопка. На списке этих деталей тоже кнопки. Сверху укреплена маленькая лампочка и еще внизу этого плаката свисают длинные провода с металлическими наконечниками. Надо один наконечник прижать к кружочку какой-нибудь детали, а другим прижаться к соответствующей надписи. Если угадал правильно, то лампочка зажигается, если ошибся, то лампочка не горит. Очень здорово. Я довольно хорошо знал винтовку, и всегда безошибочно находил названия деталей. Это у нас в пионерском отряде изучали винтовку, учились разбирать затвор. Даже с завязанными глазами.

За Покровскими воротами опять бульвары: сначала Чистопрудный с большим прудом, на котором летом можно увидеть пару черных лебедей и массу уток.

На пруду много катающихся на лодках. Зимой здесь большой каток, а по вечерами и зимой и летом играет духовой оркестр. Я даже где-то слышал, что раньше это пруд назывался Грязным, потом при Меншикове его почистили и теперь он «Чистый». Вот ведь как бывает. Одного не пойму: пруд-то один, а название «Чистые пруды». Почему?

На бульваре напротив пруда стоит красивый кинотеатр «Колизей». Он имеет открытую сверху колоннаду, тонко прорисованные детали. А на другой стороне пруда стоит один многоэтажный доходный дом, имеющий очень своеобразный фасад. Вся поверхность стены главного фасада покрыта узором, созданным из разных экзотических зверей. Кого тут только не встретишь. Прежде всего всяких хищников. По своей стилистике все эти барельефные фигуры носят явно ассиро-вавилонский характер. Забавно. Хотя не очень серьезно. Все-таки такое оформление фасада по меньшей мере результат каприза или причуды заказчика.

А Меньшиков, с именем которого тут много связано, жил неподалеку. На углу бульвара и Мясницкой улицы. Тут было большое имение и дворец. Но все это давным давно исчезло. На месте этой усадьбы теперь размещается Московский почтамт. От всей прошлой усадьбы осталась одна церковь. Она очень своеобразна. Таких уже мало осталось. Особенностью ее является то, что она объединена с колокольней, что не так уж часто бывало. Завершение у нее тоже очень занятное. Я никогда и нигде не встречал таких куполов, как у этой церкви. Он весь витой и как бы перекручен. Потому что эта церковь относилась к усадьбе Меньшикова, то ее так и зовут «Меньшиковой башней». На самом же деле ее настоящее название — церковь Михаила-Архангела. А совсем рядом с ней в тот же переулок выходит и другая церковь, имеющая с ней один двор. Это церковь Федора Стратилата.

У Мясницких ворот перед Сретенским бульваром стоит памятник Тургеневу. Только это не скульптурный памятник, какие другим знаменитым людям ставили, а большой и очень красивый дом с огромными окнами. Это городская народная библиотека имени Ивана Сергеевича Тургенева. Говорят, что ее

на народные деньги строили именно, как памятник великому писателю. А я все-таки, кроме того, и фигурный памятник Тургеневу поставил бы. Было бы куда лучше.

После библиотеки наш трамвай минует Сретенский бульвар и проезжает к Рождественскому. Вот тут красотища: трамвай катится вниз по крутой горе. Езда тут опасная, особенно осенью, когда на рельсы падает листва. Колеса тогда юзом идут, и затормозить вагон очень трудно. Скользит. Поэтому с горы трамвай спускается очень медленно, осторожно, на тормозах. А вот, когда идет вверх по бульвару, то еле дух переводит. Крута рождественская гора. И к тому же опасна для любого транспорта. К Трубной площади Рождественский бульвар спускается вниз, а от нее идет Петровский бульвар вверх к Петровке. Так на концах обоих бульваров, на углах Сретенских и Петровских ворот стоят монастыри. У Сретенских — Сретенский, а у Петровских — Высоко-Петровский монастырь.

Правда, от Сретенского сейчас остался только большой собор, и теперь трудно называть это место монастырем. Монастырь давно уничтожен. Собор стоит одинокий, окруженный давно уже выстроенными тут домами. И хоть он и заслонен этими домами, но все же его главки видны от Петровских ворот. А Высоко-Петровский монастырь очень хорошо виден и от Сретенки и от Трубной площади, которая расположилась над заключенной в трубу речкой Неглинной. Так и стоят эти два монастыря, как стражи над протекавшей здесь рекой. В оборонительном отношении это имело большое значение. Ведь тут же были крепостные стены Белого города по всему кольцу. От этих монастырей стены спускались к Неглинной. Река пересекала стену то ли в специальной трубе, то ли под специальными воротами с решеткой, а в трубу она была заключена позднее. Обо всем этом я читал еще в «Пионерской правде», где рассказывалось и о реке Неглинной и о том, что она теперь стала подземной рекой. Отсюда и площадь, образовавшаяся на этом месте и получила такое чудное название «Трубная площадь».

На Трубной площади нельзя не задержаться. Здесь ведь

знаменитый на всю Москву Птичий рынок. Разные птички — канарейки, синицы, скворцы, щеглы и даже попугаи, много зверюшек — щенков, котят, кроликов. И взрослых кошек и собак. Много разных рыб живых. Даже золотых, или вуалехвосток, или вьюнов, сомиков. Очень интересно. Про этот рынок даже Чехов писал в «Каштанке». А все-таки, почему это рынок назван Птичьим, а не Звериным?

Тут же у Трубы вправо отходит Цветной бульвар. Тут есть цирк, куда я однажды с родителями ходил, и мне страшно все там понравилось. Особенно ученые медведи. Этот цирк интереснее, чем «Шапито» на Садовой улице. После «Трубы» и Петровского бульвара подъезжаем к Петровским воротам. В торце бульвара также стоит дом, как у нас на Кудринке. Налево от Петровских ворот идет улица Петровка, начинающаяся Высоко-Петровским монастырем и институтом. Один стоит напротив другого.

Прямо рядом с этим институтом стоит очень красивый особняк. «Дом Губиных». С очень красивым портиком, поднятым на второй этаж, с арочными окнами на первом этаже. Там какой-то медицинский институт. А у Петровских ворот с правой стороны в самом начале Страстного бульвара стоит большой дворец. Это Дом Гагарина или Екатерининская больница. Такое странное сочетание потому, что раньше это был дворец Гагарина, а теперь тут больница.

Этот дом имеет большой многоколонный портик с колоннами по второму и третьему этажам и с арками в первом этаже. Так же, как и в доме Губина. Недавно я был в этой больнице. Сюда положили Леву Абрамова, когда он чем-то заболел Так я пошел проведать его. Палата, в которой он находился, была на втором этаже. Это была оставшаяся без изменений огромная дворцовая комната и стояло в ней большое количество кроватей. Не очень уютно. Стены белые, кровати белые. Белая тоска. Туалет находился в конце коридора. А коридоры были длиннющие, высоченные с голыми скучными стенами. Вообще, больница произвела на меня довольно удручающее впечатление. Никогда я в больницах не лежал. Болел только дома. И попадать вот в такую больницу, хоть она и находится в таком прекрасном дворце, совсем не хочется.

Страстной бульвар, хоть и поширe многих других, но очень короткий. Быстро миновав его, мы въезжаем в проезд между кварталом, заканчивающимся Страстным монастырем, и застройкой, среди которой наиболее значительным зданием является какая-то типография с выложенными из желтого кирпича стенами. Потом стоит четырехэтажный дом на углу Малой Дмитровской улицы.

За ним скрывается чудо чудесное. Маленькая, но очень красивая и изящная многошатровая церковка Церковь Покрова в Путинках, как я выяснил позже. Она зажата между двумя сравнительно высокими домами и видна только с самой улицы. Вся она ослепительно белая. Три главных шатра увенчивают главное здание. А кроме того шатры есть и над колокольней и над крыльцом. Все шатры выполнены в кирпиче. Единственная такая церковь у нас в Москве. Как жаль, что по бокам церкви выстроены многоэтажные дома. Они закрыли обзор церкви, оставив возможность смотреть на нее только с противоположной

стороны улицы, да еще с ее угла. Церковь, кроме того, сразу же потеряла свое значение главной среди своего прихода. Она стала просто очень красивой игрушкой, экспонатом из коллекции памятников архитектуры.

Малая Дмитровка упирается в стены Страстного монастыря, но не в главный его фасад, а в боковой. Главный выходит на Страстную площадь. Монастырь недействующий и очень запущен. Просто не ремонтировался. На его высоченной башне, увенчанной шатром, укреплен огромный плакат с призывом: «Вступайте в ряды «Автодора!». На плакате изображен автомобиль.

Сбоку от монастыря недавно выстроено большое здание редакции газеты «Известия». Все оно какое-то квадратное. Башня с часами тоже квадратная. Окна большие, квадратные, а поверху идут круглые окна. На самом верху большие буквы «ИЗВЕСТИЯ», дальше буковками чуть поменьше: «ЦИК СССР и ВЦИК». В этом здании сразу находятся и издательство, и редакция, и типография. Это удобнее, чем у многих других.

Конечно, интересно было бы посмотреть на типографию, на печатные машины. Недавно нас водили в старую, еще довоенную типографию. Она называется «Искра революции». С огромным интересом рассматривали мы типографские кассы, в которых лежали буквы-литеры, и печатные станки. Но все это даже сравнивать с типографией «Известий» нельзя. К сожалению, всем нас не разрешили пойти туда большой группой на экскурсию. Разрешили только двум ученикам, как представителям всего нашего класса. Мы выбрали своих делегатов — Юрку Моделя и Зосю Миллер. Они вернулись, ошеломленные виденным. Долго и интересно рассказывали и об огромных линотипах и о всем

процессе печатания самой главной газеты страны. Я тогда впервые узнал, что такие газеты, представляющие страну, называются официозами. Слушать было интересно, но завидовал я им отчаянно. Говорят же: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

На Страстной площади целых три кинотеатра — один с чудным названием — «Шануар». Говорят, что это значит «черный кот». А может быть «Черная кошка», не знаю французского. Но, причем тут кино? Причем кошка? А другой — «Великий немой». Это уже понятнее. Третий, «Палас», значит «дворец». А сам-то такой маленький. Тоже мне дворец!

В начале Тверского бульвара стоит памятник Пушкину. Это самый знаменитый памятник в Москве. И бульвар тоже знаменитый. Он ведь первым в Москве был создан. А еще знаменит он тем, что тут каждый год весной открывают книжные базары. По всему бульвару киоски, палатки и лотки. Книги разные, а главное, дешевые. Этот базар, как праздник.

В конце бульвара у Никитских ворот памятник — Тимирязеву. А за ним виден дом с аптекой. И слева от него кинотеатр «Унион». Круг замкнулся, и наша кругосветка закончилась.

Некоторые другие маршруты

И по остальным маршрутам, конечно, можно ездить, но кругосветки интереснее. По внутренним улицам города приходится ездить по разным делам. Эти маршруты тоже интересны. На них полно замечательных зданий. Особенно, когда от нашей Большой Никитской сворачиваешь к Театральной и по Мясницкой едешь к вокзалам на Каланчевке. Тут на каждом шагу знаменитые места. Например, на Никитской в здании консерватории размещен огромный кинотеатр. Называется он «Колосс».

Потому что колоссальный, что ли? Странное название. Этот кинотеатр хорош тем, что в него можно попасть бесплатно. Как мы называем «на протырку». Кто-то отвлекает кассиршу, которая стоит около узкого прохода в невысоком барьере на широченной лестнице. Или она просто сама очень занята пропуском зрителей с билетами. Мы пользуемся этим и, лихо перемахнув через барьер, изо всех сил несемся вверх по лестнице. Добираемся до самой галерки, куда пройти тоже просто. А там или остаемся, или, дождавшись, когда в зале начинает медленно гаситься свет, высматриваем, где остались свободные места и, перемахивая через ограждения балконов, пробираемся в темноте к ним. Замечательно удобный кинотеатр.

А поближе к Охотному ряду на другой стороне улицы есть очень интересный музей. «Зоологический». Тут можно увидеть скелеты самых-самых доисторических животных: динозавров, мамонтов. Ну и современных тоже. И не только скелеты.

На углу с Манежной улицей по обеим сторонам стоят здания Университета. Старое и новое. В новом в самом углу находится Клуб МГУ. Это место знаменитое. Тут происходят удивительные

вечера. Выступают известные поэты. Даже сам Маяковский выступал. Мы сюда часто ходим. Особенно, когда читает свои композиции Яхонтов. Это нечто удивительное. Я редко слышал такое чтение. После Яхонтова совсем по другому начинаешь воспринимать поэтов.

Но едем дальше. Улицы в центре очень тесные, движение затруднено. На Охотном ряду приходится огибать очень неудобно стоящую старую церковь со странным названием «Параскевы-пятницы», и проезжать мимо большого количества маленьких одноэтажных лавчонок с огромными вывесками «Мясо», «Дичь», «Пух-перо».

Отсюда можно свернуть к Историческому музею и, поднявшись по горе и, обогнув музей, вырваться прямо на Красную площадь, проехать немного по Никольской мимо ГУМа, свернуть на узкий Рыбный переулок, потом на Варварку и дальше к Солянке, Таганке.

А можно и не сворачивать, а через Театральную площадь, где Большой театр, Малый театр и «МХТ-2», а еще и кинотеатр, который стали в последнее время называть «Востоккино», ехать дальше мимо гостиницы «Метрополь». Для меня «Метрополь» дорог тем, что тут помещался мой детский сад. Он назывался «Детский сад № 1–2 Деткомиссии при ВЦИК».

Тут работала наша мама, сюда она и определила одного за другим своих детей. Сначала Иру, потом меня, а уж совсем потом — Володьку. Сад был хорошим. Я любил его. До сих пор вспоминаю свою воспитательницу тетю Женю. Можно много было бы рассказать об этом садике, но пора возвращаться к трамваям. Ведь от Театральной надо после «Метрополя» проехать через узенький Театральный проезд вдоль Китайгородской стены. Рядом с ней памятник первопечатнику Федорову.

Около стены полно народу. Тут знаменитые развалы книг, тут туда и сюда шныряют китайцы с разноцветными большими и маленькими веерами, гирляндами, с цветными воздушными шарами, со свистелками «Уйди-уйди», маленькими мячиками-полушариками на длинных тонких резинках. Тут же на углу Лубянской площади у самой Китайгородской стены стоит киоск, единственный, кажется, во всей Москве. Называется он просто «Лом». А продают тут шоколадный лом, куски и обломки шоколадных плиток, которые не могут идти в производство настоящих конфет. И стоят эти обломки страшно дешево.

За Лубянкой, около которой за парой невысоких домов

находится Политехнический музей, мы проезжаем на Мясницкую. Эта улица полна магазинов. Во всех домах огромные витрины, много огней. Разная реклама. А дальше трамвай идет прямо к «Каланчевке» — Каланчевской площади, где находятся сразу три больших вокзала. Тут огромное количество извозчиков, попадаются и такси. И много ломовых подвод. Сутолоки на этой площади не меньше, чем у Сухаревки. Отсюда прямая дорога в Сокольники. Мы туда ездим кататься на лыжах. Там хорошая лыжная станция, хороший парк. И зимой и летом там очень хорошо. А вообще-то маршрутов всяких много. Обо всех и не расскажешь.

Комментарии из конца 90-х годов XX века

Когда раздумываешь об этих увлекательных путешествиях по центральной части города, невольно задаешь себе вопрос, а что бы увидели мы, если бы проехали по этим маршрутам теперь, в конце века. Ведь процесс реконструкции коснулся центра в первую очередь. Уже в Генплане 1935 года было заложено коренное преобразование территории города. Практически это преобразование полностью ликвидировало бы исторически сложившийся облик Москвы. И этот процесс начал активно осуществляться с первых же годов реализации Генплана.

Тут необходимо расставить все акценты, чтобы не впасть в одностороннюю оценку значения Генплана. Бесспорно и не может подвергаться никаким сомнениям значение заложенных в Генплан грандиозных инженерных мероприятий. Москва получила первые очереди метрополитена, который последовательно осваивал все территории города. Москва получила волжскую воду для питьевого и хозяйственного водоснабжения. Москва с созданием канала Волга-Москва стала сначала портом трех, а потом пяти морей. Москва создала за период первых пятилеток мощную промышленную базу, внедрила самые передовые методы в производство. Москва успешно решала проблемы образования, науки и культуры. Москва начала грандиозное жилищное строительство и с каждым годом его совершенствовало и расширяло. Все это бесспорно. Это у Москвы не отнимешь. А ведь тут перечислены вкратце лишь некоторые основные аспекты Генерального плана реконструкции столицы. Но Генплан не ограничивается только ими. Огромное значение имеет и эстетическая сторона градостроительных мероприятий. И, ограничив себя рассмотрением только этого вопроса, хочу еще раз подчеркнуть, что это лишь одна сторона проблем, решаемых при реконструкции любого города только комплексно.

Так как же проявились все реконструктивные мероприятия на застройке центральной части города? Ведь мы проехали с вами по обеим кольцам центра и чуть-чуть затронули один из диаметральных маршрутов.

Мы увидели то, что было в двадцатых-тридцатых годах в этих местах. Уже тогда то тут, то там начиналось новое строительство, что-то преобразовывалось, что-то разрушалось, сносилось, заменялось чем-то новым. Процесс обновления и совершенствования неизбежен. В жизни всегда что-то отмирает, что-то нарождается. В этом глубокий смысл жизни, развития. Это происходит в живой природе, это происходит в обществе, это

происходит повсюду. Но вмешательство человека в этот процесс бывает разным — и прогрессивным, и регрессивным. Вот мне и хочется посмотреть, каким было это вмешательство в исторически сложившийся облик центра Москвы за шесть-семь десятков последних лет.

Генплан, декларативно провозгласивший бережное отношение к исторически сложившейся структуре столицы, тут же заложил абсолютное уничтожение этой структуры. Демагогическими утверждениями о сохранении радиально-кольцевой структуры при радикальном улучшении и совершенствовании ее на основе последних достижений науки и техники, попытались затушевать грядущее разрушение застройки города. Ведь застройка всегда лепится по уличной структуре. Совершенствуя структуру улиц, спрямляя их, расширяя и пробивая новые магистрали прямо «по мясу», по застройке, невозможно не затронуть этой застройки. Меняешь улицы, значит, разрушаешь застройку, формирующую эти улицы. Это элементарно. Это не надо доказывать. Это одна сторона дела, которая проявилась в центре города «совершенствованием» таких улиц, как Охотный ряд, Театральный проезд, Тверская улица, Садовое кольцо. Какие бы аргументы ни приводили в защиту этих «совершенствований», нельзя не видеть, что они, решая одни проблемы, в основном, транспортные и отчасти жилищные, неизбежно повлекли за собой полное разрушение застройки тех, которые пришлось раздвигать расширяя, искажение характера застройки тех, которые лишившись бульваров и озеленения, оголились и оказались застроенными совсем несоответственно тому, что представляет теперь эта оголившаяся магистраль. Реконструкция Садового кольца практически коснулась всех площадей на нем. Слов нет, новым задачам, в основном транспортным, эти старые дошедшие до нашего времени площади уже никак не удовлетворяли. Конечно же, нужно было решать пути реконструкции так, чтобы «и овцы были целы, и волки были сыты». Возможно ли сделать такие, на первый взгляд несовместимые дела? Думаю, что возможно. Только надо как следует подумать, как, какими путями это сделать.

Наша практика показала, что об этом как раз и не думали. Решали просто: раз улица расширилась, значит ее застройка должна соответствовать новым ее размерам, значит, ее надо создавать, сметая все, что «не соответствует». При этом забыли или просто не подумали, что не соответствует как раз то, что необходимо сохранять, как народное достояние, как культурную ценность. И уничтожены сплошь почти все площади Садового кольца, некоторые площади Бульварного кольца. Да представьте

себе только то, во что превратились площади хотя бы Арбатских ворот, Никитских ворот, Мясницких ворот. Во что превратились Кудринская, Смоленская, Сенная, Калужская, Серпуховская площади! Как преобразовалась Триумфальная площадь или площадь Красных ворот. Что стало с Сухаревскими площадями, с Павелецкой, Курской и другими. Ведь нет же ни одной законченной площади, представляющей собой пример разумного градостроительного искусства. А улицы между этими площадями? Как же изуродованы они. Даже строительством на них неплохих зданий. Сами по себе, может быть, и неплохие, они оказались чуждыми окружающей их исторически сохраняемой среде, они так и не сформировали застройки улицы-магистрали, так как тут нельзя продолжать безответственное отношение к наследию. Мне могут сказать, что, когда их строили, тогда еще не стоял вопрос о сохранении исторического наследия, о сохранении исторически сложившегося облика, как стоит сейчас. Позвольте, а как же декларации о бережном отношении к наследию, которые произносили и авторы Генплана, правда, тут же предлагая полное разрушение его, и все последующие руководители градостроительной политики, все Главные архитекторы города и их ближайшие помощники.

Теперь видно, какая иезуитская политика проводилась этим людьми — они клялись в верности наследию и они же все делали, чтобы ликвидировать или хотя бы принизить его.

А как отнестись к постановке семи из девяти высотных зданий в центре города? Это что, верх градоформирующей мысли? Это забота о наследии? Представьте себе хоть на минуту, что было бы, как выглядел бы, скажем Кремль, если бы было осуществлено строительство Дворца Советов и гостиницы «Зарядье» — главных составляющих этого созвездия высоток. Сейчас не будем разбираться, почему Дворец не построили, а гостиницу выстроили не в высотном варианте, а в не менее уродливом и чуждом центру, Кремлю и Китай-городу. А штучная постановка высоток на Большой Никитской улице, в Арбатских переулках, да и по всему центру? Она же не только не вписалась в среду, но и исказила ее. Какое же достижение таких реконструктивных работ мы получили? Считаю, что никакого. Ведь только в последние годы, после активного вмешательства общественности стали более внимательно относиться к новому строительству в центре города. И уже есть неплохие примеры. Но ведь это только теперь, в последние годы. А что же мы получили в итоге работы в течение многих десятилетий? Да ничего хорошего не получили. Поезжайте, пожалуйста, хотя бы по тем маршрутам, о которых я рассказал в этой книге. Посмотрите непредвзятым

взглядом и честно скажите, что же мы получили в результате. Назовите то, чем можно гордиться. Причем, не просто конкретное здание, имеющее огромное количество различных достоинств, здание в среде, здание, вписавшееся в нее, организующее ее, улучшившее ее. Больше ничего не надо. Просто сами отдайте себе отчет, с чем мы пришли к концу века. Тогда никаких комментариев будет не нужно.

Московские картинки

Первая сельскохозяйственная выставка, первый парк культуры и отдыха

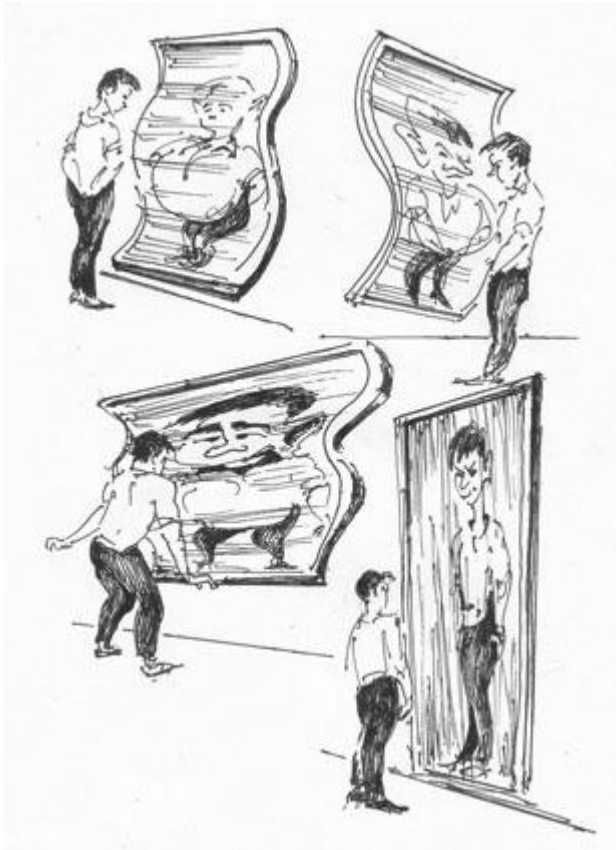
Когда ее открыли, я был еще очень мал и, естественно, не мог там побывать. Впервые я попал на выставку только во втором классе, когда нас туда сводили, но я почти ничего не помню. Только кое-что осталось смутно в памяти, но и этого уже достаточно, чтобы кое о чем рассказать. Позднее, когда тут на территории Выставки создали Парк культуры и отдыха, я бывал часто. В Парке сохранились многие павильоны и сооружения Выставки. Поэтому можно было себе представить, какой была она. Но, наверное, многое перепуталось, и виденное в Парке культуры, вспоминается, наверное, как виденное на Выставке. Тем более, что почти все основные павильоны и сооружения Выставки остались в парке, правда для других целей. Но, несмотря ни на что, хочу все-таки рассказать о своих впечатлениях и о Выставке и о Парке, пусть и перемешанных между собой. Все-таки впечатление от таких грандиозных сооружений, от всех этих павильонов и экспонатов и аттракционов было большое. Там все дома-павильоны были деревянными, переходный мост между территорией Выставки, раскинувшейся и по ту и по другую сторону Садового кольца, тоже был деревянный. Он был очень длинный и стоял на опорах.

Подумать только, какое замечательное место устроили здесь на месте какой-то свалки! Я, правда, никакой свалки уже не застал, поэтому сравнивать не могу. Но представить, конечно, могу. Тем более, что обо всем этом нам рассказали на первой же экскурсии. Все тут было очень интересно, а экспонаты, помню, такие, что глаза разбегались. Не знал, на что раньше смотреть, а на что потом. Просто терялся. И то интересно, и другое. Много моделей помню, много разных машин. И не только сельскохозяйственных. Тут и модели паровозов, автомобилей, моторов, разных двигателей, локомобилей. Жалко только, что самолетов нет. Но это можно понять. Тут показаны были первые достижения нашей отечественной промышленности, а в то время мы самолетов еще не делали. Пользовались иностранными, покупными. В основном, немецкими и французскими, вроде «юнкерсов», «фарманов» и им подобных.

И все павильоны тоже были интересны. Каждый по-своему. Обращал на себя внимание главный вход. Он был сделан, как триумфальная арка. Вернее, как две рядом стоящие арки. Они сделаны, как и все на выставке, из дерева, но не сплошные, не обшитые, а сквозные, и это производит особое впечатление. Очень здорово сделано и стало тут тоже, как экспонат выставки. Большой деревянный театр. Все его называют «Шестигранником». А он и в самом деле шестигранный, вот и получил свое название по форме, а не как-нибудь специально для театра. На выставке очень много павильонов. И для разных экспозиций, и для развлечения, и отдыха. Тут и библиотеки-читальни, шахматно-шашечный клуб, открытые эстрады, аттракционы, киоски и

ларьки, буфеты и закусочные.

Позднее, когда тут вместо выставки открылся Парк культуры и отдыха, я часто ходил сюда и в «Детский городок» в изостудию, и на лодочную станцию на реке, на пруд Детского городка, где можно было получить байдарку, и на башню, по спиралям-желобам которой можно было лихо соскользнуть вниз. Позже, когда эту башню приспособили еще под парашютную вышку, я впервые попробовал спрыгнуть с парашютом.



Признаться, немного побаивался. Высота все-таки. Мало ли что, вдруг трос оборвется. Но все обошлось, слава богу, благополучно. Спрыгнул. И делал вид, что вовсе не боялся. Но про себя-то знал, как все это было. И чуть-чуть досадовал, что так было. Помнил, как дрожали колени, как спрыгнул потому, что кто-то подтолкнул меня сзади.

Страшно любил заходить в «Комнату смеха». Вот где обхохочешься. Тут по всем стенам были развешаны разные удивительные кривые зеркала. Они были здорово изуродованы во всех направлениях. Были вогнутые, выпуклые, смешанные.

Людские фигуры тут искажались до неузнаваемости. Худые и стройные становились толстыми и неуклюжими, Толстяки, наоборот, становились худенькими и высоченными, как михалковский «дядя Степа». Были такие, у которых низ был тонкий-тонкий, а живот толстый, как огромный арбузище. А голова вытягивалась в тоненький огурец. В комнате стоял постоянный смех. Даже не смех, а хохот до упада. До слез. Особенно забавно было смотреть на своих знакомых, которые то становились толстенными, то худыми, как щепки. То вообще изогнутыми и уродливыми. А на себя все-таки не очень было приятно смотреть. Чуть-чуть обидно. Думаю, что и влюбленным не стоило ходить сюда. Плохо, если любимый человек вдруг оказывается таким ужасающим уродом.

Часто бывал я в Зеленом театре, благо у меня был абонемент на все лето, и на интересные концерты я мог ходить бесплатно, когда хотел, не проходя в театр, а пристроившись, как и остальные мальчишки, где-нибудь на изгороди или за ней на деревьях. И сцена видна и бесплатно.

За Зеленым театром раскинулся Нескучный сад. Он весь зарос высоченными деревьями. Его аллеи и дорожки постепенно поднимались все выше и выше на склоны Воробьевых гор. Приятно было просто так побродить по этому лесу в самом почти центре города.

Старые трамваи

Старые трамваи моего детства. Они были совсем непохожи на современные. Они были поменьше размерами и менее совершенны. Не имели автоматически закрывающихся дверей, передняя и задняя площадки отделялись от внутреннего салона задвигающимися дверями. На передней площадке сидел на высокой табуретке с металлическими ножками и толстым круглым деревянным сидением сам вагоновожатый. Перед ним высокий черный двигатель. С надписью «Динамо» на крышке. С большой горизонтальной блестящей медной ручкой, при помощи которой вожатый регулирует скорость движения. Внизу под ногой вожатого около мотора была невысокая металлическая палка на пружине. Головка у нее просто отполирована, блестит. По ней вожатый стучит по какой-то железяке под полом площадки, если надо дать сигналы. Электрических звонков, ведь, тогда не было. Но этот непрерывный стук превращался в подобие звона. Вот и трезвонили напропалую все трамваи, разгоняя пешеходов, отгоняя извозчиков или автомобили.

Рядом с мотором по правую руку вожатого находился тормоз. На высокой черной стойке укреплено большое колесо-штурвал с ручкой. Если надо тормозить, то вожатый, кроме ножного тормоза, которым он пользуется непрерывно, в случае особой необходимости крутит это колесо, приводит тормоз в действие. На передней площадке никому, кроме вагоновожатого, находится не разрешалось. А так хочется хоть немного постоять около него, около мотора, подержаться за ручку штурвала. Почувствовать себя водителем этого огромного вагона, везущего так много людей и детей. Так хочется, но это просто невозможно.

Задняя площадка была совсем такая же, как и передняя — с мотором, с тормозным колесом. Пассажирам на задней площадке находиться было можно. Входы с задней площадки и выходы с

передней были свободными, без дверей, но с калитками. С передней разрешалось входить только инвалидам, старичкам и пассажирам с детьми. За этим следили строго.

Позднее были сделаны настоящие двери на всю высоту площадки, но они не закрывались, и поэтому на подножках можно было висеть при переполненном вагоне. Все стремились уехать, а трамваев не хватало. Когда люди ехали на работу и с работы, или, как это называется «в часы пик», на подножках висели гроздья народа. Если трамвай был двухвагонный, то и на подножках вторых вагонов, и на передних и на задних, также висели люди. Второй вагон не имел моторов, но на каждой площадке были тормоза с колесом. С левой стороны были такие же входы с площадками, но отсюда войти в вагон было невозможно. Эти левые по движению двери всегда были заперты. Вот мы и пользовались этим, прыгали на площадки и ездили в свое удовольствие, крепко держась за ручки.

Между вагонами — и в двух- и в трехвагонном варианте были укреплены специальные пружинные решетки, предохраняющие от попадания людей между вагонов. Решетки эти при поворотах растягивались или сжимались. Также для обеспечения безопасности на моторном ведущем вагоне спереди под вагоном была укреплена специальная площадка-решетка, которую вагоновожатый мог опустить до самой земли в случае, если на пути перед самым вагоном оказывался человек. Особенно, если он спотыкнулся и упал. Позднее это устройство было уничтожено.

Внутри вагонов были деревянные сидения. В некоторых они были в виде диванов для двух пассажиров с общими спинками на одной стороне вагона и кресел, рассчитанных на одного человека, на другой. В конце каждого вагона было место для кондуктора. Специальная табличка предупреждала об этом, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не сел бы на это место. Кондуктор (чаще — кондукторша) часто был в служебной форменной шинели, а то и просто в пальто или шубе. Через плечо у него висела огромная кожаная сумка для денег, а на ремне была укреплена дощечка с билетами. Билеты были разного достоинства, в зависимости от расстояния поездки и количества расчетных станций. Билеты стоили очень дешево. Потом стоимость стала одинаковая, и у кондуктора на ремне теперь висел ролик билетов. От кондуктора к вагоновожатому через весь вагон под потолком протянута была толстая веревка. Когда посадка заканчивалась, кондуктор дергал за эту веревку, и у вагоновожатого на передней площадке громко звенел звонок. Электрических сигналов тогда еще не было. Из второго вагона таким же образом подавался вторым кондуктором сигнал на заднюю площадку первого вагона. Только дождавшись

его и проконтролировав посадку в свой вагон, кондуктор первого вагона мог сигнализировать вагоновожатому об окончании посадки.

Стоящим пассажирам можно было держаться за брезентовые петли, расположенные вдоль всего салона и висящие на толстой деревянной палке. Эти петли могли передвигаться вместе с пассажиром, скользя по палке. Позднее петли стали делать пластмассовыми. Добавились и металлические ручки на спинках скамей, а также ручки на простенках между окнами. Но это уже было значительно позднее. Окна открывались полностью. Они спускались в нижнюю стенку. Высовываться не разрешалось. Об этом даже на табличках у каждого окна написано было.

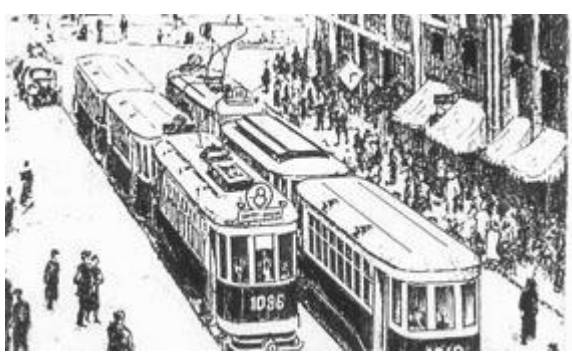
Маленькие дети имели право бесплатного проезда. Но никто не спрашивал возраста ребенка. Просто на наличниках дверей салона была глубоко врезанная и побеленная отметина, по которой определялся рост ребенка и нужно ему платить, или нет. Выше отметины ребенок уже должен был оплачивать свой проезд. Помню, что я страшно старался тянуться и стать выше. Думал не об оплате проезда, а о своем достоинстве: раз выше, значит, взрослый уже. А это было так приятно сознавать.

Сейчас уже утрачено одно интересное устройство трамваев. Дело в том, что номера маршрутов размещались тогда спереди и сзади на крышах вагонов. Под белыми дисками номеров располагалась доска с указанием конечных станций маршрутов. Все это есть и сейчас, но только внутри вагона в верхней его части. И соответственно сзади вагона. Но это как раз не главное. Главное то, что по краям доски располагались сигнальные фонарики. Они и сейчас имеются. Только в то время фонарики имели разный цвет в зависимости от номера маршрута. Например, красный фонарик означал цифру «1», синий — «2», а, скажем, зеленый — «3», фиолетовый — 4» и так далее на все

десять цифр, включая «0», который цвета не имел. Сочетания цвета фонариков давало возможность получить любой номер маршрута. Например белый справа и зеленый слева говорили, что это маршрут № 3. А синий справа и красный слева давал уже № 21. Издали, особенно, в вечернее время или зимой, когда снег мог залепить номерной диск, эта сигнализация была очень удобна. Я страшно любил отгадывать по огонькам, какой приближается трамвай. Позднее номера и маршруты перекочевали за ветровое стекло вагона. И даже лампы там же оказались. Только цвет перестал использоваться. И разобрать, какой идет номер, можно было только вблизи. Жаль, что теперь нет такой цветной сигнализации.

Буквенные маршруты «Аннушкой» и «Букашкой» не ограничивались. Появились сначала «В», потом «Г» и даже «Д». Не помню уж, как их называли в народе. «В», кажется, был «Восточным». Просуществовали они недолго. Маршрутов до войны было много. Кажется, более шестидесяти, или около того. Ведь трамвай был основным видом транспорта. Потом с ним стал соревноваться автобус, и с тридцать первого года троллейбус. А когда появилось метро, то трамвай стал просто вытесняться из переуплотненного центра.

Сейчас и впереди и сзади вагонов имеются большие световые фары, как у автомобилей. А тогда никаких фар, ни впереди, ни сзади, не было. Громким трезвоном трамвай издалека извещал о своем приближении. Когда же стали бороться с шумом на улицах города, когда запретили не только трамвайный звон, но и автомобильные гудки, стали широко использовать световые сигналы, предупреждающие об опасности. Вот и появились фары.



В тридцатых годах некоторое время (кажется, до самой войны) появлялись на улицах Москвы даже трехвагонные поезда. Все трамвайные вагоны были выкрашены одинаково — только в красный цвет в нижней части и в желтый в верхней. На стенках вагонов красовался герб Москвы. Не знаю, был ли он

официальным или только для коммунальных служб. Представлял он собой изображение статуи Свободы, стоящей тогда перед Моссоветом на Тверской улице, окруженной шестеренкой с буквами «МКХ».

Изредка на отдельных вагонах появлялась реклама. Но не на стенках вагонов, а только на специальной решетке на крыше. Дуги у трамваев были простые: два параллельных металлических прута сверху оканчивающихся расширенным овалом, соприкасающимся с контактным проводом. Провода эти крепились на специальных мачтах. При двухколейных линиях столбы-мачты стояли между колеями, в верхней части мачт по обе стороны, как крылья простирались металлические дуги, между нижних концов которых крепились проволочные связи, к которым уже по середке крепились контактные провода. При одноколейном варианте мачты имели только одно крыло, распростертое над трамвайной линией. Так было у бульварных маршрутов и там, где приходилось с двух колей переходить на одну. Это бывало в очень узких проездах, когда по очереди трамваи проходили то в одну сторону, то в другую. На концах таких переходов устанавливались специальные сигналы-фонари, типа светофора, позволяющие начинать движение в одну сторону и запрещать встречное.

Автоматического перевода стрелок еще не было. Стрелки переводились сидящими около них на улицах специальными стрелочниками (чаще женщинами). Они, нахохлившись, сидели в тулупах или шубах рядом со стрелками и переводили рельсы большим ломом с круглой ручкой на конце. В местах, где стрелочников у стрелок не было, вагоновожатый брал большой лом с кольцом вместо рукоятки и, выйдя из вагона, сам переводил рельсы.

Со временем вагоны стали приобретать более современный вид. После войны двери стали автоматическими, кондукторы постепенно исчезли. Сначала их сменили кассовые ящики, в которые бросались деньги (конечно, без сдачи) и сбоку которых укреплялись специальные приспособления для билетов. Позднее появились на стенках компостеры для билетов, которые приобретались или у вагоновожатого, или в киосках.

Окрашиваться вагоны стали в самые различные цвета. Стали даже пестрыми. А в последнее время все их стенки превратились в сплошную пеструю рекламу. Настолько пеструю, что она плохо воспринималась.

Я уже говорил, что с введением в строй одной за другой очередей метро, с развитием троллейбусного транспорта, трамвай из переуплотненной центральной части города,

сохранившей узкие улочки, стал вытесняться на окраины. Значительно сократилось количество маршрутов. Внутри Садового кольца сохранилась только одна трамвайная ветка с тремя маршрутами на ней, среди которых вновь появилась «Аннушка», но уже не как кольцевая. И хоть она совсем не похожа на ту, прежнюю, как все-таки приятно смотреть на возрожденную «Аннушку». Как будто привет из детства.

Первые такси

По шумной улице, обгоняя извозчиков и трамваи, отчаянно сигналя клаксоном, мчится неуклюжий с виду автомобиль. Ему трудно сравниться с обтекаемыми «линкольнами» или шикарными «бьюиками», «фиатами» или «студебеккерами». Сравнительно короткий черный капот с медно-желтым прямым радиатором. Встречались и иные радиаторы — гнутые. Передняя часть машины металлическая.

Она объединяет два ряда мест. Впереди место шофера и одного пассажира. За ними места для двух человек, садящихся спиной к водителю На этом жесткая часть машины заканчивается. Задняя ее часть имеет откидывающийся назад брезентовый или кожаный верх. Здесь один ряд мест для пассажиров.

Это так называемый «таксомотор». Сокращенного слова «такси» в двадцатые годы еще не было. Оно пришло позднее, как более легко произносимое. Теперь просто забыли, что когда-то этот автомобиль назывался таксомотором. Так произошло, кстати, и с названием «Метрополитен», длинным и труднопроизносимым в наш постоянно куда-то спешащий век.

Неудивительно, что не только у нас, в Советском Союзе, но и по всему миру появились сокращенные слова «такси», «метро». Их было легче произносить, и поэтому они существовали сначала в разговорной речи, а потом, с помощью, по-видимому, газет, внедрились как уже вполне официальные слова, получившие права гражданства.

Как мне кажется, первые таксомоторы появились в Москве в двадцатых годах (не знаю, может быть, они уже были и до революции). Это были, конечно, не отечественные машины, а французские. На радиаторе было написано не по-русски — «Renault». Признаться, я, не знавший французского языка, долгое время буквально читал все написанные буквы подряд и считал, что эта марка зовется «Ренаульт». Так и говорил. Только позже узнал, что такое слово надо просто читать, как «Рено». Страшно неудобно было за свое невежество.

Перед пассажиром, сидящим впереди, в нижней части окна расположен таксометр — счетчик. У таксометра спереди и так, чтобы было видно через лобовое стекло, укреплен специальный красный флажок, на котором написано «свободен». Если флажок стоит вертикально, то значит, такси свободно, если же он опущен, то значит, занят. При опускании флажка таксометр включался и начинал отстукивать километры и деньги. Для работы шоферу нужно было только завести его, как часы, работающие от спиральной пружины. Просто и ясно. Слева от шофера укреплен сигнальный рожок — клаксон. Это труба-рупор с резиновой грушей. Сигналы подаются резкие, неприятные. На передних дверцах машины изображен герб, как на трамваях. Служба МКХ — «Московского коммунального хозяйства».

Проезд на такси был значительно дороже трамвая или автобуса и широко не использовался. Позже, когда парк машин увеличился и появились сначала маленькие юркие «Фордики», быстро освоенные нашими заводами и выпускаемые уже как «Газы», то мы стали считать, что это уже наши отечественные машины. А это так и было.

Подлинно отечественными стали «Эмочки», или «М-1», которые быстро вытеснили иномарки и «газики» и стали заполнять наши улицы. Такси приобретало все больший и больший спрос, стало обыденным явлением. Цены были хоть и более высокими, чем в обычном городском транспорте, но все-таки более или менее приемлемыми. Но москвичи в большинстве своем пользовались такси только в особых случаях, связанных со срочностью.

Кстати, шашечек на кузовах тогда еще не было. Они появились значительно позднее. Отличительные флажки, показывающие свободна или занята машина, сменились зелеными огоньками фонариков, укрепленных в верхнем углу ветрового стекла.

Первые автобусы

Первый автобус я увидел, когда был еще в детском саду в средней группе. Это было, значит, в 1924 году. Когда мы в сентябре вернулись с дачи, я увидел, что на Театральной площади останавливается интересный автомобиль с большими окнами. И сидят в нем люди. Просто трамвай на колесах с резиновыми шинами и без рельсов. Весной еще его не было. Значит, появился летом. Мама сказала, что в августе. Мама все знает.

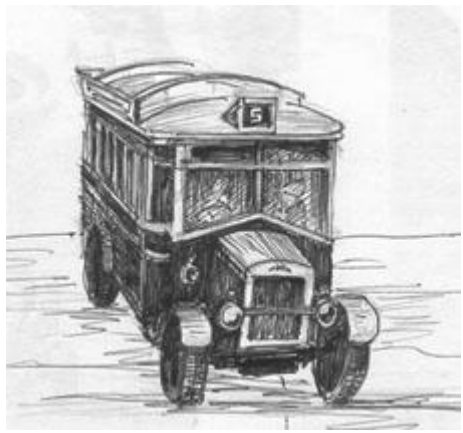
Остановка этого автомобиля, называвшегося, как я узнал, автобусом, была совсем рядом с нашей трамвайной. Как отчаянно я захотел прокатиться на этом чуде. Но мама сказала, что он идет совсем не к нам, а по Тверской улице до Александровского вокзала, ныне Белорусского.

А в другую сторону он шел к Каланчевке — площади трех вокзалов. Увидев, как я был огорчен, она пообещала обязательно специально проехать со мной на автобусе. И обещание свое сдержала. Это же такой праздник: мы поедем на автобусе! Какое великое счастье!

Тут все особенное. Начиная с остановки. В отличие от трамвайных вывесок, на остановке автобуса на столбе был каким-то образом укреплен маленький-маленький автобусик. Ну, совсем игрушечный. Правда, побольше обычной игрушки. Так сантиметров сорок-пятьдесят. Он сделан совсем таким же, как и настоящий и также выкрашен. Только в одном из окошек у него красуется цифра «1». Это значит маршрут № 1. И так на каждой остановке. Автобусы были заграничными, английскими. Марки «Leyland», произносимой, как «Лейленд». Выкрашены в два цвета: низ темно-коричневый, а верх светло-желтый. Пузатые, очень вместительные. Внешне они мне сразу больше трамваев

понравились. Одно плохо, что маршрут у них не для наших поездок в детсад и обратно.

Внутри в автобусе лучше, чем в трамвае. Во-первых, все сидения мягкие. Это же очень здорово! На спинках, как и в трамваях, укреплены металлические ручки. Окна большие, очень хорошо видно и через переднее стекло. Можно смотреть вперед, сидя в удобном переднем кресле.



Конечно, автобус меньше трамвая. Но зато он едет свободно, может обгонять другие машины и извозчиков. А так у него все похоже на трамвай: такой же кондуктор с такими же билетными рулонами на ремне от сумки. Проезд, правда, немного дороже, чем в трамвае. На целую копейку.

Мы проехались сначала до Александровского вокзала, где на площади красивая Триумфальная арка, а потом снова влезли в автобус и поехали в обратном направлении — к вокзалам на Каланчевке. Снова светится яркими огнями Тверская, снова Охотный ряд со своими лавчонками, снова Театральная площадь, откуда мы начали свое увлекательное путешествие. Но мы проезжаем площадь, едем мимо нашего детского сада, и я страшно жалею, что никто из моих приятелей не видит, как я с мамой еду на настоящем прекрасном автобусе. На самом переднем месте. Ну, ничего, завтра все это расскажу в группе. Пусть завидуют. Только, наверное, Юрка Лебедев не будет завидовать. Ведь он живет в самом высоком доме в Москве с удивительным названием «Нирнзее». Значит, он из своего небоскреба каждый день может и утром и вечером ехать не в трамвае, а в автобусе. Надо будет спросить его, как он считает, на чем лучше ездить.

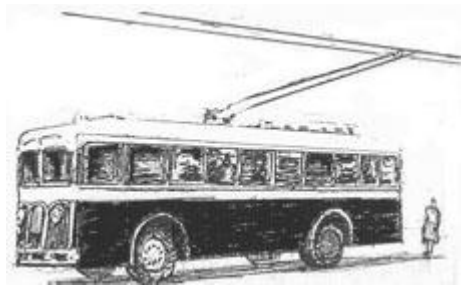
Сначала автобусы были иностранные. А потом их сменили наши «АМО», или, как стали называть позднее, «ЗИСы». Эти были

меньше первых. Но зато наши.

Автобусов становилось все больше и больше. Открылись новые маршруты. Даже через нашу Кудринку стали ходить. Маршрут № 4. Он стал ходить с Пресни через нашу площадь по Поварской и дальше на Каменный мост. Но для меня это было безразлично. В школу я бегал. Ни автобуса, ни трамвая не требовалось. Поэтому автобусом пользовался изредка, для каких-нибудь особых поездок.

Первые троллейбусы

Когда я уже стал совсем большим и учился в седьмом классе, я услышал, что по Тверской пошел совсем удивительный электрический автобус. Он был без автомобильного мотора, имел электромотор, питающийся от специальной городской сети. Вдоль улиц, по которым проходил его маршрут, на специальных опорах по обеим сторонам улиц тянулись контактные провода, к которым этот электроавтобус подсоединялся двумя штангами. Таким образом, он был как бы привязан к проводам сети. Никаких рельсов не было. Ну просто гибрид трамвая и автобуса. Смешно: машина-гибрид.



Как-то вечером мы с Юрой Моделем отправились познакомиться с этим гибридом. Вообще, Юрка всегда был очень заводным. Всегда обо всех городских новостях знал раньше и больше всех. Откуда только он набирался такими сведениями. Не знаю. Зато точно знаю, что зря он не скажет. И еще расскажет такое, о чем даже в газетах не всегда прочитаешь.

Итак, мы на Тверской. Остановка троллейбуса совпадает с автобусной. Только вывеска отдельная. И цвет другой: у автобуса, как всегда, желтая, а для троллейбуса белая. И буквами обозначено, где «А», а где «Т».

Наконец, к нам приближается заветная машина. Какая она с виду грузная, неуклюжая. Как мастодонт какой-то. Не то что привычный юркий автобус. Я даже немного расстроился. Над этим мастодонтом вверх тянутся две тонкие металлические палки с роликами на концах. Ролики бегают под проводами, прижимаясь к ним снизу. Как они прижимаются к ним, не понятно. Наверное, эти палки-штанги, имеют что-то вроде пружин. Иначе ролики соскочили бы с проводов. Юрка что-то объясняет, но чувствую, что тут он немного плавает. Говорит неуверенно, что для него не обычно. Позже ролики заменили на полозки.

Внутри троллейбус совсем такой же, как автобус. Только водитель сидит в специально отгороженной кабине с дверью в салон, а не наружу, как это сделано в автобусах. Идет троллейбус чуть медленней, чем автобус. Но это он просто осторожничает. Я как-то ехал на таком троллейбусе поздно вечером, почти ночью, по пустынным улицам. Так он так гнал, что никакому автобусу и не снилось такое.

А потом, в году тридцать шестом или позже, не помню, появились на некоторых маршрутах совсем удивительные троллейбусы. Двухэтажные. Надо же! Я только в книжках читал, что двухэтажными у нас были конки. Там был верхний открытый этаж, называемый «империал», куда надо было влезать по лестнице. Да в Лондоне, или еще в каких-нибудь западных столицах, ходили омнибусы.

А у нас сам троллейбус стал двухэтажным. Лестница на второй этаж крутая с поворотом, чтобы меньше места занимать. Я, конечно, всегда старался ехать на верхнем этаже. Особенно хорошо, если можешь попасть на переднее сидение. Тогда перед тобой открывается такой изумительный вид, ты испытываешь такое счастье, такое блаженство, что, кажется, ничего лучше и быть не может. Ты смотришь сверху вниз на улицу, на проходящих людей. С этой высоты ты видишь то, мимо чего обычно пробегаешь, не замечая. Потом почему-то двухэтажные троллейбусы исчезли.

Милиционеры, семафоры и светофоры

Кто из мальчишек не хотел в детстве быть или пожарником, или милиционером. Думаю, что многие хотели. Я тоже. И поэтому с восторгом смотрел, как мимо меня проносились ярко-красные пожарные машины, с огромным уважением разглядывал милиционеров, их форму, их кобуры, их черно-белые полосатые жезлы.

Вот на середине перекрестка стоит милиционер. Регулировщик движения. Плотно облегающая белая гимнастерка на выпуск с красными петличками на воротнике. Черные штаны-галифэ. На голове белый шлем с двумя козырьками — и спереди и сзади. Сверху небольшая шишечка. А спереди звезда. Кожаный пояс с портупеей. К поясу приторочена кобура с наганом. Вид вполне эффектный.

Он чувствует, что на него все смотрят. И соответственно держит выправку. Движением рук регулирует движение транспорта и пешеходов. На руках белые перчатки, в правой руке полосатый черно-белый жезл. И не только руками он регулирует, но и поворотом туловища. Вот он стоит, подняв жезл строго вверх, и автомашины видят его лицо или спину, значит им путь закрыт. Потокам же, пересекающим перекресток, можно двигаться. До тех пор, пока он не повернется к ним лицом или спиной и не покажет разрешенное движение. Очень интересно у него получаются все эти повороты, все эти манипуляции рукой с

жезлом. «Стоп!», — рука вверх и лицо к потоку. «Разрешаю движение!», — и рука плавно полукругом идет сверху по часовой стрелке и замирает перед грудью. Постовой при этом красиво поворачивается вправо. Можно долго стоять и любоваться. Особенно отличался своим грациозными отточенными движениями милиционер, стоящий перед Моссоветом на Советской площади. Одно время там стояла девушка-милиционер. Так на этих артистов мы бегали специально смотреть. Красивая работа. Виртуозные движения. Другие тоже умели красиво регулировать движение. Но эти были просто особенными.

Зимой регулировать движение было трудней. Все-таки в форменной шинели или шубе не очень-то повертишься. Но приходилось, и они вертелись. И ведь в течение целой смены без перерыва. Оставить пост можно было, если приходил сменщик и вставал на время на пост. Кстати, этих милиционеров-регулировщиков так и называли постовыми.

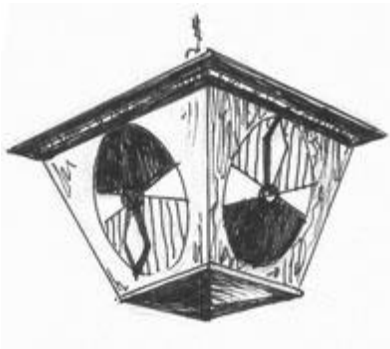
Где-то в конце двадцатых или самом начале тридцатых годов на главных улицах города, таких, как Тверская или Мясницкая и Арбат, установили семафоры. В отличие от железнодорожных, никаких поднимающихся указателей не было. Сверху не очень высокого столба укреплена была горизонтальная доска-перекладина.

На концах перекладины были круги. Все это сооружение было выкрашено в белый цвет с красной окантовкой. И круги тоже были красные. Всему транспорту, на который был направлен

спереди или сзади семафор запрещалось движение. Поэтому, если вся эта штуковина была повернута лицом к потоку машин, то они останавливались и ждали, пока штуковина не будет повернута милиционером вдоль их потока и против поперечного. Столб вращался постовым милиционером. Для этого на столбе были сделаны ручки.

Вскоре это новшество перестало удовлетворять милицию. Все-таки требовался физический труд и постоянное дежурство милиционера. Стали появляться новые усовершенствования. На крупных перекрестках, на больших площадях в центре перекрестка повесили удивительные «фонари». Это были перевернутые четырехгранные пирамиды, обращенные своими гранями к улицам перекрестка.

Каждая грань — трапеция имела вписанный в нее круг, расцвеченный по разному. Сверху сравнительно большой сектор был выкрашен в красный цвет — «Стоп! Ехать запрещено!» Нижний такого же размера сектор был зеленым — «Путь свободен. Ехать разрешено!» По обоим бокам между главными секторами были сравнительно узкие желтые секторочки. Это означало «Внимание! Приготовьтесь к остановке или к движению». По кругу непрерывно ходила большая хорошо видная издали черная стрелка. Она показывала, какой сектор в данный момент должен быть принят транспортом. Скорость движения стрелки была рассчитана на возможность свободного прохода потока через перекресток. На всякий случай невдалеке находился дежурный постовой милиционер, который мог вмешаться, если возникала конфликтная обстановка.



Появление светофоров вызвало большой интерес у москвичей. Сначала светофоры вешали в четырехстороннем исполнении в центре перекрестка, как описанные выше часовые цветовые. Такие светофоры нам знакомы. Это были свисающие в центре длинные черные металлические ящики с тремя круглыми

стеклами на каждой стороне: красный наверху, желтый посередке и зеленый внизу. Если на взаимно противоположных сторонах светофора зажигалось какое либо стекло, то на соседней грани загорался другой цвет.

Желтый же горел одновременно на все стороны. Над стеклами были укреплены большие козырьки, защищающие стекла от снега, а главное, защищающие их от яркого солнечного света, чтобы цвет был хорошо виден издали даже в яркий солнечный день. Потом установили светофоры на столбах по углам улиц, совмещая с висящим посреди перекрестка. Очевидно, это помогло одновременно регулировать и движение пешеходов, которые часто были невнимательны к висящему в центре светофору.

Совсем уже недавно появились и специальные только для пешеходов предназначенные маленькие светофорчики. Иногда они были подобны большим. Иногда изображали или красных стоящих человечков («Стоп!») или идущих зеленых. Эти смешно ногами перебирали («Проход свободен! Идите!»). Сначала светофоры включались и переключались милиционерами, стоящими у пультов управления на одном из углов перекрестка. Позднее переключение перевелось на автоматическое.

Как эксперимент, одно время движение по Садовому кольцу было отрегулировано так, чтобы могла осуществляться так называемая «зеленая волна». Переключение светофоров было рассчитано так, чтобы поток автомобилей, пройдя через один перекресток, мог подойти к следующему как раз перед переключением на зеленый цвет. Таким образом уменьшились или были вовсе исключены простои на Садовом кольце перед перекрестками. В условиях перенапряженного движения это было очень важно. На очень оживленных перекрестках автоматические светофоры совмещались с наблюдением и регулированием движения из специальных стеклянных будок, возвышающихся над тротуарами.

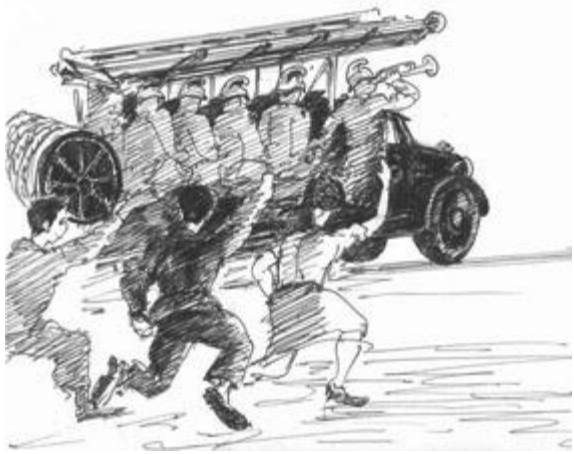
Пожарные едут!

В повседневный городской шум, доносящийся с улицы в нашу квартиру, вдруг врывался звон колокольчика и звуки горна. Это пожарная команда. Это нельзя ни в коем случае пропустить. Мы дружно подбегаем к окнам, распахиваем их как раз, когда машина приближается к ним. Это же удивительное зрелище! Красная, вся абсолютно красная машина со сложенной выдвигающейся лестницей, укрепленной на ней вместо кузова. На машине сидят пожарные. Все они в брезентовых куртках, на головах у них удивительные шлемы с завитыми украшениями наверху. Совсем, как у древних римлян, или у рыцарей. Впереди рядом с шофером сидит пожарник в такой же одежде и отчаянно звонит в колокол, подвешенный у кабины. А раньше было совсем здорово: впереди пожарной машины скакал всадник в каске и с большим факелом. Потом всадники исчезли. Наверное, скорости автомобилей увеличились, и лошади было трудно скакать впереди машин. Ведь здесь важна скорость, а не красота. Сзади машины укреплена огромная красная катушка с серым толстым шлангом или, как еще его называют, с рукавом. На концах рукава с одной стороны медный блестящий наконечник, который называют чудным словом «брандспойт». Кстати, и начальник у них тоже на «бранд» начинается. Только он зовется «брандмейстер», а городской начальник уже не «брандмейстер», а «брандмайор». Звучит здорово! Я уже узнал, что по-немецки слово «бранд» означает пожар. А почему надо наших пожарных по-немецки величать? Перенесли с тех времен, когда впервые появились?

На другом конце рукава блестящее медное приспособление для закрепления рукава на водопроводной трубе. Но не на простой, а с высоким давлением, чтобы до верхних этажей доставала струя. Поэтому запор должен крепко держать рукав, не сорваться. И устроены специальные стопоры, не дающие привинченному рукаву сорваться с гидранта. Я уже знаю, что прикрепляют рукав к гидранту, поэтому и называю его сразу так. Хорошо, если есть такой в доме или поблизости. Во многих учреждениях такие гидранты есть. А если нет, то ведь следом за пожарной машиной едет специальная машина с огромной бочкой-цистерной. В ней большой запас воды. А еще бывает, что мчится и специальный насос с двумя ручками, чтобы качать воду из какого-нибудь водоема, из реки или из пруда. Насос качают два пожарника, да и добровольцы всегда находятся. От насоса идут два толстых рукава: один опускается туда, откуда берут воду, а

другой — это тот самый шланг с брандспойтом. Позднее насос стали монтировать на машине, соединяя его с мотором. Накачивание воды руками прекратилось.

В книжках я видал пожарников не на машинах, а с конной тягой. А впереди скакал всадник в форме и с каской и трубил в горн. На экипаже впереди укреплен факел с развевающимся на ветру пламенем. Здорово! Но теперь конных сменили автомашины. Так ведь быстрее можно к пожару домчаться. И остались все эти кони, все эти факелы и горны только в книжках. Жаль, но правильно.



Я пожарными давно интересуюсь. На Столовом переулке, что около третьей школы, на углу Ножового переулка, есть пожарная команда. Начальником там отец моего одноклассника Кольки Донцевича. Он нас водил и в казармы, и к тренировочной башне, и на каланчу. Раньше на каланче стоял специальный дежурный, который наблюдал за окрестностями и давал сигнал тревоги, если замечал поднимающийся над крышами домов дым. Мешать ему нельзя было. Теперь же о пожаре сообщают по телефону. «01». Поэтому на каланчу мы попали легко. Она свое былое значение потеряла.

Пожарники спят или дежурят в казарме на втором этаже. Под ними гараж с пожарными машинами. Из гаража сразу три двери, чтобы сразу три машины могли выехать. Когда раздается сигнал тревоги, дежурные пожарники моментально вскакивают и бросаются к гладким полированным столбам, около которых большие дыры в полу. Обнимая столб, соскальзывают пожарники к машинам, которые к этому времени были уже заведены и трогались, не дожидаясь последних. Задержавшиеся вскакивают на машины на ходу. Тут дорога каждая секунда.

А потом мы наблюдали, как тренируются пожарники на вышке, как они крючьями цепляются за окна на тренировочной башне, протягивая при этом рукав-шланг, как моментально взбегают по раздвижной лестнице, как молниеносно раскатывают рукава-шланги и прикручивают их к гидрантам. Крепятся они к трубам большого диаметра, больше, чем обыкновенные водопроводные трубы. Узлы крепления блестят медью, а кольца у кранов тоже большие и ярко красные. Как и колеса, на которые накручены рукава. Как ручки всех орудий и инструментов, нужных на пожаре.

Неподалеку от моего дома на Баррикадной улице рядом со Вдовьим домом и милицией тоже находится пожарная команда. Но туда попасть невозможно. Там ведь нет отца какого-нибудь моего школьного приятеля. Даже приблизиться к казарме или гаражу не разрешают. Даже, если ворота открыты. Правда, издали, когда иду мимо этой пожарной команды или в баню, или в зоопарк, или на каток, всегда поглядываю на этот двор, на красные машины с большими лестницами, на самих отважных пожарников.

Как я мечтал стать пожарным! Как часто рисовал пожарный выезд. И как ни разу не пропускал момента, когда пожарные машины под звон колокольчиков и звуки горна проносились мимо наших окон. Героические люди, героическая работа!..

Похоронная процессия

С улицы доносится тихая и медлительная мелодия. Приближаясь к нам она становится все громче и громче. Удержаться невозможно. Мы бросаемся к окнам. Наше любопытство вознаграждается только тогда, когда процессия подходит к самым нашим окнам. Она медленно проходит. Это обычная похоронная процессия. Впереди идет в длинном плаще или как бы халате человек в цилиндре. Он ведет под уздцы лошадь. Иногда бывает, что лошадей впрягают двух или даже трех. Но чаще всего медленно, мерно покачивая головой идет черная лошадь с белыми «чулками». На голове у нее высокий «султан» из белых перьев Вся она покрыта черной материей или черной сеткой. За ней тихо катится катафалк. Это особая телега для гроба, на высоких тонких колесах, с резными черными столбами по углам. Верх столбов украшен резными факелами. На катафалке посередине имеется возвышение, на котором установлен гроб, покрытый белым покрывалом. За гробом идут люди. В первом ряду всегда идут самые близкие родственники. Какую-то женщину, одетую во все черное и с черным платком на голове ведут под руки. Наверное, вдова или мать. Все женщины в черном. Только вот, если пальто или платье не черное, то платок обязательно черный. Мужчины без головных уборов. В руках у многих цветы. Кто-то несет икону. За родственниками и друзьями чинно идет духовой оркестр. Тоже все одеты в черное. Музыканты в цилиндрах. А за оркестром пристроились или знакомые или просто желающие проводить даже незнакомого им человека.

Я знаю, что мимо нас процессия идет сначала вдоль Новинского бульвара, потом, минуя Смоленскую площадь, выходит на Плющиху, затем на Пироговскую к Новодевичьему монастырю. Там два кладбища. В самом монастыре сохранились старые могилы. Но там уже не хоронят. А к задней монастырской стене прилегает новое кладбище. Почему новое, я не знаю. Ведь там хоронят очень давно. Еще с довоенных времен. Наверное, с самого начала века. Или даже раньше.

К похоронной процессии отношение очень бережное. Милиционеры перекрывают путь поперечному движению. А извозчики, ломовые подводы или редкие автомобили стараются не обгонять. Пристраиваются сзади и едут так до самого поворота на Плющиху. Ну уж, если они очень спешат, то стараются свернуть побыстрее в ближайший переулок, чтобы обогнать процессию по параллельным улицам.

А иногда бывает совсем другая процессия. Масть лошади самая различная, но чаще всего белая. Катафалк тоже белый, а гроб красный и покрыт красным покрывалом. За гробом иногда несут на специальных подушечках ордена. А остальное все такое же: и женщины в черных платках и мужчины с обнаженными головами. Только на рукавах у некоторых черно-красные ленты. У оркестрантов цилиндров нет. А все остальное обычное. Музыка, правда, бывает немного другая. У первых чаще всего классическая, похоронная, а вот у вторых перемежается с революционным похоронным маршем, даже с обычными революционными мелодиями. Это были похороны коммунистов.

Дальние и пригородные поезда

Тепловозы и электрички появились на железных дорогах где-то в конце тридцатых годов. А то по рельсам мчались скорые пассажирские и тянулись товарники, прицепленные к паровозам. И пассажирские поезда были разными — скорыми и курьерскими, то есть совсем очень скорыми, и просто пассажирскими, и даже тихоходами, которых в народе почему-то называли «шестьсот веселыми». Это, наверное, потому что их номера были трехзначными и начинались на цифру шесть. Товарные были и скоростными специальными и медленно тащащими свой груз длиннющими составами. Мы иногда до шестидесяти, если не до ста вагонов насчитывали. Какой же мощный паровоз надо было иметь, чтобы тянуть такой груз! Иногда приходилось прицеплять сразу два паровоза. Или один за другим, или один спереди, а другой сзади.

Паровоз вещь уникальная. Это огромный паровой котел, имеющий и топку и выходную трубу, и систему поршней, чтобы приводить его в движение. Топка помещается в задней части котла, в нее приходится все время подбрасывать топливо. Сейчас топят углем, а раньше, говорят, не углем топили, а дровами. Для угля или дров к паровозу был прицеплен специальный открытый сверху вагон-платформа с высокими стенками. Назывался такой вагон тендером. Кочегар должен был из тендера выгребать топливо к топке и все время держать ровный огонь. Тяжелейшая работа. Рядом с кочегаром стоял высунувшись в окно будки сам машинист. Это командир на паровозе. Он регулирует скорость движения, он начинает его, он же тормозит на остановках и прекращает движение. Он бдительно следит за подъемами и спусками. Он сигналит стрелочникам и дежурным по станциям, если не должен останавливаться на них. Тут вообще осуществляется интересная вещь: машинист и дежурный по станции начальник обмениваются на ходу жезлами с большими кольцами на концах. Зачем это нужно, что этим достигается, не знаю. Но это было всегда, если поезд проносился, не останавливаясь через станцию.

На вокзалах и станциях были колокола, возвещавшие отправление. Сначала первый звонок, потом второй, оба предупреждающие, и, наконец, третий, для отправления. Звонит третий звонок, дежурный по станции пронзительно свистит и подает разрешающий сигнал машинисту.

Тот, в свою очередь, отвечает своим сигналом, и паровоз начинает медленно проворачивать свои колеса. Иногда

приходится выпускать пар, и плохо приходится тому, кто окажется в это время под его струей. Колеса начинают вращаться все скорее и скорее, поезд проплывает мимо платформы, на которой полно провожающих. У пригородных поездов все это проще, и провожающих значительно меньше. Да и внешний вид пригородных поездов иной, не похожий на дальние. Если вагоны дальних имеют плотно закрывающиеся двери тамбуров, если в вагонах бывают отдельные купе, а в дальних даже мягкие места, то в пригородных не очень большие вагоны с открытыми тамбурами и с деревянными скамейками без вторых и багажных полок. Ехать-то не далеко. Тут мягкие и купейные вагоны не нужны.

Освещались вагоны фонариками со свечками, которые зажигал проводник. Освещение получалось очень тусклое. Только, чтобы можно было пройти куда-нибудь, не спотыкнувшись о торчащие ноги спящего пассажира или о выдвинутый в проход чемодан или мешок. На пригородных поездах ехать можно было и на подножках и просто в открытом тамбуре. Тут воздух чище, ветерок гуляет и можно чуть-чуть высунуться навстречу этому ветру. Замечательно!

Первые электрички

В 1929 году появились первые электропоезда, или, как их любовно стали называть, «электрички». Впервые движение открылось на участке Москва — Мытищи. Мы в тот год летом жили в Лосиноостровском. Это не очень далеко от Москвы, но как раз тут и стала ходить электричка. Интересно, что случалось так, что одновременно по параллельным путям шли и простые пригородные паровички, идущие на всю длину пригородного движения, вплоть до Раменского, и электричка, идущая только до Мытищ. Мы как-то с папой как раз и попали на такое время, когда совсем рядом друг с другом шли такие поезда. Так как наша «Электричка» останавливалась на каждой остановке, а дальняя Раменская пролетала мимо некоторых станций не останавливаясь, то иногда она уходила от нас вперед, а потом мы ее все-таки догоняли. Такое вот соревнование получалось. Как бывало обидно, когда приходилось останавливаться и давать паровику уходить вперед. И как радовался я, когда мы его догоняли и перегоняли. «Ну еще, ну еще! — мысленно обращался я к нашему машинисту, — Ну что же ты даешь тому уходить, ну догони его, пожалуйста, Ну, пожалуйста, миленький!» И он, представьте, догонял! Вот молодец!

Надо сказать, что этим соревнованием интересовался не только я с папой. Почти все пассажиры в вагоне переживали одно и то же, ревниво следя за соседним поездом. Но все-таки победителем, хоть и с меньшей скоростью, чем наша, оказался сосед. Просто он вырвался вперед, когда мы остановились на платформе «Лось». И догнать его уже не хватило времени: нам надо было притормаживать перед Лосиноостровским.

Обидно, все-таки, сколько раз мы его обгоняли. И никто не виноват, что наш путь оканчивался. Мы с папой не считали себя побежденными. Надо сказать, что такого конца соревнования мы не увидели бы, если сошли в своей Лосинке, когда вырвались далеко вперед, выиграв эту дистанцию. Ведь для полноты впечатления папа проехал со мной аж до самых Мытищ, потом мы возвращались в свою Лосинку на той, что уже ожидала нашего приезда. После чего отправлялась. Мы еле успели на нее. Восторгу моему от этой поездки не было предела! А мама почему-то сердилась из-за нашей задержки. Она ждала нас, еду разогрела, даже начала волноваться, а нас все нет и нет. Не могла она понять нас. Я думаю, что и папе все это было интересно, как и мне. И не только ему, а почти всем пассажирам-попутчикам. Какая уж тут еда!

Электрички во всех отношениях были лучше паровичков. Это естественно. Главное, чище. Ведь никакого дыма не выпускалось. И красивые они были. С автоматически открывающимися и закрывающимися дверями, очень светлые. Все дело было в сооружении самих электрифицированных дорог. Надо было поставить мачты для контактных проводов, надо было соединить проводами рельсы, чтобы обеспечить обратное движение тока. Много чего надо было сделать и на конечных пунктах. Обеспечить связь, автоматический перевод стрелок и многое другое. Постепенно, участок за участком, не только Казанка (Казанская железная дорога), на которой появился новорожденный чудо-поезд, но и все остальные московские дороги стали оснащаться электрифицированным движением. Все москвичи и жители области почувствовали, насколько лучше электричка.

Мостовые и тротуары

Асфальтированными в Москве в двадцатые годы были только центральные площади, да некоторые главные улицы в центре. А так все больше булыжные мостовые были. Даже на довольно значительных улицах, вроде Садового кольца, многих улицах между Садовым и Бульварным кольцами, а уж о переулках и тупичках и говорить не приходилось. За Садовым кольцом лишь самые главные магистрали, вроде 1-й Тверской-Ямской, были асфальтированы. Со временем некоторые покрывались сплошным ковром асфальта, высыпаемого из больших котлов и разглаживаемого на месте большими катками, ручными, а позднее и автокатками. Другие, более значительные, наверное, выкладывались квадратами или шестигранниками литого асфальта. Результат получался почти одинаковый: и то и другое асфальт, но лить по месту было хлопотнее и создавало дополнительные трудности: требовалось устанавливать специальные котлы для варки асфальта, что страшно отравляло воздух.

Некоторые улицы, особенно на крутых склонах, вроде Кузнецкого моста, или проезжих частей Рождественского и Петровского бульваров, вроде Народной улицы и всех, кто круто спускался к рекам, мостили не булыжником, а каменной брусчаткой. Получалось сравнительно ровно, но конечно, с гладкой поверхностью асфальтированных улиц даже сравнивать было невозможно. Особенно мне нравилось покрытие на Кузнецком мосту. Сюда я приходил ежедневно по будням, пока учился. Ведь наш Архитектурный институт размещался совсем рядом, на Рождественке. Так весь Кузнецкий был вымощен брусчаткой. И не простой, а разноцветной, из разных пород камня. Особенно после дождя, когда каждый брус был вымыт струями воды, мостовая бывала неотразима. Она переливалась всеми цветами радуги. Замечательно.

Тротуары на некоторых улицах были плиточные — из крупноразмерных каменных плит. Многие же были залиты асфальтом, имеющим по краям бордюры из гранитного камня. А на окраинах в многих местах сохранялись долгое время и грунтовые дороги и не благоустроенные дорожки вдоль домов. Это на окраинах, вроде Шелепихи, Сокольников, Измайлова, Кожухова и многих других, которые напоминали скорее загородные поселки, чем городские улицы. Но их вскоре тоже превратили в настоящие, замощенные.

С давних времен сохранились на некоторых улицах и

особенно в переулочках — арбатских, пречистенских, замоскворецких и им подобных — тумбы при тротуарах. Здесь было много купеческих и дворянских особнячков, имевших в старые времена собственные выезды. Вот и сохранились здесь такие анахронизмы — тумбы. Тумбы бывали и каменные гранитные в виде обрезанного сверху конусообразного валуна, и чугунные, завершающиеся узорчатым вроде неразвернувшегося цветка, чем-то вроде сидения. Думаю, что тумбы эти, видимо, нужны были, чтобы экипажи не въезжали на тротуары. Да и привязывать лошадей извозчики вполне могли.

Берега и наводнения

Когда был создан в 1937 году канал Москва-Волга, когда воды Волги пришли к Москве-реке, одновременно изменялись и берега реки в пределах столичного центра, сооружались новые мосты, прокладывались новые набережные. А до этого только в самом центре — у Кремля, Китай-города и Храма Христа Спасителя набережные были облицованы камнем, имелись нормальные лестничные сходы к воде, некоторые мостовые были асфальтированы. Все остальное было в очень плохом состоянии.

Берега оставались в своем первозданном естестве, земляные с деревянными перилами, которые, кстати, не всюду были сделаны. Мосты были переброшены с берега на берег с уровня улиц и набережных, пересечения были в одном уровне. В XIX веке некоторые из них, особенно в центральной части города, были заменены на новые.

Были сооружены новые опоры, через пролеты переброшены металлические фермы. Изменялся транспорт, изменялись нагрузки, мосты, естественно, приходилось обновлять, приспосабливать к новым условиям. Однако, эти сравнительно новые мосты не смогли воспринять того, что пришло с введением в строй канала Москва-Волга, с реконструкцией уличных магистралей, когда потребовалось делать двухуровневую развязку движения по набережным и мостам.

А в двадцатых и начале тридцатых годов до такой коренной

реконструкции еще руки не дошли. Поэтому свой рассказ я хотел бы повести про те далекие времена, когда вне центра реки Москвы и их берега были не благоустроены.

Часто нас тянуло к реке. Можно было дойти по Новинскому бульвару до Смоленской улицы и, свернув на нее, выйти к Бородинскому мосту, к излучине Москвы-реки, а перейдя ее, выйти к Поклонной горе и посмотреть на город оттуда. Можно было по Конюшковскому переулку пройти на берег одного из Пресненских прудов и тоже выйти к реке в районе Трехгорки, Студенца с его великолепными прудами и остатками от былой усадьбы. Можно было прокатиться на «Букашке» к Крымскому мосту и пройти по берегу реки к Бабьегородской плотине, к Храму Христа Спасителя и далее к Кремлю и Китай-городу, чтобы потом уже на «Аннушке» вернуться к Никитским воротам и домой на Кудринку. Можно, наконец, на той же «Аннушке» проехать к Яузским воротам и по берегам Яузы пройти к Садовому кольцу, чтобы на «Букашке» вернуться домой. Да мало ли что было можно. В Москве столько возможностей выйти к Москве-реке, к Яузе, что просто трудно перечислить их. Важно одно: в любую сторону от дома пойдешь и обязательно к рекам выйдешь. Ведь проходит Москва-река с северо-запада через центр к Ново-Спасскому монастырю, Крутицам и далее, аж за Москву до Коломенского. А Яуза с севера протекает через Лефортово и недалеко от Китай-города впадает в главную реку столицы. Я, правда, в северной части Яузы или около другой речки Лихоборки в те времена не бывал, но Москву-реку и Яузу в центральной части города знал неплохо, любил часто приходить на берега этих рек, любоваться открывающимися далями, мостами, возникающими то в одном месте, то в другом, отдельными колокольнями и храмами монастырей, церквами и церквушками, утопающими в зелени и в окружающей их застройке.

Там, у берегов рек, было и хорошо и плохо. Хороши были

открывающиеся виды и просторы, хорошо было смотреть на бегущие волны реки, хорошо было позавидовать белой завистью людям, проезжавшим мимо меня на лодках. А плохо было смотреть на неухоженность берегов не центральной части города, на осыпающиеся кручи невысоких обрывов, на свалки и кучи всякого мусора, на покосившиеся дома и домики, на огромное количество всяких складов и других хозяйственных построек, сооруженных часто кое-как и, главное очень некрасиво — на выходящие прямо к самому краю берега заводы и фабрики с их дымящимися трубами, с теснящимся к их оградам подводам и грузовикам.

Интересны были мосты. Многие из них были заново сооружены не так уж и давно. Лет тридцать-сорок назад. В конце прошлого века. Тогда стал развиваться городской транспорт, появился трамвай, появились автомобили, в том числе грузовики. Мосты должны были выдерживать новые нагрузки, должны были быть крепче. Но делали их хоть и из более крепких материалов, из металла, например, но все же оставляли их на тех же уровнях, не делая проезды под ними по набережным. И появились тогда новые для тех времен такие цельнометаллические мосты, как Крымский, представляющий собой как бы огромную ферму. По высоте он допускал пропуск трамвая с прижатой к самой его крыше дугой. По ширине допускал проезд кроме трамвая в одном направлениях еще по одной полосе движения с каждой стороны других видов транспорта. Обгонять на мосту нельзя было. Тянется какая-нибудь груженная подвода, а за ней хвост машин, извозчиков. Если нет трамвая, то можно как-то успеть проскочить мимо нее, обогнать. А при трамвае трудно или просто нельзя.

Такие металлические мосты были и в других местах. Были и каменные. Но иногда название не соответствовало тому, что было на самом деле. По укоренившейся привычке новый для того времени мост за Ленивкой, ведший в Замоскворечье к Большой Полянке, продолжал называться Каменным, а следующий за ним

Чугунным. На самом же деле это только названия сохранились старые. А мосты были заменены на новые, имеющие металлические пролеты.

В центральной части города, где были красивые облицованные каменными плитами набережные, где к реке спускались каменные лестницы, где набережные были более или менее благоустроены, даже не просто замощены булыжником, как это бывало на некоторых окраинных берегах реки, а заасфальтированы, имели нормальное по тому времени газовое, а в некоторых местах даже электрическое освещение, имели приличные парапеты вдоль берегов, все равно приходилось натыкаться на всякие заводы вдоль реки, почти прямо напротив Кремля. Например, фабрика «Красный Октябрь» на конце острова над Бабьегородской плотине, заводы «Красный блок», «Красный текстильщик», электростанция МОГЭС, Камвольный комбинат и многие другие, названий которых я просто не знал. Да и не все берега даже тут были благоустроены. Замоскворечье от острова к Крымскому мосту и далее к Воробьевым горам имело лишь частично каменные берега и сохраняло еще простые земляные. То же было и по другую сторону Кремля.

Особенно все это бросалось в глаза во время весенних наводнений, которые до сооружения канала Волга-Москва бывали ежегодно. Еще задолго до начала паводков, до таяния льда на реках, начиналась вроде бы незаметная работа по подготовке к встрече этого бедствия для целых районов города. В кварталах, расположенных вдоль низких берегов реки, вроде Замоскворечья, старательно заколачивались досками не только окна полуподвалов или приямки в подвалы, но и окна первых этажей. Ведь вода могла достигнуть и этого уровня. Заколоченные окна во многих местах засыпались песком. Доски густо промазывались дегтем или битумом. Кое-где делались дамбы. Загораживались дворы со стороны реки. Но полностью берег не становился неприступным для подымающейся воды. Тем более, что улицы и переулки, выходящие на берега реки, не всегда и не везде перегораживались. Можно было всего ожидать. Опасна была не только вода, но и льдины, спускающиеся вниз по реке. Они били по заборам, по домам. Они корежили деревья и кусты. Не случайно на устоях и опорах мостов делались специальные ледорезы, выступающие навстречу льдинам.

Половодье приносило много непредвиденных несчастий и домам и людям, размывало дороги, портило мощение, уносило с собой все, что незакрепленным лежало в затапливаемых дворах. А об участи людей, остающихся в обреченных домах, и говорить не приходится. Как организовать жизнь? Как покупать продукты,

если кончились припасы? Как уберечь семью, особенно детей, от ежесекундно грозящей опасности? И сколько времени будет продолжаться это горе? И кто поможет, если срочно нужна будет помощь? Вопросы, вопросы, вопросы. А где ответы?

Мне довелось смотреть на некоторые наводнения. Одни были послабее, другие тяжелее и опаснее. Особенно запомнилось наводнение 1927 года. Я еще был пацаном. Учился в первом классе, и мне строго-настрого запрещалось куда-нибудь далеко от дома уходить. Но разве удержишься от соблазна, когда почти рядом такое грандиозное событие, о котором все вокруг говорят. Я уж не помню, как и с кем я удрал к реке, но хорошо помню все, что увидел тогда. Мы добрались до Храма Христа и вышли на набережную. Ее не заливало. Берега тут были высокие. Но напротив самого берега видно не было. Он скрывался где-то за домами. Вода видна была и между домами и в переулках. Было видно несколько лодок с людьми около самых домов. Что они могли делать, не знаю. Может быть, кого-то вывозили из полузатопленных домов. Может быть, доставляли что-нибудь остававшимся там людям. Издали не поймешь. На крышах некоторых невысоких домиков тоже были видны люди. Они кучками неподвижно сидели на самом верху кровли. Что они там делали? Ждали, чтобы их вывезли или просто пережидали бедствие, но находиться внутри дома боялись.

А по реке неслись льдины. И большие и малые. Шли они довольно тесно, прижимаясь друг к другу, но время от времени одни уходили вперед, другие чуть отставали, и тогда проглядывала вода между ними. Некоторые большие льдины прямо на глазах трескались, иные налезали друг на друга, иные начинали кружиться, расталкивая соседние.

На некоторых лежал какой-то мусор, доски, иногда ящики. А потом все обратили внимание на приближающийся на огромной льдине целый дом. Небольшой дом, но все-таки. С окнами, с раскрытой дверью, с тесовой крышей. Никого рядом с ним не было. Видимо, успели спастись. Этот дом приплыл, конечно, из какой-нибудь деревеньки с верховьев реки. Как его унесло? Как он очутился на отколовшейся льдине? Не был же он построен на ней. А может быть, его смыло половодьем, а потом большая льдина как-то оказалась под ним, приняла его на себя и понесла дальше и дальше от родных мест. Куда ее донесет? Куда из Москвы реки? В Оку, в Волгу? Люди рядом громко обсуждали ее возможный путь:

— А куда ей деться, как не в Оку. Как до Коломны дойдет, так и понесет ее дальше по Оке, по Волге, аж до самого Каспия.

— Это ты уж загнул, приятель, Да не дойдет она до твоего Каспия. Да и до Волги вряд ли. Вот до Оки может быть. Да и то, не расколется ли на части, не подтает ли? Если расколется, то быть этому дому на дне речном. Вот оно как будет-то…

— Ну да, растает. Смотри, как холодать стало. Лед-то крепкий, а ночью еще окрепнет. Нет, не успеет она подтаять.

— Ой, люди добрые, смотрите, смотрите, так там что же это плывет. Вон там из-за поворота? Вроде корова, а может, лошадь?!

— Какая лошадь. Не видишь что ли, что корова. Ее сразу распознать можно. Корова, она и есть корова.

— Бедная, как же она теперь? Как ее вызволить?

— Вот и вызволяй, если сможешь. Спаситель нашелся. Видали таких.

— Да что вы, люди спорите. Жалко ведь скотину…

— Жалко, жалко… Жалостью не поможешь… Считай, погибла скотина….

А корова быстро приближалась к нам. Ее уже можно было хорошо разглядеть. Черная. Шею вытянула, но не мычит. Устала, видно, мычать. Сколько вот так она на льдине стоит. И не расколется ли льдина? Хорошо бы прибило ее к берегу на каком-нибудь повороте. Но разве угадаешь?

Молча глядя на толпы людей, пронеслась мимо нас корова. Я старался представить себе ее глаза, печальные, мутные от слез. А коровы плачут? Заплачешь, если так попадешься. А о чем она сейчас думает?

А мимо проносятся новые и новые льдины. С ящиками, сеном, мусором. Грязные какие-то льдины. И смотреть на все это устаешь. Даже голова начала кружиться. Да и продрог что-то. Надо выбираться из толпы и двигать домой. А то мама узнает, будет ругать. Надо бы еще до ее возвращения с работы успеть.

Кино — немое, звуковое и цветное

Кино я страшно любил. Киношником был отчаянным. Мне иногда казалось, что нет такой картины, которой я не посмотрел. Кинотеатров было вокруг много. Было бы время, да были бы деньги. А этого как раз не всегда и бывало. Ну, со временем как-то еще устроиться можно. Или уроки делать попозже, или школу прогулять. Не все уроки, конечно, а пару часов приходилось. Вот с деньгами было хуже. Мама давала на кино изредка и не больше раза или двух в месяц. А хотелось ведь чаще! Вот и выкручивался, как мог. Конечно, мама об этом не знала. Каюсь, но иногда я брал кое-что из мелочишки, оставляемой мамой или на буфете или еще где-нибудь. Тайком, конечно. Особенных угрызений совести не испытывал. Хотя как-то попался и получил сполна по заслугам.

Другой способ практиковался чаще. Это — «ходить на протырочку», то есть без билета, каким-то образом обманув билетершу. Мы досконально изучили все близлежащие кинотеатры и их возможности в этом отношении. Чаще всего из-за узких проходов приходилось действовать отвлекающим маневром. Один из нас как-то отвлекал билетершу, совал ей использованный билет, и пока она с ним спорила, мы проскакивали мимо них и мчались в толпу зрителей, в зал. Иногда все же попадались и торжественно выбрасывались из кинотеатра, а чаще все-таки умели скрываться. Тем более, что билетерша не могла оставить своего поста и бежать за нами. А зрители не всегда ей помогали. Хотя всяко бывало.

Лучше всего в этом отношении был приспособленный под кинотеатр Большой зал консерватории. Он назывался «Колосс». В нем всегда шли хорошие фильмы. Под кино отводился весь огромный зал. От партера до галерки.

А попадать в зал было проще,. чем в других кинотеатрах. Здесь широченные мраморные лестницы у первой площадки были перегорожены невысокими деревянными барьерами. В середине узкий проход для зрителей. У прохода контролер или даже два. Но мы к этому проходу не подходили. Дружно перемахивали через барьер и мчались вверх по лестнице, аж до самого верха, до галерки. А там уже в темноте перелезали все ниже и ниже, сначала во 2-й амфитеатр, потом в 1-й, а то и ниже. Иногда, правда, попадались. Но не все. Кому-то везло, кому-то нет.

Фильмы были немые, о звуковых я тогда даже думать не мог, даже представить себе, что с экрана вдруг будет доноситься разговор или музыка, в то время было просто немыслимо.

А фильмы были очень разнообразные. Наших, советских,

было меньше. Наша кинофикация только-только набирала темпы. Были и знаменитые фильмы, были и средние, бывали и совсем слабые. Из знаменитых мне особенно запомнился «Броненосец Потемкин». Я его много раз смотрел в «Первом Совкино» на Арбатской площади. Там все поражало. Начиная от фасада и входа в кинотеатр. На фасаде был укреплен макет носовой части корабля с пушками и мачтой. У входа стояли матросы в бушлатах и пропускали зрителей.

А в самом фильме запомнились черви в мясе, коляска с ребенком на одесской лестнице, сапоги шагающих по этой лестнице солдат и красное знамя в конце фильма. Всамделишное красное. Оно полыхало на ветру. Думаю, что на ленте каждый черно-белый кадр был покрашен.

Запомнились и такие фильмы, как «Октябрь», где особенно впечатлял штурм Зимнего. Потом такие фильмы, как «Мать» по М. Горькому, «Конец Санкт-Петербурга», «Потомок Чингисхана», кинокомедии «Закройщик из Торжка», «Процесс о трех миллионах», «Праздник святого Йоргена» с Игорем Ильинским и Кторовым. Да мало ли было интересных для нас фильмов? Тут и «Приведение, которое не возвращается», и «Земля жаждет», и «Саламандра». Особенное впечатление произвел фильм «Фриц Бауэр» о судьбе немецкого мальчика и борьбе немецких рабочих.

Страшно любил заграничные боевики и, конечно, комедии. Знал практически всех звезд того времени. Мэри Пикфорд и ее мужа Дугласа Фэрбенкса, Гарольда Ллойда с огромными круглыми очками, и абсолютно спокойного и никогда не улыбающегося Бестора Китона, или Кейтона, «человека с бесстрастной маской». Его фильмы, в основном, были посвящены войне Севера и Юга в Соединенных штатах, вроде «Генерала» и других. У него был такой неожиданный юмор, такие комические ситуации, такие смелые акробатические трюки и при всем этом абсолютное спокойствие на лице. Ни один мускул не дрогнет. Это надо было видеть. А с Гарольдом Ллойдом, кстати, запомнился такой, страшно рассмешивший всех зрителей кадр. После счастливого, как полагается, конца и поцелуев на экране появляется детская колясочка с двумя крошками-близнецами Ллойдочками. И оба они, конечно, в огромных круглых очках. Под папу работали. А Дуглас Фэрбенкс запомнился, конечно, «Багдадским вором», когда он прыгал с крыши на крышу, пробирался во дворец шаха и даже в его гарем, никогда и никому не попадаясь. Герой! А его «Знак Зорро», или «Три мушкетера», «Робин Гуд» или «Железная маска». Можно было по несколько раз смотреть их. А Джекки Куган — знаменитый киномальчик. Он вызывал и восхищение и зависть. А чего стоили комедии с

участием Пата и Паташона, сопровождавшиеся непрерывным хохотом зрителей. Уже значительно позже я узнал их настоящие фамилии — Харольд Мадсон и Карл Шенстрем. Правда, я невольно обращал внимание на непритязательность публики, когда она надрывалась от хохота, глядя на неуклюжие выходки толстяка Паташона или нелепые движения длинного Пата. Мне не всегда было смешно. Большое впечатление произвел Чарли Чаплин. Правда и тут меня иногда смущали чересчур уж, на мой взгляд, неуклюжие выходки Чарли. Но тонкий юмор и грусть, сквозящая в его милом взгляде, покоряли. Его «Малыш», «Цирк», «Золотая лихорадка», «Огни большого города» и, конечно же, «Новые времена» просто незабываемы.

А потом на экранах появились звуковые фильмы. «Великий немой заговорил» — так называлась статья в «Вечерке». Это была сногсшибательная новость. Ведь звук при немом фильме создавался тут же в зале пианистом-тапером или оркестром или трио баянистов. Чаще всего это была импровизация на тему сюжета фильма, бывала и прямая компиляция. Для некоторых фильмов создавалось свое музыкальное сопровождение. Так было с «Броненосцем Потемкиным».

Первым фильмом со звуком был вовсе не «Путевка в жизнь», как, ошибаясь, пытаются втолковывать нам на страницах истории кино некоторые киноискусствоведы. Сначала был фильм, называвшийся «Концерт». Он шел в «Первом Совкино» и имел бешенный успех. В нем не было ничего особенного. Просто концерт. Номер за номером. Оркестровая музыка, солисты-инструменталисты. Разговора, пения не было. Только музыка. Все, как полагается. Но был ЗВУК! Это вызывало восторг публики. Это было новостью. И на сеансы «Концерта» народ валил валом. Мне помнится тогда этот фильм называли, кажется, тонфильмом. Точно не помню. Но знаю точно, что «Путевка» появилась позже. В отличие от звукового музыкального фильма «Путевка» была игровым разговорным фильмом, и в этом отношении первой. Возможно, что снята она была раньше того «Концерта», кто знает. Важно, что на московских экранах сначала мы смотрели «Концерт».

«Путевка в жизнь» покорила всех своей жизнеутверждающей правдивостью, своей искренностью. Игра и Мустафы и Баталова вызывала восхищение. Михаила Жарова знали и любили буквально все, Николая Баталова знали еще по «Матери», а вот Мустафа появился впервые и сразу же завоевал наши сердца. Я не знаю дальнейшей судьбы этого артиста, думаю, что «Путевка» для него его звездный час.

Фильм этот прогремел. Он был вехой в киноискусстве Союза.

Однако, были связаны с ним и негативные явления. Как-то, уже значительно позднее, мне пришлось разговаривать о театре, о кино с Народным артистом Абрикосовым, который приходил к нам в Архитектурный институт на наш самодеятельный спектакль «Хозяйка гостиницы». Я провожал Александрова, мы по дороге разговорились. О том, о сем. Коснулись и разного рода воздействия искусства на людей, особенно, на детей. Так Абрикосов мне сказал: «А знаете, что «Путевка» в какой-то степени повлияла на увлечение бродяжничеством у молодежи. Своей романтикой, своими симпатиями к героям-беспризорникам. Блестящая, с одной стороны, картина, а влияние оказала двоякое: и хорошее и не очень хорошее». Я был поражен. Никогда не думал в этом направлении. Возможно, Абрикосов был прав, но думать об этом не хотелось, вспоминая и отдельные эпизоды и талантливых артистов.

О немом кино постепенно просто забыли. Экран был прочно завоеван звуковым. Перечислять картины даже не хочется. Все-таки все это происходило не так уж и давно.

Вспоминаю также и появление первых цветных картин. Это происходило не сразу и не просто. Сначала появились первые ленты, вроде «Груни Корнаковой». Цвет на экране — это очень неожиданно. К этому еще не привыкли. Но само появление цвета встречено было с восторгом. Поэтому, по-видимому, прощались и первые неудачи, первые несовершенства. Конечно же, в «Груне Корнаковой» цвет был просто кричащий, кажется, без полутонов, без тонких нюансов. Но это тогда как-то не замечалось. Важно было то, что фильм не черно-белый, а цветной. Повышение требований к качеству цвета, к цветовым эффектам, к отказу от натурализма появилось позже. И это было естественным.

Сейчас, оглядываясь назад, видишь перед глазами почти всю историю кино. Отсутствует только самый первый период, первые шаги дореволюционной кинематографии, первые кинозвезды России, вроде Веры Холодной, Мозжухина. Но кино отличается тем, что из фондов можно вынимать старые ленты и прокручивать их, спустя много лет после съемок. Так мы узнавали и о первых русских и зарубежных фильмах, так познавали историю этого великого искусства.

Стереофонического и панорамного кино в те времена еще не было. Поэтому говорить об этом нечего. А вот о телевидении я впервые услышал еще в школе, в 1936 году. Тогда на уроке физики наш учитель Иван Адамович Чернышевич рассказал нам о необычайном чуде науки и техники — о передаче изображения на расстоянии. Он говорил, что на западе уже начали работать телевизионные установки, что у нас тоже работают над этим.

Закончил он свой рассказ утверждением, что мы вскоре сами будем свидетелями того, как в нашу жизнь войдет и это техническое чудо. Как оно войдет в наши дома и оттеснит и кино, и театр, и даже газеты, и радио, потому что будет и образным и очень оперативным, потому что многое возьмет на себя, не заставляя куда-то ходить. Слушал, но не очень верил. Все вроде бы логично, все по чертежам и таблицам понятно, но представить себе все это наяву было просто невозможно. Но, спустя какой-нибудь десяток лет увидел телевизоры «в живую».

Радио

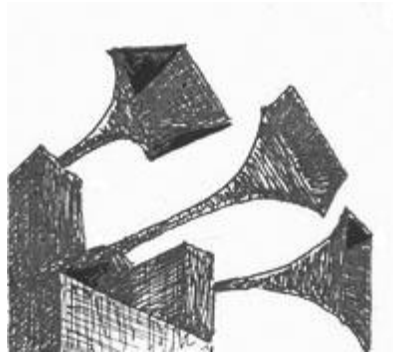
Однажды в середине двадцатых годов папа принес и вручил мне небольшую черную коробку. Это был радиоприемник, о котором я так долго мечтал. На коробке укреплены какие-то вертикальные катушки, сплетенные из тонких зеленых проводов. Одна катушка даже могла поворачиваться из вертикального положения в горизонтальное. Для этого у нее сбоку была приделана черная ручка. Были еще какие-то ручки-регуляторы. С краю укреплена стеклянная трубочка, в крышке которой была шарнирно укреплена маленькая круглая черная ручка со стержнем, уходящим внутрь трубочки. На нижнем конце стержня был укреплен тоненький спиралевидный стальной проводок с недлинным концом. В нижней части трубки находился какой-то блестящий многогранный сверкающий камешек-кристалл. Все это приспособление называется детектор.

И радиоприемник поэтому называется детекторным. Волосок-проводок, касаясь в том или другом месте граней камушка, находил те или иные волны. Имелся у приемника шнур со слуховыми наушниками. Эбонитовые трубки наушников соединялись между собой стальной пружиной-дугой. Наушники надевались на голову, трубки крепко прижимались к ушам.

Какое удовольствие искать в детекторе нужную волну. То одна станция передает последние известия, то другая дает музыку, песни. Можно поймать московские станции и главную из них — станцию «РВ-1 имени Коминтерна», можно какие-нибудь другие. Я больше всего любил ловить эту станцию Коминтерна. Даже с тех пор запомнил фамилии некоторых ведущих дикторов того времени. Одного звали Герциг, или Герцик, а другого Гро. Обе фамилии интересные, необычные. Позднее включилась Ольга Высоцкая. А песни пели разные эстрадные певцы. Запомнилась мне Вера Духовская с ее «Полюшком-полем». Пел Вадим Козин, пели Русланова, Изабелла Юрьева. Часто можно было услышать Барсову, Обухову, Михайлова, Пирогова. Но это все значительно позднее, почти перед войной. А тогда пели самые разные артисты, но фамилии я уже забыл. Часто выступали чтецы. Особенно любил слушать артистов Художественного театра — Тарханова, Москвина, Качалова, Прудкина, или из Малого театра — Царева, Блюменталь-Тамарину, Турчанинову, Пашенную, или Хенкина и Кара-Дмитриева из «Сатиры», других. Конечно, и тогда были разные программы. Разумеется, регулярно давались «Последние известия». Любил слушать «Пионерскую зорьку», «В рабочий полдень», музыкальные концерты.

А потом, в дополнение к приемнику, которым, к сожалению, мог пользоваться один человек, большей частью я, у нас в квартире появился репродуктор городской радиотрансляционной сети, или как она между нами называлась — «ЭмГэЭрТэЭс», то есть МГРТС. В дом во все квартиры была подведена специальная проводка радиотрансляции, а в комнатах появились большие черные репродукторы. Мы их называли «тарелками». Они и были похожи на тарелки. Были они конусообразные, почти плоские. В центре была укреплена какая-то металлическая штуковина с регулятором. Ручкой можно было регулировать громкость звука. Мама сердилась, если репродуктор был все время включенным.

Она приходила с работы усталая, а тут на всю комнату или концерты или последние известия. А то какая-нибудь лекция о пользе овощей или вреде курения. Приходилось считаться, и репродуктор отключался. Когда же мамы не было, он вещал обо всем, чем угодно. И конечно, на полную громкость.



На улицах и площадях, на фонарных мачтах или прямо на крышах домов были укреплены специальные репродукторы. Это были большие рупоры. Квадратные металлические вытянутые пирамидальные рупоры. В обычные дни они молчали. А в праздничные включались. И тогда музыка разливалась по всей улице, гремела на перекрестках.

Во время войны рекомендовалось не выключать тарелки-репродукторы ни на минуту. Мало ли что может случиться. Воздушная тревога, или еще что. И на улицах увеличилось количество рупоров, постоянно включенных, но вещающих централизованно. Это было очень важно для своевременного оповещения жителей о возможной опасности. Но не только тревожные вести передавались. Иногда давали бодрую военную или лирическую музыку, перемежаемую последними сводками Информбюро. А потом косяком пошли приветственные приказы об очередных победах на фронтах, о торжественных салютах в их честь. Радио тогда стало частью быта москвичей. Без сводок, без своевременного оповещения о тревогах, без сообщений о салютах и победах нельзя уже было жить.

Так незамысловатая черная тарелка прочно вошла в жизнь горожан. Без нее трудно представить их быт, их заботы, их радости.

Примусы, керосинки и чугунные утюги

Чего только нет сейчас в современной кухне: и электроплиты или газовые плиты, и разные там кофеварки, грили и тостеры, миксеры, кухонные комбайны и соковыжималки. Хозяйки пользуются электроутюгами, каминами. Бог знает чем. Ушло в далекое прошлое убогое оснащение кухни в домах двадцатых — тридцатых годов. В небольшом количестве особых домов, из числа доходных, где чаще были отдельные квартиры, были и газовые плиты и газовые колонки в ванных комнатах. А огромное большинство квартир, в основном коммунальных, даже такого оборудования почти не имело.

Так и наша квартира была обычной коммунальной, каких в Москве было тысячи, десятки тысяч. Кухня и все бытовое обслуживание, вроде водопровода, отопления и канализации, было общим. И поэтому в кухнях стояло столько кухонных столиков, сколько семей жило в квартире. Иногда имели кухни и плиту, на конфорках которой можно было что-то сварить, разогреть, поджарить. Но это бывало редко. Разве что по праздникам, когда плиту разжигали. А так как это бывало не часто, то плита обычно была занята примусами или керосинками. Сейчас, возможно, не всякий знает, что такое примус. Да и керосинку не помнят. Разве только дачники еще пользуются. Но и то теперь появились миниатюрные газовые плитки с баллончиками, а в некоторых дачах газовые плиты появились.

В наше же старое время примус был царем кухни, а керосинка, соответственно, царицей, оба — венцами цивилизации. Примус — это небольшой баллон на трех длинных ножках, загнутых наверху крючком. На эти крючки устанавливалось нечто вроде конфорки, только не сплошной, а сквозной. На эту конфорку ставились кастрюли, чайники, а при

стирке даже огромные баки. Как только выдерживали тонкие ножки примуса такую тяжесть (баки-то были наполнены водой и бельем!).

В верхней части баллона имелась специальная трубка с форсункой и горелкой. В форсунке имелось тоненькое отверстие, через которое шел вверх распыленный керосин из баллона. Мне иногда казалось, что идет не струйка керосина, а газ. Возможно, что в форсунке жидкость превращалась в нечто газообразное. Для этого создавалось большое давление в баллоне, получаемое накачиванием специальным насосом, укрепленным сбоку. Керосин заливался в баллон через специальное отверстие с плотно закрывающейся крышкой.

Чтобы форсунка не засорялась, ее время от времени надо было прочищать специальными тоненькими иголочками на длинных жестяных ручках. После прочистки примус давал огонь большой температуры, распространявшийся ровно по кругу под посудой. Это обеспечивалось специальным металлическим колпачком горелки, которая распределяла огонь равномерно. И примус весело пел и гудел, на короне огня что-то разогревалось, а то и просто можно было долго смотреть на этот красивый огонь завороженными глазами.

Некоторые хозяйки заменяли примус керосинками. Правда, она работала медленнее, чем примус, но была более безопасной. Керосинки были двух типов: высокие плоские одно- или двухфитильные и низкие круглые трехфитильные. Какие из них были лучше, не знаю. Мне больше нравились пузатенькие низкие. Какой-то у них был более надежный вид. Однако ровный и спокойный огонь керосинки совсем не вдохновлял. Ничего похожего на бурное и веселое пламя примуса. Высота пламени регулируется специальными колесиками на тонких спицах, выдвинутых своими концами наружу и снабженных круглыми ручками. Чтобы отрегулировать огонь, надо было поворотом ручки выдвигать или задвигать фитили. А зажигать их можно было лишь тогда, когда с баллона снимался основной цилиндр, на котором устанавливались кастрюли или чайники и сковородки. Когда фитили чересчур обгорали, их надо было подрезать, для чего тоже надо было снимать цилиндр… В длинных керосинках ничего не снималось, а просто весь ее короб, имеющий сбоку специальную ось, откидывался на бок и после зажигания фитилей возвращался на свое место, закрепляясь специальной удерживающей корпус пружиной. Через слюдяные окошки можно было рассматривать пламя и регулировать его, выдвигая или задвигая фитили, делая огонь сильнее или слабее. Гасить керосинку можно было поворотом ручки, полностью

задвигая фитиль вовнутрь, лишая его доступа воздуха. Задувать ее ни в коем случае нельзя.

Все это удовольствие — и керосин для заправки, и иголочки, и фитили, и сами примусы или керосинки покупались в керосиновых лавках. Вроде той, что была на нашей Кудринской площади.

Меньше и реже в квартирах того времени встречались особые нагревательные приборы. Их называли керогазами. Это было нечто среднее между примусом и керосинкой. Его официально называли бесшумным примусом. Но так как в нашей семье никогда керогаза не было, то ничего о нем рассказать не могу. Знаю, что был такой, что одновременно с примусом и керосинкой исчез из московских квартир.

Как примусы, так и керосинки и керогазы были опасны. Сколько пожаров случалось из-за них. Не счесть. Да и запах керосина не аромат цветов. А ведь бывало, что некоторые хозяйки и бензином пользовались.

Поэтому можно себе представить, как обрадовались москвичи, когда в их квартиры пришел саратовский газ. Это случилось в 1947 году, Постепенно район за районом стали газифицироваться. С вытеснением примусов и керосинок газовыми плитами ликвидировались сами собой керосиновые лавки, или, как их еще называли, «нефтелавки». Их раньше было полно по городу, а потом только на некоторых рынках сохранились для обслуживания еще недогазифицированных окраин. Позже все они и вовсе исчезли за ненадобностью.

В квартирах появились не только плиты, но и газовые колонки в ванных комнатах. Со временем о примусах и керосинках просто забыли. Правда, справедливости ради, надо заметить, что и это чудо — газ, стал интенсивно вытесняться в ванных комнатах горячим водоснабжением, а в кухнях электрическими плитами.

А вы задумывались когда-нибудь над проблемой глажения белья? Это же просто мучение — в домашних условиях, на тесной кухне или в маленькой комнате разворачивать огромные простыни, покрывала. О мелочах разных я не говорю. Их гладить было просто. Некоторые хозяйки имели гладильные доски, а большинство же женщин просто раскладывали на столе подстилку из какого-нибудь старенького одеяла и гладили.

Самым примитивным был цельнометаллический чугунный утюг с крученой металлической ручкой, за которую браться, когда он раскален, было крайне опасно. Приходилось пользоваться прихватками, тряпками. Утюг этот был относительно не очень тяжелым и даже удобным, но, к сожалению, сравнительно быстро остывал. Ведь дополнительного собственного разогрева в нем не было. Приходилось время от времени снова ставить его на примус или керосинку.

И еще мне очень нравилось смотреть, как такой утюг используют в виде тяжести, или «гнета» при квашении капусты или каких либо других солений.

Был еще и угольный большой утюг. Иногда его почему-то называли паровым. Почему, не знаю. Это было пустотелая кораблеобразная чугунная коробка с острым носом и откидывающейся назад крышкой. Ручка была деревянная, что все-таки было лучше, чем в простом утюге. Правда, и дерево иногда так нагревалось и обжигалось, что и тут приходилось пользоваться тряпками. В коробку засыпался древесный уголь, который долго мог оставаться горячим, пока не выгорали угли, но разгорался он не скоро. Приходилось ставить его в топку плиты, чтобы создавалась тяга. Но не всюду же были печи. Приходилось выдумывать иные способы, вплоть до дырявых сапог, как своеобразных мехов.

Этот утюг был значительно крупнее и тяжелее простого и дольше удерживал тепло. По-моему, он пользовался большим успехом у хозяек.

Однако, со временем, как и примусы с керосинками и керогазами, простой и угольный утюги уступили место более совершенным. Появились электрические, с каждым годом все более совершенствующиеся. Удобные и сравнительно безопасные Большое распространение получали и электроплитки. Жаль только, что спиральки в них часто перегорали, рвались. Приходилось чинить собственными силами, связывая оборванные концы.

Галоши и боты

Удивительное дело, климат в Москве, вроде бы, не очень изменился: и зима и осень, весна и лето такие же, как и прежде. И дождей и снега столько же. И также все мокнут под этими дождями, ходят по снегу и лужам в своей обуви, но почему-то теперь прекратили защищать ее от непогоды.

Раньше-то ведь как было: в непогожие дни, уходя из дома, одевали не только плащ или пальто, а зимой шубу. Не только брали зонты и зонтики, если шел или грозил пойти дождь или снег, но еще одевали на ноги галоши или боты. Боты больше носили женщины. И, конечно, маленькие дети или ветхие старики. Галоши же бывали и у мужчин, и у женщин, и у молодежи. Было как-то даже неприлично придти куда-нибудь в учреждение или к кому-нибудь в гости без галош или без бот. Да и у себя дома следить, оставлять мокрые пятна на полу не хотелось.

Боты бывали простые и теплые, отороченные мехом. Маленькие детские ботики были просто суконными с резиновыми подошвами. Резина заворачивалась и на бока ботиков. Галоши же были просто резиновыми с мягкой байковой подкладкой. Чаще всего подкладка была красного цвета. Чтобы не спутать с чужими внутри галош крепились маленькие медные буковки. Чаще всего одна или две из инициалов. Две, это когда в одном классе, скажем, по несколько человек имели фамилии, начинающиеся на одну и ту же букву. Маленькие школьники носили с собой в школу мешки, куда складывали свои галоши или ботики, а старшие не унижались до мешков. Вот и приходилось как-то метить галоши. Ботиков старшие не носили. Это просто считалось дурным тоном. Как я страдал, когда мама купила мне вместо галош ботики, и мне приходилось ходить в них в школу. Я

старался как-нибудь незаметно снять их побыстрее и сунуть куда-нибудь подальше, чтобы другие не заметили, не засмеяли.

Галоши попросту исчезли, вымерли, как мамонты и динозавры. Только вне города, и в провинции галоши еще носят. Но чаще надевают их на валенки, чтобы те не промокали. Боты на некоторое время оставались еще у женщин. Это были очень просторные фетровые высокие сапожки. Но потом и они отступили перед разного рода высокими ботинками — теплыми с мехом и оторочкой поверху, или просто гладкими высокими в виде сапог.

В конце двадцатых, в начале тридцатых годов дала о себе знать продовольственная проблема. До нас доходили неофициальные слухи о голоде в провинции, говорили о массовых смертях, об истощенных детях. В газетах об этом, конечно, не писалось. Но ведь связи жителей Москвы-столицы с другими городами и областями никогда не прерывалась. Родственники разбросаны по все стране, переписка идет интенсивная. Крики о помощи доносятся с разных мест. Повторяется то, что было во время гражданской войны и сразу после нее. Тогда даже из-за границы организовывалась помощь голодающим. Тогда и в газетах об этом писали. Помню, в музее Революции я увидел плакат того времени художника Моора «Помоги голодающим!!!». На черном поле около единственного переломанного пополам тощего колоска ржи стоял худющий старик в белой рубах, свисающей как со скелета, в не доходящих до пят белых штанах. Исподних, наверное. Жуткое впечатление. Но это показывали только в музее, как проклятое прошлое времен войны и знаменитой засухи. А о том, что творилось по стране теперь, никакая газета, никакой музей не мог говорить. Обо всем узнавали из уст в уста. От человека к человеку. И под огромным секретом. Проведают, так сразу тебе контрреволюцию пришьют за распространение антисоветских слухов. Пойди тогда доказывай, что это все сущая правда.

А в Москве, между тем, резко увеличилась нехватка продуктов. Правительство ввело карточную систему. Ввело строгое нормирование. Установило, какой категории граждан, сколько полагается хлеба, масла, мяса, сахара и всего прочего. Ввели продовольственные карточки, открыли закрытые распределители, или как их сокращенно называли «ЗРК». Это означало — «Закрытые распределительные кооперативы». Они создавались при заводах, где были организованы ОРСы, то есть «Отделы рабочего снабжения». Впрочем, ОРСы создавались не только при заводах, но и при других, совсем не рабочих предприятиях. В наркоматах, в учреждениях, в институтах.

А на руки жителям Москвы выдавались специальные книжки, в которых все было указано: сколько продуктов ты мог получить в месяц, в день. Эти книжки, по которым можно было забирать необходимые продукты, в народе просто назвали «заборными книжками». «Заборные» от слова «забирать» Может быть, тут и таился какой-нибудь иной скрытый смысл, но я над этим как-то не задумывался. Просто брал наши книжки, прикрепленные по хлебу к нашей булочной, а по другим продуктам к специальному магазину по маминой работе, который находился где-то в Зарядье, и отправлялся с корзиной то в булочную, то в тот распределитель. То я отправлялся, то кто-нибудь другой из нашей семьи.

Был у нас еще один источник снабжения. Мама работала тогда в системе Наркомата финансов, или сокращенно в Наркомфине. Правда не наркомом и не заместителем, всего лишь заведующей детским садом наркомата, но ее и всю ее семью прикрепили к закрытой общественной столовой, которая находилась в соседнем с нами квартале. На Новинском бульваре, в Шаляпинском саду был не так давно построен дом нового быта. В стиле конструктивизма. Там были двухэтажные квартиры, в которых не было кухонь. Кухня со столовой размещалась тут же в корпусе, пристроенном к жилому. Так в этой столовой по карточкам можно было забирать обеды на дом. И мы ходили по очереди с кастрюльками за этими обедами. Надо сказать, что обеды были превосходными. А в ЗРК продукты очень неровно давали. Иногда не отоваривали (слово-то какое появилось в то время!) по нескольку дней, а иногда и вовсе переставали давать что бы то ни было. А вообще-то говоря, наш ЗРК был относительно лучшим по сравнению со многими другими.

Приходилось мне как-то обедать в столовой трампарка. Я там с товарищем газету рисовал, и нам оплачивали это натурой: обедами в их столовой. Она мне страшно не понравилась. Там было какое-то столпотворение, шум, гам… И очень грязно, полутемно. На окнах зачем-то решетки с сетками навешены. От мух, что ли? Но от мух и сеток достаточно. Хотя, вру, совсем не достаточно, так как в помещении этих мух все равно было видимо-невидимо. Но кормили, впрочем, вполне сносно. Хотя однообразно, но достаточно приличными порциями. На что я там обратил внимание, так это на специально отведенное место, куда не всем был доступ. И окно выдачи обедов там было особое. Но все это не отделялось стеной от всего зала, а было только за барьером. И было все видно. Над столами этого выгороженного помещения был вывешен большой и броский плакат — «Места для ударников». В те годы ударничество приобретало силу. Его

сопровождал почет и материальные выгоды. Вывешивали списки ударников, их портреты. Позднее это назвали «Доской Почета». Тогда до этого еще просто не додумались. Но питали ударников лучше остальных, давали добавочно разные деликатесы. И пусть все это видят. И стремятся тоже стать ударниками.

Кстати, о «Досках Почета». До того, как они появились и стали активно распространяться повсюду, в каждом учреждении, на каждом заводе и даже в каждом цеху вывешивались особые доски. Две доски: одна красная, а другая черная. Соответственно, на красную вывешивали фамилии или фотографии ударников, людей почетных, имеющих те или иные достижения. А на черную, естественно, вывешивали фамилии разных прогульщиков, разгильдяев и просто провинившихся в чем-нибудь работников. Эти Доски проникли во все места, даже в школах и в отдельных классах были такие Доски. Так поощрялись лучшие, так клеймились худшие.

Но вернемся к проблемам снабжения. Заборные книжки за несколько лет до войны отменили, ликвидировали и разные «ОРСы» и «ЗРК». Кажется, какое-то специальное обслуживание для высоких чиновников осталось, но это все было за семью замками. И я как-то даже не задумывался над этим. Снабжение у нас стало лучше, ну и хорошо. А в чужой карман заглядывать мы не любили.

В начале войны вновь ввели карточную систему. Это было естественно. Народ подтянул ремни: шла жестокая война. Каким-то категориям работников ввели ряд льгот, вроде «ЛДП» — «Лечебно-диетического питания». Для этого в профком или местком надо было представить медицинскую справку. Я не знал случаев, чтобы какому-нибудь больному отказали в справке. Получали иногда справки и не очень-то больные. Все в то время недоедали, у многих было истощение.

После войны, в 1947 году карточки, наконец, отменили. Ну, и слава богу. А то даже, чтобы гостей пригласить, отметить какую-нибудь дату, приходилось или отоваривать все сахарные талоны на весь месяц, или бежать на толкучку, где можно было из-под полы все что-то втридорога достать. Мы со Светланой даже свою скромную свадьбу отметили, отоварив ради торта и бутылки портвейна «777» почти весь сахар всей семьи на целый месяц. А было-то всего шесть человек — мы, виновники торжества, наши мамы, Светина подруга Нора и мой приятель Юра. Вот и все. И ушли месячные талоны.

«Торгсины» и «Люксы»

В 1929 году в Москве начали открываться особые магазины, которые странно назывались «Торгсинами». Торговля с иностранцами. Что это? Как? Никаких иностранцев, впрочем, там не было. Просто через эти магазины собиралось золото и драгоценные металлы, а потом уже все это направлялось Наркомвнешторгом за рубеж. «Торгсины» славились тем, что в них все было — мясо, ветчина, икра, яйца, сыры и колбасы, экзотические фрукты, вроде ананасов или бананов, шоколад, пирожные и прочие деликатесы, недоступные простому обывателю с его продовольственными карточками. Здесь все продавалось на золото, серебро и прочие драгоценности. Сюда в случае крайней нужды несли последнее, что оставалось от старых времен, от бабушек и дедушек. Серебряные ложки, золотые браслеты, кольца, даже свои обручальные, серьги, кулоны, подсвечники, нательные кресты, даже ризы от икон. Если так приперло, особенно, если кто серьезно заболел, то ради спасения ничего было не жалко. И несли последнее, что пронесли через мировую войну, через гражданку, что сохранили во время голода двадцатых годов. Несли, чтобы выжить. А позже начали появляться магазины-люксы. Помню такой в бывшем «Мюр и Мерилизе», где сейчас размещен ЦУМ, на Петровке. Здесь тоже было все, что угодно, но за очень большие деньги. Золота не требовали, но рассчитывали на то, что если очень хочется, или очень нужно, то и денег больших не жалко. Если их не было, то любыми способами доставали, занимали. И расчет на это у организаторов «Люксов» был верный: бойко торговали эти «Люксы».

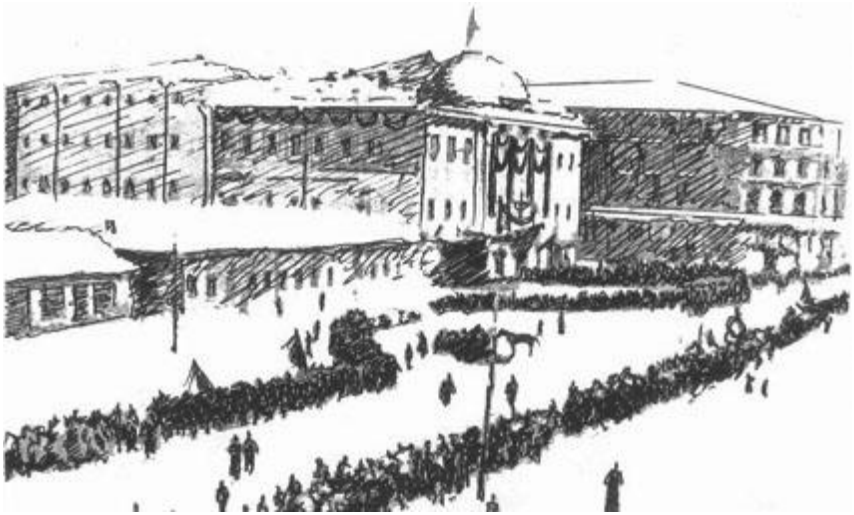
Прощание с Лениным

Мама долго укутывала меня. На костюмчик надела свитер, голову обкрутила большим и колючим шарфом, Поверх шапки-ушанки, завязанной крепко под самым подбородком, нахлобучила еще большой папин башлык, длинными концами которого обернула мою шубу пару раз и туго завязала сзади узлом. Повернуться было невозможно. Я уже успел тысячу раз вспотеть, пока мама надо мной колдовала. Но надо терпеть. Ведь сегодня мы пойдем прощаться с дедушкой Лениным, с самим Владимиром Ильичем. Он умер несколько дней назад. Наш детский сад то ли поэтому, то ли по причине страшных морозов прекратил работу. А сегодня мама вдруг сказала, что наш сад пойдет прощаться с Ильичем. Только старшая и средняя группы. Мне через месяц будет целых пять. Я уже средний. Значит, и я пойду. А Ирка, которая уже ходит в первый класс школы может не гордиться этим. Занятия у них тоже отменили, а вот прощаться с Лениным они не пойдут. И пусть не задается.

До детского сада доехать на трамвае не удалось — движение где-то перекрыли. Но я даже не могу определить, где мы находимся. Сумел кое-как продуть маленький кружок во льду на оконном стекле, незаметно от мамы оттянув шарф вниз, чтобы освободить рот. А шарф от дыхания совсем около рта мокрый стал и очень холодный.

Через сразу же запотевшее стекло ничего разобрать нельзя. По негромким разговорам взрослых понял, что везут нас как-то кругом, через Красную площадь и Никольскую улицу. А Охотный

совершенно перекрыт на нем каждый день стоят очереди идущих к Дому Союзов. И все время очереди увеличиваются. «Из других городов приезжают», — говорит одна тетенька рядом. «И не говорите, горе-то какое», — отзывается другая. «Народу видимо-невидимо. Даже ночами стоят, не расходятся», — вступает в разговор третья. «А сами-то Вы были?. «Какое там. Разве одной пробьешься. Наш завод, наверное завтра пойдет. Вот сейчас приеду и узнаю». «А наша фабрика не знаю, пойдет ли, нет… Но все говорят, что пойдет. Там райком все распределяет». И снова молчат. Только вздыхают.



Мы сошли с трамвая где-то на Никольской перед поворотом на Рыбный. Пошли до Третьяковских ворот, прошли к Театральному проезду и сразу же свернули во двор «Метрополя». Эти места я хорошо знаю. Ведь тут наш детский сад, мы гуляем и на Театральной площади, и в Александровском саду. Даже один раз в Кремль заходили. А на Никольской мы с мамой часто на обратном пути бывали. Тут магазинов видимо-невидимо. Но сегодня все магазины закрыты. Все дома как будто замерли. Повсюду развешаны красные флаги с черными лентами. Люди идут в одном направлении — к Третьяковскому проезду, к Лубянской площади. Все идут молча. Очень все серьезные. А мама ни на один мой вопрос не отвечает. «Молчи», — говорит. «И не открывай рот, простудишься».

В саду уже собралось много народу. Нашу группу отвела в отдельную комнату тетя Женя. Она наша воспитательница. Очень хорошая тетя. Я даже фамилию ее знаю. Она тетя Женя Разумовская. А знаю потому, что и мама моя тоже воспитательница, только в другой группе. Так она с тетей Женей

нашей очень дружна.

Нас всех зачем-то пересчитали. Потом гуськом вывели во двор. Тут мы построились парами. Меня с Юлькой поставили. Она задавака, но сегодня, как и все молчит, не высовывается. Придется идти с ней.

От «Метрополя» до Дома Союзов всего ничего: только площадь Театральную перейти. Но нас несколько раз останавливали, потом вели куда-то в сторону. Сквозь узкую щель между шарфом и спущенной почти на глаза шапкой я вижу, что к Дому Союзов с разных сторон тянутся длинные черные очереди. Как большие ленты. И еще заметил, что вся площадь белая ровная и никаких трамвайных рельсов не видно. Их занесло снегом. Трамваи-то не ходят. Вот все и затоптали. И черные ленты на ослепительно белом снегу особенно выделяются. Но рассмотреть подробнее мне не дали. К нам подошел какой-то высокий военный в застегнутой под подбородком буденовке и в шинели с красными «разговорами» — с яркими полосами, пришитыми на шинели спереди наискосок. Почему они, эти полосы, называются «разговорами» не знаю, но сейчас спрашивать нельзя. Так этот самый военный повел всех нас прямо ко входу в Дом Союзов. Попросил чуть подождать и куда-то ушел. И мы все стоим, осматриваемся вокруг.

Рядом с нами большой костер. Около него двое красноармейцев приплясывают, хлопают руками, и даже хлопают себя в обхват по спинам. И пар изо рта во всю идет. Впрочем, пар у всех нас. Только плохо, что он на шарфе застревает. Даже сосульки начали образовываться. А потом к костру подошел еще один красноармеец и привел с собой рыжую лошадь. Вот так чудно: у лошади и от губ и от ресниц большие льдинки висят. И

из ноздрей. И по всей морде на шерсти иней.

И у красноармейца тоже брови все, как льдинка. На усах тоже льдинки. А вдали видны еще костры и вокруг них приплясывающие люди. И над всей очередью и над другими очередями стоит пар от дыхания. Издали-то его не видно было, а тут вблизи пар, как облако над толпой. И царит тут гробовое молчание.

И вдруг я увидал совсем рядом с нами небольшой комочек. Я думал, что это камень или кусок льда. А как рассмотрел получше, то увидел, что это же ведь воробушек. Мертвый, замерзший, как камень валяется, вытянув вверх тонкие ножки. Если бы не эти ножки, то я бы и не разглядел, что это замерзшая птичка. Не выдержала мороза, бедная.

Вернулся высокий военный, сказал кому-то: «Пропустите детей», и мы по очереди вошли в подъезд. А очередь, остановившаяся, чтобы пропустить нас, не произнесла ни слова. Молча люди смотрели на нас, проходящих в подъезд. И вот мы вошли. Тут стало немного теплей. По бокам вдоль стен стоят высокие венки с красно-черными лентами. С потолка спускаются широкие черные полосы материи. Юлька заметила, что это зеркала затянуты и сказала об этом мне. Хоть какой-то прок от нее. И еще за руку держит, как будто бы я убегу. Прошли в большой зал. Тут очень трудно что-нибудь рассмотреть. Какой-то высокий постамент, весь усыпанный цветами. Около него стоят люди с красно-черными повязками. Но что там наверху я не вижу. Вон тетя Женя подняла кого-то из наших на руки, высоко подняла. Так тот, наверное, видит. А я ну ничегошеньки не вижу. А останавливаться не разрешают. Тихо так, настойчиво говорят: «Проходите, товарищи, проходите». И мы проходим. Мы, значит,

тоже товарищи. Так я толком ничего и не увидел. Ладно, хоть и Юлька ничего не видала, все меня спрашивала шепотом, что там, да что там. А что я ей мог ответить.

Вышли мы из Дома Союзов прямо на Большую Дмитровку. И быстро-быстро пошли назад в сад. После помещения сразу же стало холодно. И опять этот шарф проклятый. Тетя Женя, когда мы вернулись в группу, сказала: «Вот теперь, дети, вы будете долго помнить, как прощались с Владимиром Ильичом». Ну что я буду помнить? Я ведь почти ничего не увидел. А ребята вон, перебивая друг друга, о чем-то говорят, будто видели. А у меня из головы не уходят сосульки на ресницах лошади и усах бойца. И не могу забыть окаменевшего воробышка, лежащего на окаменелой мостовой вверх лапками. Тонкими, со скрюченными коготками.

Как взрывали храм

Как-то в самом начале декабря 1931 года мой одноклассник Славка Эдельберг сказал мне по секрету: «А знаешь, Борька, завтра у нас будут Храм взрывать. Пойдем смотреть». «Врешь ты все» — не поверил я. «Честное пионерское под салютом», — уверял меня Славка. Парень он был правдивый, не верить ему не было никаких оснований. Но ведь ни в каких газетах ничего не сообщалось. «А ты, что, думаешь, что об этом будут на весь свет кричать?» — спросил Слава. Нет, но все-таки. Ведь то, что там собираются строить новый Дворец Советов все давно знают. Но о взрыве Храма никто и не подозревает. Правда, храм давно уж огорожен высоким забором. Но про взрыв я что-то не слыхал. Но, если Славка говорит, значит, он что-нибудь знает. В последнее время много церквей снесли, но их не взрывали, а разбирали. А храм-то вон какой, такой не очень-то разберешь.

— А ты откуда знаешь? — спрашиваю я, все еще не очень веря ему.

— Откуда, откуда. От верблюда! У нас весь двор знает. А ты не веришь.

— Ладно, верю. У нас какие завтра уроки?

— Ну, эти и пропустить не жалко. Скажем, что простудились немного, вот и не пошли в школу

— Ладно, договорились. Жди меня завтра к девяти. Раньше, я думаю, ничего не будет.

Назавтра я сложив книжки в ранец, наскоро поел и помчался к Славке на Пречистенский бульвар. Дорога не близкая, но дело

важное. От Никитских ворот проехал на трамвае.

Славкин дом стоит на самом углу Пречистенки и Гоголевского бульвара. Сам он живет на первом этаже, и окна его квартиры выходят во двор. Так что о наблюдении из комнаты и говорить не приходится. Надо лезть на крышу. Что мы с парой еще каких-то ребят из этого дома и сделали.

На крыше ветер пронизывающий, по щекам бьет отчаянно. Пришлось скрываться за широкими дымовыми трубами. Но все равно холодно. Долго так не просидишь. Да и из-за трубы плохо будет видно. Придется выходить на угол дома.

А на площади перед храмом прекращено движение трамваев и всякого транспорта. Куда-то, то в одну сторону, то в другую, бегают какие-то люди. В основном это красноармейцы. В шинелях, шлемах-буденовках. Есть и гражданские, но их немного, и толпятся они маленькой группкой в одном месте. Никуда не ходят. Только к ним время от времени подбегают разные люди. Никаких команд не слышно. Ничего пока не понятно. И долго ли будет все это длиться? Уж взрывали бы поскорее. А то мы совсем замерзнем.

И в самом деле замерзли. Пришлось слезать через слуховое окно снова в чердак, а оттуда домой. Погреться. А то ни руки, ни ноги не слушаются. А пальцы так вовсе окоченели. Отчаянно болят.

Славкиной сестры Иры, к счастью, нет. А то бы она нас выгнала в школу. Она в доме старшая. Славка ее во всем слушается. Попив горячего чайку, отогревшись, снова лезем на крышу. Но ничего не происходит. Так и приходилось то вылезать на крышу, то спускаться вниз.

Наконец, где-то к середине дня, примерно к обеду, все внизу

резко изменилось. Почувствовалось приближение момента. Опустели ближние подступы к храму. Мелкие толпы людей отодвинулись в сторону Пречистенки.

Никакой команды я не слышал. Но она, наверное, была. Я увидел вдруг, как вместе с нашим домом вздрогнул храм, как он начал медленно оседать одной своей стороной, как снизу вверх стала подниматься столбом пыль или дым. Только мгновения спустя до нас донесся грохот взрыва. Только после того, как храм стал оседать.

Но его не смогли взорвать весь сразу. Многие части его продолжали стоять. А потом и они стали оседать в клубах пыли под звуки взрывов.

Ничего особенного вроде бы и не произошло. Подумаешь, какой-то там храм взорвали. Мало ли их, и больших и маленьких повзрывали, посносили. Так думал я тогда, спускаясь снова в славкину квартиру. На этот раз чтоб наконец отогреться. Больше нам на крыше делать было нечего. В подъезде дома около лестницы какая-то старуха вся в черном, мелко крестилась и что-то про себя шептала, приговаривала. Вот ей, конечно, жалко. А мне так ничуть. Будет, о чем завтра ребятам рассказать.

Дирижабль над Москвой

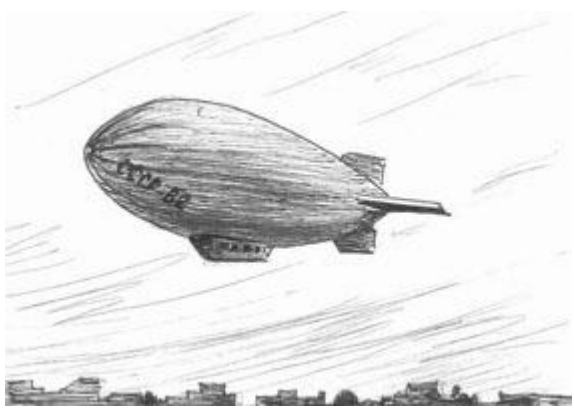
День, как день. Обычный, ничего особенного. По улицам взад и вперед снует народ. Ребятишки весело перекликаются. Обычный день.

Вдруг откуда-то сверху с неба стал доноситься какой-то шум. Вроде бы рокот какой-то вместе с гудением. На гул самолета не похоже. Но ничего наверху не видно. Небо чистое, голубое.

Вдруг раздался чей-то голос. «Летит, летит!» Потом еще голоса. Все смотрят вверх, но стены домов не позволяют ничего увидеть. А рокот все приближается. Ровный такой. Спокойный.

Из-за крыши высокого дома показывается нос дирижабля. А вот показался весь его корпус. Длинная серебристая сигара. Очень красивая с большой гондолой внизу. И с хвостовым оперением сзади. Во все четыре стороны — вверх, вниз и в обе стороны большие открылки. Нижний с особым приспособлением для рулежки.

Это дирижабль. Называется он «Граф Цеппелин» по имени своего изобретателя. Подумать только, граф и вдруг изобретатель. Хотя это теперь не в новинку.



Вон недавно из Италии на полюс неудачно летал дирижабль «Италия» во главе с генералом Умберто Нобиле. Тоже граф. Но

слетал неудачно. Недалеко от полюса сделал вынужденную посадку. Спасали его всем миром. И наши ледоколы «Красин» и «Малыгин» тогда отличились, помогли. И летчики — Бабушкин и Чухновский тоже. Тогда о нашей роли в спасении экспедиции Нобиле долго во всем мире говорили.

А этот дирижабль, что сейчас летает над нашим городом немецкий. Он прилетел к нам с каким-то визитом. Думаю, что с дружеским. А то дали бы ему так просто летать над столицей.

Вскоре во время демонстраций над Москвой летал уже наш дирижабль «СССР-1». Потом стали появляться и другие. Вообще, о дирижаблестроении заговорили во всех газетах. Дирижабли стали появляться и в плакатах, посвященных строительству социализма в нашей стране, и в детских рисунках. Каждый уважающий себя школьник обязательно рисовал на своих картинках дирижабль. И обязательно с красной звездой.

Это стало модой. В Долгопрудном даже целый специальный институт с заводом построили. Я видел там огромные ангары. Видно, у нас Правительство всерьез решило заняться дирижаблестроением.

А сейчас «Граф Цеппелин» плывет над московскими домами, рокот моторов сопровождает его полет. Кажется, что он летит очень низко, почти над самыми крышами домов, чуть ли не задевая их. Но на самом деле он выше. Так только кажется.

Гибель самолета «Максим Горький»

Этот день обещал быть очень радостным. Еще бы, я только что побывал в кино на очень хорошей картине. Я собираюсь сегодня в большую велосипедную поездку. Погода прекрасная. Солнце греет во всю. На небе ни облачка. Только над городом низко-низко летает группа самолетов: огромный самолет агитэскадрилии имени Максима Горького. Это АНТ-20 «Максим Горький» и около него два малюсеньких самолетика типа «Р-5». «Максим» величаво плывет в небе, а маленькие летят рядом с ним как бы для сравнения. Такой громадный и такие маленькие.

А один из них даже делает разные фигуры высшего пилотажа рядом с «Максимом Горьким». И даже иногда чуть ли не вокруг огромного крыла его. Или так только кажется. Наверное, кажется, потому что самолеты летят несколько в стороне от меня, и я не могу различить, делает ли малютка петлю вокруг крыла или дальше от него, чуть в сторонке. Так и летают они, заставляя всех нас, землян, высоко задирать голову, наблюдая за ними. Очень уж здорово все это выглядит. И такая гордость и за нашу авиацию, имеющую такие красавцы самолеты, и за нашу страну, создающую их, овладевает мною. И зависть. Самая настоящая. Я страшно завидую тем, кто сейчас там внутри самолета сидит в мягких креслах и смотрит на нас сверху вниз. Какими мы им кажемся маленькими. Козявками какими-то, ползающими по земле. Чего-то воображающими. А они гордо летают над нами, над городом, над Землей.

Я шел по улице и задумался о счастье полетов, о восторге, который испытывает летчик. О, как же завидую я вам, парящим там высоко-высоко! Как хочу испытать такое же счастье!

Но что это?… Почему все вокруг заволновались? Что

случилось? Я снова смотрю вперед на небо в ту сторону, куда удалился самолет. Что это? Почему он круто летит вниз к земле. Почему над ним кружится только один самолетик. Где другой? Мысли скачут, как угорелые. Я не знаю, что думать. Я просто вижу, я отчетливо вижу, как самолет стремительно несется чуть косо вниз. Ничего не понимаю. И вдруг его не стало. Его закрыли дома, но через мгновение над этими домами вырос огромный столб дыма или пыли. Черт его знает, что там происходит. И вслед за этим вдруг сильный звук взрыва. Этого не может быть!

ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

ЭТОГО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ!

Я мчусь к дому, вбегаю на свой этаж, врываюсь в квартиру, хватаю велосипед и выскакиваю на улицу. Все это за считанные минуты. Я вскакиваю на свою «Украину» и что есть силы несусь в том направлении, где было падение. Да, конечно же, это было падение. Падение самолета. Падение «Максима Горького». Там люди. Там сотни людей. Что же произошло. Впрочем, что произошло я, кажется, уже понимаю. Но как это случилось, как могло произойти? Надо скорее добраться туда. Это где-то за Зоопарком, но значительно дальше. Или у Тушина, или у Сокола. Или даже за Коптевым. Я бешено кручу педали, я обгоняю все, что возможно и невозможно. Мне уже свистели вслед. Но я мчусь, как только могу.

За Ваганьковским мостом по Хорошовке несутся в ту же сторону, что и я, разные машины. Вот, обгоняя всех, проносится несколько машин скорой помощи. Значит, это туда. Вот тоже, страшно ревя сиренами, обгоняют меня пожарники. Мчатся какие-то машины. В основном легковые. Все, конечно, туда. Куда еще можно сейчас спешить?

Вдруг приходится остановиться. Впереди заслон. Милиционеры и военные. Они останавливают машины, кого-то пропускают, проверив, кого-то разворачивают назад. Мне ясно, что тут не пробиться. Надо в обход. Делаю резкий разворот и мчусь назад, до ближайшего поворота налево. Но поворота все нет и нет. Наконец-то, о счастье, мне повезло. Налево идет не дорога, не проезд, а какая-то тропинка. По ней, наверное, выберусь. На ней не задержат. Прибавляю скорости и, подпрыгивая на каждом бугорке, над каждой ямой, мчусь вперед. Въезжаю в какой-то двор. Дальше забор. Дальше никуда. Что делать. В обход вдоль забора выбираюсь на какую-то улицу. Наконец-то. Мчусь дальше. Улица вливается в другую, а потом выходит прямо на Ленинградское шоссе. Судя по облаку дыма, все еще держащемуся на небе, надо ехать в правую сторону от

Ленинградского шоссе. В сторону Всехсвятского или Коптева. А вдруг облако отнесло ветром в сторону, и мне надо не вправо, а влево, куда-то между Хорошовским и Ленинградским шоссе. Решаю, что надо вправо. За Ленинградское. Пытаюсь его перескочить, но не тут-то было. И тут заслон. Я снова ищу обход. И не нахожу. Все вокруг оцеплено. Как оперативно! Убедившись в тщетности попыток, подхожу к милиционерам, чтобы узнать о том, что же и как произошло. Ответы мало вразумительны. В основном коротко: «Проходи, проходи, туда нельзя». Видно, что сами они тоже ничего не знают. Знают только, что разбился какой-то большой самолет, что их поставили никого не пропускать. И все. Никакого толку от них не добьешься. А почему, собственно, они должны мне что-то рассказывать.

И вообще, а кто ты такой. А ну, покажи документы. Нету? Так катись к чертовой матери обратно, пока не задержали и не отправили, куда надо!

Я благоразумно ретировался. Попыток прорваться не делал. Решил возвращаться. По дороге часто слезал с машины, подходил к группам людей, оживленно обсуждавших событие.

Но никто ничего толком, конечно, не знает. Только предполагают, строят разные догадки, иногда граничащие с вымыслом. Может, взорвался, как утверждает одна женщина, которая «сама собственными глазами видела взрыв». А может, просто не так сманеврировал? А кто-то додумался до того, что стал утверждать, будто бы в крыло «Максима Горького» врезался маленький самолет, на подъеме, когда выполнял мертвую петлю. Будто бы он сам это видел.

— А иди ты, знаешь куда! Тоже мне очевидец. Видали мы таких! Врезался, скажет еще…

— Да я же сам видел. Вот тебе крест! Ей богу.

— Знаем мы таких! Катись, пока не поздно, Выдумают еще такое!

— Да разве может врезаться. Это надо же — сам видел!

«Очевидца» с позором прогнали, хотя он продолжал кричать, что видел же, сам, собственными глазами видел. Его никто не слушал, продолжая высказывать одно предположение невероятнее другого.

— Не иначе, как враг какой-нибудь, супостат проклятый все это устроил, — высказывает предположение сухонькая старушка.

— Ну, это ты, старая, загнула. Враг… Откуда тут враг? Хотя, кто знает?

— А может, и впрямь враг? — тихо произносит невысокий паренек

— Ну, это нам знать неоткуда покедова. Все одно, узнаем, что

к чему. Может, и враг. Их сейчас вон сколько повылазило. А может, несчастье. Все может быть…

Я отошел в сторону. Все равно, ничего у них узнать невозможно. Вон, даже до врагов договорились.

Неподалеку толпилась группа возбужденных ребятишек. Они о чем-то оживленно говорили, отчаянно размахивая руками. Явно спорили. Я прислушался.

— Да я же сам собственными глазами видел…

— Ну, что ты видел. Ничего-то ты и видеть не мог. Ты где был тогда? Во дворе. А оттуда разве увидишь.

— А вот увидел. Честное пионерское, чтоб мне провалиться на этом месте. Он крутил-крутил, да ка-а-к раз! Прямо в крыло. Оно и отломилось. Потому и упал. Он ка-а-к в крыло ра-а-з, и оно в сторону, — паренек руками показывает движение обоих самолетов.

— Да иди ты. Видел он, как же. Ну, посуди сам, как мог один самолет врезаться в крыло. Оно же узкое. Ты помнишь, мы в кино таран видели. Так там он прямо в лоб шел. В широкий лоб и специально целился. А тут совсем не так. Говорят тебе, что взрыв был. А ты заладил одно: врезался, врезался. Вот я как тебе врежу сейчас, так ты у меня не то запоешь.

— Дурак ты. Я же сам видел, — не унимался пацан.

Я отъехал от этого места. Вот и паренек говорит, что маленький самолет врезался. Как же было на самом деле? Ничего узнать невозможно.

Я вернулся домой совсем разбитый. И от гонки велосипедной, и от страшных мыслей. Не знал, что подумать. И некого спросить. Юрки нет. А кто еще может знать. Придется ждать утренних газет, ждать известий по радио. А в доме только и разговоров, что о сегодняшней трагедии.

А наутро во всех газетах траурные рамки. Горе неслыханное. Погиб, разбился красавец нашего воздушного флота, самый большой в мире самолет «Максим Горький». При выполнении прогулочного и агитационного полета над Москвой в него врезался сопровождавший его самолет, ведомый летчиком Благиным, оторвал у него крыло и вместе с ним врезался в землю. Оба погибли — и «Максим Горький» и самолет Благина. Не врал, значит, очевидец, видел, значит, в самом деле. И малец не врал. Но от этого не легче.

На следующий день в передовице «Правды» написано прямо — совершено воздушное хулиганство. Какой ужас. Погибли все, кто был на самолете, поврежден дом в районе Всехсвятского, кажется, есть жертвы и там. В этот день на «Максиме Горьком» катали над Москвой создателей самолета, работников ЦАГИ с их

семьями. Там были и женщины и дети. Это был как бы подарок для ЦАГИ. И вдруг такое несчастье.

Была создана Правительственная комиссия по организации похорон, Была оказана материальная помощь семьям погибших. Все было сделано правильно. А людей не стало. И этого никто исправить не может.

Всех похоронили на Новодевичьем кладбище. Большой кусок монастырской стены был отдан под захоронение урн, большой кусок земли перед стеной отведен под могилы погребенных в землю. На стене огромный барельеф, изображающий самолет в полете. Все выполнено из черного габбро или из лабрадорита. Рядом с могилами погибших есть и могила летчика Благина. Сначала я этого не мог понять. Как это, ведь он виновник их гибели. Как же можно рядом?. А потом подумал, что, наверное, это сделано правильно. Перед лицом смерти все равны.

А газеты продолжали давать материалы о трагедии, давать описания самого самолета. Это был самый крупный в мире самолет. «АНТ-20», «АНТ» это инициалы Анатолия Николаевича Туполева, знаменитого конструктора самолетов. Создавали и этот самолет в ЦАГИ у Туполева. Длиной в 35 с половиной метров, с размахом крыльев в 63 метра. Цельнометаллический моноплан с восемью двигателями. Тяжелый он был. Как писали в газете, взлетная масса у него было в 42 тонны, а нагрузка в 13,5 тонн. Дальность полета имел в две тысячи километров, потолок — четыре с половиной тысячи метров, а скорость мог развивать до 226 километров в час. Имел он восемь человек экипажа и брал на борт 72 пассажира. Имел свою типографию, свою киноустановку с просмотровым залом. Одним словом, самолет был агитационным, он возглавлял целую агитэскадрилию под тем же названием «Максим Горький».

В газетах та же тема о воздушном хулиганстве. Это, конечно, правильно, в воздухе недопустимы самовольство и хулиганство. А я думаю, что, конечно, хулиганство надо всегда пресекать, но тут ведь есть и кое-что другое. Не самовольно же Благин начал крутить петли вокруг крыла? Ведь кому-то это не только нравилось. Ведь кто-то разрешил это делать. Может быть, ради показухи, может быть для рекламы. Один черт. А людей не стало. Тот, кто разрешал и благословлял такие эксперименты вокруг крыла, наверное, спокойно рассуждает о вреде хулиганства. Авторитетно рассуждает.

А людей нет в живых.

По всей стране прокатилась волна призывов не только воссоздать погибший самолет, а построить целую новую эскадрилью из подобных же гигантов. Как ответ страны на эту

ужасную гибель первенца гигантов. И правительство поддержало эти призывы. А может быть, сначала Правительство и ЦК ВКП(б) об этом решили, а потом развернули почин снизу. Но это, в конце концов, не так уж и важно. Ведь призыв этот нашел отклик в сердцах многих. Повсюду начали собирать деньги, отовсюду неслись разные предложения. Уже были названы эти первые десять самолетов, которые должны были построить в ответ на гибель «Максима». Конечно же, должен был снова возродиться «Максим Горький», а остальным дали имена по фамилиям членов Политбюро. Сталин, Молотов, Куйбышев, Орджоникидзе, Калинин, Каганович, Микоян, Андреев. И Кирова не забыли. Повсюду развешивались красочные плакаты с десятком огромных самолетов, возглавлявших несметное количество следовавших за ними крылатых машин. И Сталин с приветственно протянутой рукой.

Мне вдруг стало казаться, что за всей этой шумихой хотят как-то притупить боль от пережитого несчастья, как-то забыть про того «Максима», про сотню с лишним людей, чья гибель стала толчком для этого почина. И как бы велик ни был этот почин, а людей не вернуть.

Встреча челюскинцев

Всю страну, весь земной шар облетела тревожная весть: во льдах Арктики затонул ледокол «Челюскин». Буквально все старались, как можно быстрее и точнее узнать самые последние новости. Первая же радиограмма, которую передал О. Ю. Шмидт 14 февраля 1936 года, в которой говорилось о гибели корабля, о высадке на лед всего экипажа, запаса продовольствия, палаток, самолета и даже собак, внесла некоторое спокойствие. Нет, вернее, не спокойствие (какое уж тут спокойствие, когда решается судьба людей, потерпевших кораблекрушение!), а скорее уверенность в их спасение. Обсуждали сроки этого спасения, способы, которыми будет осуществляться эвакуация людей со льдины. И все-таки сам факт бедствия, сам факт вынужденной высадки на льдину в чрезвычайно тяжелых условиях полярной зимы, потрясал. Все время была тревога: а как они там? А что там? Некоторую бодрость придавало то, что с «Лагерем Шмидта» все время поддерживалась регулярная связь по радио. Вот тогда я впервые услышал фамилию Кренкеля, отважного радиста экспедиции. О смелых полярниках мне приходилось слышать часто. Недаром наша школа носила имя Фритьофа Нансена. В библиотеке школы были специальные стенды, посвященные экспедициям Нансена и других покорителей обоих полюсов. Амундсен, Скотт, Пири. Трагические истории экспедиций Седова на «Святом Фоке», Альбанова на «Святой Анне», американцев де Лонга на «Жаннете» и Грили, Гибель «Доброй Надежды». Все эти истории потрясали. Особенно пристально я стал следить за проблемами освоения Севера и покорения Северного полюса после сенсационной истории спасения экспедиции Нобиле, пытавшегося на дирижабле «Италия» достичь полюса. Тогда тоже весь мир переживал эту трагедию. Роль советских моряков с ледоколов «Красина» и «Малыгина», летчиков Бабушкина и Чухновского была признана как выдающаяся. Трагическая гибель Руаля Амундсена, вылетевшего на спасение экспедиции Умберто Нобиле, долго переживалась прессой всего мира.

И вдруг страшное известие о гибели «Челюскина», о создании лагеря на льду. Не станет ли этот лагерь ледовым пленом? Хватит ли выдержки у людей, оказавшихся на льдине? Достаточны ли меры, которые принимает наше Правительство для их спасения? Когда же, наконец, долетят самолеты до лагеря? Почему все так затягивается? Тысячи вопросов возникало вокруг челюскинской эпопеи.

До 5 марта все было однообразно и неопределенно. Теплилась, а потом разгоралась надежда. А потом из-за ужасных сводок погоды, из-за сообщений о том, какая тяжелейшая ледовая обстановка, какая практически нелетная погода стоит там, возникало уныние, надежды уменьшались. 5 марта Ляпидевский сел в лагере и благополучно вывез всех женщин. Девять человек! И все сомнения, как рукой сняло: теперь все будет хорошо. Спасут всех. И хотя всякое было за это время, хотя трудности не уменьшались, все равно стало ясно: операции по спасению пройдут хорошо. Внушала уверенность четкая работа всех звеньев спасательных работ. Вызывали восхищение В. В. Куйбышев, возглавлявший Правительственную комиссию по спасению челюскинцев и О. Ю. Шмидт, руководитель экспедиции, умело организовавший жизнь в лагере, ставший символом героизма и мужества.

Первые сообщения о героических полетах Ляпидевского и, Каманина потрясли не менее вести о несчастии. Мастерские посадки на торосистые ледовые площадки, первые перевезенные на материк люди! Сначала женщины, потом наиболее слабые и неприспособленные к длительным ледовым испытаниям. А потом, одну группу за другой всех участников экспедиции.

Очень взволновала болезнь Шмидта, порадовало известие о благополучной переправе его на материк. Каждая сводка была радостью.

А как восторгался я, когда узнавал подробности о быте лагеря. Какая высокая дисциплина, какая выдержка! Именно они способствовали успеху всех операций по спасению. Ни малейшего намека на панику. А цикл научных лекций, организованный О. Ю. Шмидтом на льдине! А лекции по диамату! Это надо же! Удивительные люди. Много значило, конечно, волевое начало, осуществляемое Шмидтом до мелочей. И твердая уверенность людей, что Родина не оставит их в беде, Родина выручит.

Сейчас, когда все страшное позади, об этом легко говорить. А тогда ведь многое было неизвестно. А тут еще старалась западная печать, внушавшая мысль о несбыточности надежд на спасение.

Сколько сомнений высказывала она, внушая мысль о нереальности задуманных планов спасения. И то не получится, и то помешает. Наши газеты старались не помещать эти сообщения, только иногда в обзорах кое что сообщали в этом плане. Но радио-то не перекроешь. И просачивались пессимистические прогнозы, распространялись даже панические слухи. И только грандиозные подвиги наших людей на льдине и в воздухе не только успокаивали, но и вызывали восторг и восхищение.

Я чувствовал, что такое испытываю не я один. Чувствовалось единодушие. И когда, наконец, сообщили, что последние шесть человек со льдины сняты, что вместе с ними вывезены даже собаки, всеобщему ликованию не было предела. У всех на устах имена героев — в первую очередь Ляпидевского, Каманина и Слепнева. И с ними вместе и Леваневский, и Молоков, и Доронин, и, конечно же, Водопьянов. Называли еще другие фамилии героев-летчиков — Галышева, Пивенштейна, других. Перечислялись десятки людей, способствовавших спасению: ездовых собачьих упряжек, которых тоже направили к лагерю, радистов на материке, моряков кораблей и ледоколов, вышедших в северные воды для помощи в спасении. Но первая семерка все-таки была особой.

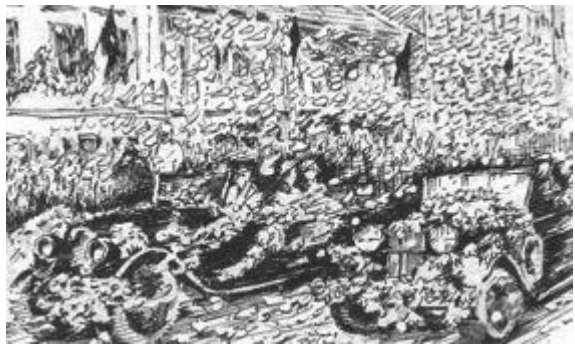
Какая гордость охватывала меня и моих друзей. Помню, как кто-то вычитал в «Правде» слова моряка Шамкинга, который потерпел вместе со своими товарищами кораблекрушение в 1923 году у берегов Аляски и был оставлен на произвол судьбы: «Можно завидовать стране, имеющей таких героев, и можно завидовать героям, имеющим такую страну».

И вот сегодня, 19 июня, Москва встречает Героев и челюскинцев. Указ о первом в стране присвоении высочайшей награды — звания Героя Советского союза — вызвало всеобщий восторг. Им вручат ордена Ленина и высекут их имена на специальном монументе.

Мы стоим на улице Горького и ждем. Огромные толпы людей заполнили все вокруг. Милиционеры еле сдерживают напор желающих пробиться вперед, чтобы увидеть своими глазами Героев-летчиков, героев-челюскинцев и членов Правительства. На небольших расстояниях друг от друга гарцуют конные милиционеры в белых кителях и шлемах. Толпа их тоже приветствует. Царит общий подъем. Все улыбаются, все возбуждены. Даже милиционеры не могут сдержать улыбок. Повсюду разговоры о том, как организована встреча. Оказывается, все всё знают. Почему я не знаю?

Вот, говорят, что все Политбюро во главе со Сталиным выехало на вокзал. Рассказываются подробности встреч по пути

следования поезда с Дальнего Востока в Москву. Рассказываются всякие эпизоды из жизни героев. Особо говорят о лагере, о Шмидте, который сразу для всех стал таким родным и удивительно нужным.



— Едут, едут! — доносится откуда-то слева. Едут! Но этого даже не нужно говорить. Ясно, что едут, так как по улице в нашу сторону надвигается белая туча. Что это? Сопровождаемая гулом, туча приближается, заслоняя собой все на свете. И вот она уже совсем близко. Это туча листовок. Такого еще никогда не бывало. Их бросают по мере приближения колонны машин с крыш домов, с балконов, кидают из толпы. Нарастающий гул перешел в грохот аплодисментов и рев оваций. Люди кричат, не помня себя, не обращая внимания на соседей. Кричат, кидают цветы. Море цветов. Нам повезло: перед нами туча листовок редеет, так как мы стоим на площади перед памятником Пушкину, и просто рядом нет высоких зданий, чтобы кидать. И нам лучше видны машины. Вот приближается первая пара, за ней другая. Идут парами. Машины открытые, украшены гирляндами цветов, засыпаны цветами. На некоторых машинах укреплены портреты Героев. Хоть и не очень быстро едут машины, но разобрать, кто где все-таки не очень-то просто. Коллективно это сделать легче. Идет сплошное узнавание. Причем, узнав кого-нибудь, кричат об этом отчаянно. И никого это не смущает. Всем радостно, всем кричать хочется.

Шмидта узнают сразу и безошибочно. Борода стала знаменита на весь мир. Его приветствуют особо горячо. Узнав кого-нибудь из Героев, тоже кричат об этом. Представляю себе, что чувствуют сейчас все они. Трудно, наверное, выдержать такой напор. Но выдерживают. Едут спокойные, улыбаются, отвечают на приветствия помахиванием рук. Рядом с летчиками их жены, дети. Вот, наверное, самые счастливые люди на свете. Еще бы, их мужья, их отцы Первые Герои Страны.

Смотрю на Героев. О чем они сейчас думают? За время пути

по железной дороге им пришлось в каждом городе, на каждой станции выдерживать весь этот поток приветствий. Даже устали, наверное.

Наконец, колонна ушла в сторону Кремля. Оцепление снято. Люди заполнили улицу и продолжают переживать. Праздничное настроение царит повсюду. Все смотрят друг на друга, как на лучших своих друзей. Это же надо: так сплачивает совершенно незнакомых людей одна общая идея. Одна великая общенародная радость в связи с таким блестящим окончанием эпопеи спасения. Все стали на это время совсем родными. И как хорошо улыбаются друг другу. С какой гордостью думают сейчас и о своей Родине, и о ее героических свершениях. И как здорово чувствовать себя частицей всего народа, которому выпало на долю творить героическую историю.

Так думал я, возвращаясь домой, опьяненный всем виденным, всем пережитым.

Демонстрации

Сколько помню себя, всегда вспоминаются первомайские и октябрьские демонстрации, в которых мне пришлось участвовать. Вернее, присутствовать. С самого маленького возраста.

Отец брал меня на демонстрации еще тогда, когда я был в детском саду. Не помню, брал ли он при этом с собой и Иру, была ли с нами мама. Помню только, что я сижу на плечах у папы, крепко обхватив его голову. А он держит мои ноги. Мы находимся на Красной площади. Тут полно народа. Идут колоннами. Мы тоже в какой-то колонне. Вокруг много цветов, много знамен, портретов, воздушных шаров, транспарантов, макетов. Глаза разбегаются. Сейчас трудно вспомнить все эти макеты и портреты, все эти лозунги. Да и не обязательно это. Но об одном, глубоко врезавшимся в память, расскажу.

Представляете, на грузовом автомобиле, борта которого обтянуты кумачом, стоят две огромные фигуры, рабочий с большим молотом и буржуй толстопузый с широкой белой лентой поверх черного фрака. На ленте только цифры: единица и много-много нолей. Папа говорит, что это значит, что он очень богатый человек, что у него миллионы. Рабочий время от времени поднимает свой большой молот и бьет им по черному цилиндру. Около этих фигур большая надпись: «Наш ответ Чемберлену!», или Керзону, сейчас уж и не помню. Папа объясняет, что Англия что-то делает плохое против нас, но мы ее не боимся. Когда мы приблизились к этой машине, то я увидел, что внутри этих огромных фигур Рабочего и Буржуя находятся люди, они изнутри делают все эти движения молота. Они смотрят через маленькие

прорези в одежде и смеются. Даже Буржуй смеется, когда по его цилиндру ударяет Молот.

И еще одна интересная машина: на ней одетый в позолоченную рясу поп, рядом с ним в черной поддевке поверх синей косоворотки и в черном картузе пузатый человек. На его пузе надпись — «Кулак». А что это значит, я не знаю. Папа говорит, что это деревенский буржуй. Рядом с ним маленький юркий человечек. Надпись: «Подкулачник». Еще какие-то люди. Это все всякие враги. А над ними на специальном помосте два человека — рабочий и девушка-работница с красной косынкой на голове. В руках у них Знамя. Они в красных костюмах. Вокруг них много знамен. Они что-то кричат в толпу, которая им аплодирует. А враги только за головы хватаются. От впечатлений голова кругом. Мы возвращаемся домой, где нас ждет вкусный праздничный обед.

Помню еще, как нас, ребятишек из детского сада, возили по праздничному городу на автомобилях. Борта машин обтянуты красными полотнищами, украшены гирляндами из цветов. В машине деревянные скамейки. Нам строго запрещают садиться на борт. Это опасно.

Только на скамейках, и только спокойно и чтобы не баловаться. В руках у нас красные флажки. У некоторых воздушные шарики и цветы.

Мы кружим по праздничным улицам центра Москвы. Кричим «Ур-р-р-а!», отчаянно размахиваем флажками. Нас приветствуют прохожие. Они тоже на празднике. В руках у многих цветы, флажки или даже шарики. По Москве идет гуляние.

Младшие классы школы на демонстрации не ходили. На машинах нас не возили. Приходилось самостоятельно, или с родителями, выходить на праздничные гуляния. Когда подросли, перешли уже в старшие классы, то стали принимать участие в демонстрациях. Это было святым делом для всех нас. Помню, я просыпался рано-рано. Одевал выглаженную пионерскую форму, повязывал шею красным галстуком и долго изнывал, пока не приближалось время для ухода в школу. Форма у нас была красивая — белый верх, черный низ. Белые носочки. Красные галстуки. Очень нарядно. Даже в зеркало приятно посмотреть.

Наскоро позавтракав, отправляюсь в школу. На улицах встречаются спешащие к себе в организации люди. Они тоже будут участвовать в демонстрации. Все веселые, улыбаются. Многие с цветами.

На улицах только люди. Трамвайное движение снято. Можно спокойно идти по середине мостовой. А над нами во всю орет радио. Почти на всех домах на крышах установлены радиорупора.

Они настроены на всю громкость. Передаются только праздничные песни. Играет бодрая музыка. Все это создает особое праздничное настроение.

В школе мы долго ждем своего выхода. По радио уже передают репортаж с Красной площади. Там военный парад. Слышится грохот танков. А над головами вдруг проносятся в сторону Красной площади самолеты. Медленно в строю проплывают тяжелые бомбардировщики. Их обгоняют стремительные истребители. Тоже звеньями, эскадрильями. И вдруг совсем неожиданно, оглашая воздух страшно нарастающим гулом, проносится ястребок. Это какой-то особый скоростной истребитель. Он летит низко над крышами домов и где-то над самой площадью вдруг взмывает резко вверх. Эффектно. За ним тоже самое проделывают еще и еще такие же ястребки. У нас уже шею ломит от того, что мы стоим, задрав головы. От грохота некоторые стоят с открытыми ртами.

Наконец, мы строимся в колонны по шесть в ряду и возглавляемые директором школы Иваном Кузьмичом, учителями и старшей пионервожатой, идем с нашего Мерзляковского переулка на Большую Никитскую улицу. На нас смотрят, нам машут приветственно руками. Мы горды, мы счастливы. Мы идем на Красную площадь. А над нами проплывает дирижабль. Это тоже поднимает настроение. А в воздухе полно воздушных шариков разных цветов. Дома украшены флагами, плакатами. На стенах праздничные плакаты вместо афиш о спектаклях. Очень много цветов.

Площадь проходим в быстром темпе. Так, видимо, надо, но очень неприятно почти бежать по самой Красной площади. Стараемся разглядеть членов Политбюро. Вон там в центре сам Сталин. «Ур-р-ра товарищу Сталину!» А рядом старенький Калинин. «Ур-р-ра товарищу Калинину!» А дальше Молотов, Куйбышев, Ворошилов, другие. Ур-ра! Ур-ра» И все это во время бега. А тут еще нас все время подгоняют: «Быстрее, быстрее! Не задерживайтесь». Как ложка дегтя. Все впечатление портится.

Около Василия Блаженного строй распадается. Идем группами, кто куда хочет. Многие демонстранты складывают свои знамена и портреты вождей около Кремлевской стены. Их потом подберут машины. А мы свои знамена несем обратно в школу. Настроение у всех снова приподнятое. Уже забылось неприятное чувство от пробежки по площади. Обмениваемся впечатлениями. Спорим о том, кто был на трибуне, а кого не было. Возбужденные идем по праздничным улицам.

Вечером снова собираемся у школы и отправляемся по вечернему праздничному городу. Зажигаются иллюминации. В

витринах освещены плакаты и портреты. Много света. Вокруг веселый смех. Повсюду песни. Мы отправляемся на Тверскую. По ней к Красной площади на набережную Москвы-реки. Там особенно хорошо иллюминирован МОГЭС.

Когда мы учились уже в старших классах, то после демонстраций обязательно ходили на улицу Горького (бывшую Тверскую), где в витринах были выставлены проекты будущих зданий Москвы. Красивые перспективы, фотографии. Живо обсуждали виденное, яростно спорили о проектах.

Какие это были замечательные дни. Как хорошо было всем вместе быть на демонстрации, всем вместе ходить по заполненной народом праздничной Москве.

Как хорошо жить.